ЧУЖАЯ АГОНИЯ

англо-американская фантастика

ЧУЖАЯ АГОНИЯ

Сборник
научно-фантастических
рассказов

Перевод с английского
А.Елькова, Ю.Копцова

Художник *А.Логвин*

Москва
«Отечество»
1991

ББК 84(0)6-44
Ч 91

Составитель Ю.Копцов

Ч 91 Чужая агония: Сб. научно-фант. рассказов; Пер. с англ./Сост. Ю.Копцов.—М.: Отечество, 1991.—224 с.

ISBN 5-7072-0006-1

Сборник знакомит с творчеством популярных английских и американских писателей-фантастов. В него вошли рассказы известных писателей Клиффорда Саймака, Артура Кларка, Рэя Брэдбери, а также произведения других авторов, переводы которых редко публиковались в отечественной литературе.

Ч $\frac{4603010000—005}{91}$ Без объявл.

ISBN 5-7072-0006-1

СТУК В ДВЕРЬ

Фредерик Браун

Есть одна короткая страшная история, которая состоит всего из двух предложений:

"Последний человек на Земле сидел в комнате в полном одиночестве. Раздался стук в дверь..."

Всего два предложения и многоточие. Весь смысл заключается, конечно же, не в самой истории, а в многоточии: к т о постучал в дверь.

* * *

Последний человек на Земле - или во Вселенной, не все ли равно - сидел в комнате в полном одиночестве. Она была весьма необычна, эта комната.

Уолтер Фелан был профессором антропологии в Натанском университете до того, как два дня назад это учебное заведение прекратило свое существование. Он имел худощавое телосложение и мягкий характер. Его вид не привлекал внимания, и он сам хорошо знал об этом.

Однако в данный момент его волновал отнюдь не внешний облик. Он знал, что два дня назад за один час все человечество было полностью истреблено, за исключением его и еще одной женщины. Но факт существования женщины ни в коей мере не интересовал Уолтера Фелана.

Женщины в его жизни не играли никакой роли с тех пор, как

полтора года назад умерла Марта. Она отнюдь не была хорошей женой, скорее наоборот. Но он любил ее, хотя находился у нее под каблуком. Ему было всего сорок лет сейчас и всего тридцать восемь, когда умерла Марта, но с тех пор он даже ни разу не задумывался о женщинах. Его жизнь заполнили книги. Одни он читал, другие писал. Теперь, после гибели мира, писать книги не стоило, и ему оставалось провести остаток своей жизни за их чтением.

Конечно, хорошая компания сейчас не помешала бы, но он мог вполне обойтись и без нее. Может быть, через какое-то время он и не отказался бы от общения с каким-нибудь заном, хотя представить себе такое было трудновато. Их образ мышления так отличался от его собственного, человеческого, и невозможно было представить, что они смогут найти тему для разговора. Уолтеру казалось, что заны по интеллекту подобны муравьям, хотя внешнего сходства не наблюдалось. И он также догадывался, что сами заны смотрели на род человеческий подобно тому, как он смотрел на обыкновенных муравьев. В самом деле, совершенное ими на Земле напоминало разоренный людьми муравейник.

Заны дали ему множество книг, как только он сказал, что не может жить без них. К тому же он понял, что ему суждено провести всю оставшуюся жизнь в одиночестве, в этой самой комнате. Всю оставшуюся жизнь, или, как необычно выразились заны, на-всег-да.

Даже изощренный ум, а у занов был именно такой, может иметь свои характерные особенности. Заны выучились земному английскому за несколько часов, но упорно продолжали говорить по слогам. Однако мы отклонились от темы.

Раздался стук в дверь. После этой фразы нет многоточия, и я хочу заполнить это место и доказать вам, что это совсем не страшно.

Уолтер Фелан произнес: "Войдите", и дверь открылась. Это оказался, конечно же, всего лишь зан, выглядевший точь в точь, как другие заны; если и существовал способ отличать их друг от друга, то Уолтер еще не нашел его. Зан был около четырех футов ростом и не был похож ни на кого из ныне живущих на Земле и ни на кого из тех, кто жил на ней до прихода занов.

- Привет, Джордж, - сказал Уолтер. Когда он узнал, что у занов нет имен, то решил называть их всех подряд этим именем, и, похоже, заны не возражали.

- При-вет, Уол-тер, - произнес зан.

Это был ритуал - стук в дверь и обмен приветствиями. Уолтер ждал.

- Пункт пер-вый, - сказал зан. - От-ны-не, по-жа-луй-ста, сиди в сво-ем кре-сле ли-цом в дру-гу-ю сто-ро-ну.

- Я тоже так думал, Джордж, - отозвался Уолтер. - Эта голая стена прозрачна с другой стороны, не так ли?

- Она про-зрач-на.

- Я знал это, - вздохнул Уолтер. - Это простая голая стена, около которой нет никакой мебели. И сделана она из какого-то другого материала, нежели остальные стены. А если я останусь сидеть спиной к ней, что тогда? Вы убьете меня? Я спрашиваю с надеждой.

- Мы от-бе-рем у те-бя кни-ги.

- Ты попал в самую точку, Джордж. Все правильно. Я буду смотреть в другую сторону, когда сяду и начну читать. Сколько еще животных, кроме меня, в этом вашем зоопарке?

- Две-сти шест-над-цать.

Уолтер покачал головой.

- Мало, Джордж. Даже самый захудалый земной зоопарк переплюнет вас - я имею в виду, переплюнул бы, если бы на Земле остались захудалые зоопарки. Вы отбирали нас случайно.

- Слу-чай-ный от-бор, да. Все эк-зем-пля-ры бы-ло бы слиш-ком мно-го. Са-мец и сам-ка от сот-ни ви-дов.

- Чем же вы их кормите? Я имею в виду плотоядных.

- Мы де-ла-ем корм. Син-те-ти-чес-кий.

- Великолепно. А флора? Ведь вы же собрали ее коллекцию, не правда ли?

- Фло-ра не по-вреж-де-на виб-ра-ци-я-ми. Она все еще рас-тет.

- Тем лучше для флоры. Вы не столь жестоко отнеслись к ней, как к фауне. Итак, Джордж, ты начал с пункта первого. Я делаю вывод, что есть еще пункт второй. Каков же он?

- Про-и-зо-шло что-то, чего мы не по-ни-ма-ем. Дво-е дру-гих жи-вот-ных спят и не про-сы-па-ют-ся. О-ни хо-лод-ны-е.

- Это случается даже в самых лучших зоопарках. Возможно, с ними все в порядке, за исключением того, что они мертвы.

- Мерт-вы? Э-то зна-чит ос-та-но-вить-ся. Но их ни-что не ос-та-нав-ли-ва-ло. Каж-дый из них был в о-ди-но-чес-тве.

Уолтер пристально посмотрел на зана.

- Значит, Джордж, вы не знаете, что такое естественная смерть?

- Смерть - э-то ког-да су-щест-во у-би-то, его жизнь ос-та-нов-ле-на.

Уолтер Фелан прищурился.

- Сколько тебе лет, Джордж? - спросил он.

- Шест-над-цать... ты не знаешь сло-ва. Тво-я пла-не-та за это вре-мя об-хо-дит вок-руг сво-е-го солн-ца око-ло се-ми ты-сяч раз. Я еще мо-лод.

Уолтер тихо присвистнул. - Ты еще грудной ребенок, - произнес он и на несколько секунд задумался. - Послушай, Джордж, тебе следует узнать кое-что о планете, на которой ты находишься. Здесь есть один человек, которому наплевать, откуда вы. Это старик с бородой, косой и песочными часами. Ваши вибрации не убили его.

- Что он со-бой пред-став-ля-ет?

- Зови его "Старик с косой", Джордж. Старик Смерть. Наши люди и животные живут до тех пор, пока кое-кто, а именно Старик Смерть, не останавливает их жизнедеятельность.

- Это он ос-та-но-вил два су-щест-ва. Он ос-та-но-вит кого-ни-будь еще?

Уолтер открыл было рот, чтобы ответить, но передумал. Что-то в голосе зана свидетельствовало о том, что если бы у него было лицо, то на нем появилось бы беспокойное выражение.

- Как насчет того, чтобы проводить меня к тем животным, которые больше не проснутся? - спросил Уолтер. - Или это против правил?

- Пойдем, - произнес зан.

Это произошло на второй день пополудни. На следующее утро к Уолтеру пришли сразу несколько занов. Они начали передвигать

мебель и перебирать книги. Когда они закончили, то взяли его с собой. Он очутился в более просторной комнате примерно в ста ярдах от прежней.

В этот раз он тоже сидел и ждал. Когда в дверь постучали, он уже знал, в чем дело, и встал, вежливо говоря: "Войдите".

Зан отворил дверь и отступил в сторону. В комнату вошла женщина.

Уолтер слегка поклонился. - Уолтер Фелан, - представился он, - если Джордж еще не сказал вам, как меня зовут. Джордж старается быть вежливым, но пока еще не знает всех правил нашего этикета.

Женщина вела себя спокойно, он с удовлетворением отметил это про себя.

- Меня зовут Грейс Эванс, мистер Фелан, - сказала она. - Что все это значит? Зачем меня сюда привели?

Уолтер рассматривал ее, пока она говорила. Она была высокого роста, почти как он, и хорошо сложена. На вид ей было чуть более тридцати лет, примерно столько же, сколько и Марте. В ней чувствовалась та же спокойная уверенность, что была у Марты и всегда ему нравилась.

- Мне кажется, вы уже догадались, зачем вас сюда привели, но давайте обсудим немного создавшееся положение, - сказал он. - Вы знаете, что случилось с остальными людьми?

- Вы имеете в виду, что они... убили всех до одного?

- Да. Присядьте,пожалуйста. Вы знаете, как им это удалось?

Она села в стоявшее поблизости мягкое кресло.

- Нет, - ответила она, - не знаю. А разве это имеет какое-либо значение?

- Не особо. Но я вкратце расскажу, что узнал, после того, как разговорил одного из них и свел воедино все полученные сведения. Занов немного - по крайней мере здесь. Я не знаю, насколько они многочисленны там, откуда прилетели, равно как и где они живут, но думаю, что за пределами солнечной системы. Вы видели космический корабль, на котором они прилетели?

- Да. Он огромный, как гора.

- Видите ли, на нем имеется некое оборудование, испускающее что-то подобное вибрации, - так они называют это на своем языке, но я думаю, что это скорее напоминает радиоволны, - которая уничтожает всю земную жизнь. Сам корабль защищен от вибрации. Я не знаю, достаточен ли радиус ее действия для того, чтобы сразу уничтожить все живое на планете или они летали вокруг Земли, посылая вибрационные волны. Убили они всех в один момент и, надеюсь, безболезненно. Единственная причина, по которой мы и еще две сотни животных в этом зоопарке остались живы, та, что нас взяли в качестве образцов и поместили внутри корабля. Вы знаете, что это зоопарк, не правда ли?

- Я ... я подозревала это.

- Фасадные стены прозрачны с наружной стороны. Заны весьма предусмотрительно начинили каждую комнату всем жизненно необходимым для существа, которое в ней находится. Эти комнаты, вроде той, в которой сейчас находимся мы с вами, сделаны из пластика, и у них есть машина, строящая одну такую комнату всего за десять минут. Если бы на Земле была такая машина и такая технология, нехватка жилья была бы полностью ликвидирована. И мне кажется, что человечество - в данном случае мы с вами - может перестать беспокоиться о водородной бомбе и возможности новой войны. Заны решили многие из наших проблем.

Грейс Эванс слегка улыбнулась.

- Еще один случай, когда операция прошла успешно, но пациент все же умер. Все произошло совершенно непонятным образом. Вы помните, как вас взяли в плен? Я - нет. Однажды вечером я уснула, а проснулась уже в клетке на борту космического корабля.

- Я тоже не помню, - сказал Уолтер. - Догадываюсь, что вначале они использовали волны небольшой интенсивности, лишь для того, чтобы мы потеряли сознание. Затем они летали вокруг Земли, подбирая образцы для своего зоопарка более или менее случайно. После того, как они собрали, на их взгляд, достаточное количество образцов и на корабле уже не осталось свободного места, они включили излучение на полную мощность. Вот и все. И до вчерашнего

дня они так и не знали, что совершили ошибку, переоценив наши возможности. Они думали, что мы бессмертны, как и они сами.

- Что мы...?

- Их можно убить, но им неизвестно, что такое естественная смерть. Было неизвестно до вчерашнего дня. Вчера двое из нас умерли.

- Двое из... О!

- Да, двое из нас - животных в этом зоопарке. Два вида безвозвратно утеряны. А по меркам времени занов, каждому из сохранившихся представителей каждого вида осталось жить всего несколько минут. Они же считали, что земные животные бессмертны.

- Вы имеете в виду, что они не осознавали, как недолго мы живем?

- Правильно, - сказал Уолтер. - Одному из них, совсем молодому, семь тысяч лет, как он мне сам сказал. Они, между прочим, двуполые, но размножаются, пожалуй, один раз в десять тысяч лет или вроде того. Когда они узнали, как смехотворно коротка жизнь наших животных, то были поражены до глубины души, если таковая у них вообще имеется. Так или иначе, но они решили реорганизовать свой зоопарк - по паре, а не по одному представителю. Они считают, что мы дольше протянем коллективно.

- Ах, так! - Грейс Эванс встала, слегка покраснев. - Если вы думаете... Если они думают... - она направилась к двери.

- Она наверняка закрыта, - спокойно сказал Уолтер Фелан. - Но не волнуйтесь. Может быть, они и думают об этом, но я - никогда. Вам даже не стоит говорить, что вы не вступите в связь со мной, даже если я окажусь последним человеком на Земле; это прозвучало бы старомодным при данных обстоятельствах.

- Но они собираются держать нас взаперти вдвоем в этой маленькой комнате?

- Она не столь уж мала; мы как-нибудь устроимся. Я могу вполне удобно спать в одном из этих чересчур набитых чем-то кресел. Но не думайте, что я полностью соглашусь с вами, дорогая. Если отбросить в сторону все личные соображения, то мы окажем самую пло-

хую услугу роду человеческому, если он исчезнет вместе с нами с лица земли и не будет продолжен, хотя бы ради показа в зоопарке.

- Спасибо, - сказала она еле слышно, и краска сошла с ее лица. В глазах еще оставался гнев, но Уолтер знал, что она злится не на него. Сейчас, когда глаза ее блестели, она, как ему показалось, очень походила на Марту.

Он улыбнулся ей и произнес. - В противном случае...

Она встала, и в какой-то момент ему даже показалось, что она подойдет к нему и даст пощечину. Но она устало села обратно.

- Если бы вы были мужчиной, то подумали бы о том, как... Вы сказали, их можно убить? - в ее голосе чувствовалась горечь.

- Занов? О да, конечно. Я изучал их. Они чертовски не похожи на нас, но я думаю, что у них примерно такой же обмен веществ, такой же тип кровеносной системы и, возможно, такая же система пищеварения. Думаю, что то, что может убить кого-нибудь из нас, убьет и кого-нибудь из них.

- Но вы говорили...

- Ну конечно же, существуют определенные различия. У них нет того вещества, которое вызывает старение организма у людей. А может быть, у них имеется какая-нибудь железа, которой нет у людей и которая обновляет клетки. Гораздо чаще, чем раз в семь лет, как я полагаю.

Грейс совсем забыла свой гнев и с жадностью усваивала все то, о чем говорил Уолтер.

- Думаю, что так оно и есть. Однако, как мне кажется, они совсем не чувствуют боли.

Он надеялся на такой поворот событий.

- Почему вы так считаете, дорогая? - спросил Уолтер.

- Я натянула кусок проволоки, которую нашла у себя в комнате, поперек двери так, чтобы кто-нибудь из занов упал. Так и произошло, и зан порезал ногу.

- У него выступила кровь?

- Да, но было похоже, что это его ничуть не обеспокоило. Он совсем не испугался и не пожаловался, лишь убрал проволоку.

Через несколько часов порез прошел. Точнее говоря, почти прошел. Я заметила след и поняла, что это был тот же самый зан.

Уолтер Фелан медленно кивнул головой.

- Он, конечно, не разозлился. Они не знают эмоций. Если бы мы убили одного из них, они, возможно, даже не наказали бы нас. Они бы стали давать нам еду через решетку и держаться подальше точно так же, как люди относятся к животному, которое убило служителя зоопарка. Они лишь стали бы следить за тем, чтобы мы не напали еще на кого-нибудь.

- Сколько же их здесь всего?

- Около двухсот, - сказал Уолтер. - Здесь, на этом самом корабле. Но, без сомнения, их гораздо больше там, откуда они прилетели. Мне кажется, однако, что это всего лишь авангард, посланный для того, чтобы очистить нашу планету и сделать ее безопасной для заселения занами.

- Они уж точно устроили неплохой...

Раздался стук в дверь, и когда Уолтер Фелан произнес: "Войдите!", зан открыл дверь и встал в проходе.

- Привет, Джордж, - сказал Уолтер.

- При-вет, Уол-тер, - тот же самый ритуал. Тот же самый зан?

- Что там у тебя?

- Еще од-но су-щест-во за-сну-ло и не про-сы-па-ет-ся. Ма-лень-кое, по-кры-тое шер-стью, на-зы-ва-е-мое гор-но-стай.

Уолтер пожал плечами.

- Бывает, Джордж. Старик Смерть. Я же тебе рассказывал о нем.

- Еще ху-же. У-мер о-дин из за-нов. Се-год-ня ут-ром.

- Разве это хуже? - в упор посмотрел на него Уолтер. - Ну, Джордж, вам придется привыкнуть к этому, если вы намерены остаться здесь.

Зан ничего не сказал. Он не двигался.

Наконец Уолтер произнес. - Ну, так что же?

- О гор-но-ста-е. Ты со-ве-ту-ешь то же са-мо-е?

Уолтер пожал плечами.

- Возможно, это вовсе не поможет. Но почему бы не попробовать?

Зан ушел.

Уолтер слышал, как шаги инопланетянина затихли вдали. Он ухмыльнулся. - Это может сработать, Марта, - сказал он.

- Мар... Меня зовут Грейс, мистер Фелан. Что может сработать?

- А меня зовут Уолтер, Грейс. Вам также следует привыкнуть к этому. Знаете, Грейс, вы мне очень напоминаете мою жену Марту. Она умерла пару лет назад.

- Извините меня. Но что может сработать? О чем вы говорили с заном?

- Мы узнаем об этом завтра, - ответил Уолтер. Больше она не смогла вытянуть из него ни слова.

Это был третий день пребывания занов на земле. Следующий день оказался последним.

Было около полудня, когда пришел один из занов. После обычного ритуала приветствий он встал в дверях. Он выглядел более враждебно, чем когда-нибудь. Было бы интересно описать его, но слов не хватит.

- Мы у-ле-та-ем, - сказал он. - Наш со-вет со-брал-ся и при-нял ре-ше-ние.

- Умер кто-нибудь еще из вас?

- Вче-ра ве-че-ром. Это пла-не-та смер-ти.

Уолтер кивнул. - Вы сделали свое дело. Вы оставляете в живых двести тринадцать существ, но это все, что осталось от нескольких миллиардов. Не спешите возвращаться.

- Что мы мо-жем сде-лать для вас?

- Поторопиться. И можете оставить нашу дверь незапертой, но у прочих этого делать не надо. Мы сами о них позаботимся.

Зан кивнул и ушел.

Грейс Эванс вскочила с места, ее глаза сияли.

- Как?! Что?! - только и смогла произнести она.

- Подождите, - предостерег ее Уолтер. - Давайте послушаем, как они улетят. Я хочу услышать и навсегда запомнить этот звук.

Звук послышался всего через несколько минут, и Уолтер Фелан,

только сейчас осознавший, в каком напряжении он находился все эти дни, плюхнулся в кресло и расслабился.

- В саду Эдема тоже была змея, Грейс, - тихо произнес он, - и из-за нее человечество попало в беду. Но эта змея выручила нас, тем самым загладив вину своей предшественницы. Я имею в виду партнера той змеи, которая умерла позавчера. Это была гремучая змея.

- Вы имеете в виду, что она укусила тех двоих занов, которые умерли? Но...

Уолтер кивнул.

- Они здесь растерялись, как дети в лесу. Когда они привели меня посмотреть на первых животных, которые "заснули и никак не проснутся", и одно из них оказалось гремучей змеей, у меня, Грейс, появилась идея. Я подумал, что, может быть, ядовитые животные являются специфической особенностью Земли, и заны ничего не знают об этом. И, кроме того, может быть, обмен веществ у занов настолько похож на наш, что яд окажется для них смертельным. В любом случае я ничего не терял. И оба предположения оказались правильными.

- Как вам удалось заставить их взять...

Уолтер Фелан усмехнулся.

- Я объяснил им, что такое любовь. Они совсем не знали этого, но были заинтересованы в том, чтобы сохранить оставшихся особей каждого вида как можно дольше, отснять и записать издаваемые ими звуки до того, как они погибнут. Я сказал им, что животные умрут немедленно после потери партнера, если их не будут постоянно любить и ласкать.

- Я показал им, как это надо делать, на примере утки, которая и была вторым животным, потерявшим своего партнера. К счастью, утка оказалась ручной и я без труда прижал ее к своей груди и погладил, показав им, как это делается. Затем я оставил ее вместе с гремучей змеей на попечение занов.

Он встал, потянулся, затем вновь сел, устроившись поудобнее.

- Ну что же, нам придется планировать, как жить всему этому миру, - сказал он. - Нам надо будет выпускать животных из ковчега, а это все надо как следует продумать. Диких травоядных можно

отпустить прямо сейчас, предоставив им самим решать собственную судьбу. Домашних лучше оставить себе и заботиться о них, они нам еще понадобятся. Но плотоядные, хищники... да, нам придется подумать. Однако я боюсь, что начнется всеобщий хаос. По-видимому, до тех пор, пока мы не найдем и не запустим машины, которые они использовали для производства пищи.

Уолтер взглянул на нее.

- И еще род человеческий. Нам следует принять решение насчет этого. Весьма важное решение.

Ее лицо, как и вчера, опять слегка порозовело. Она неподвижно сидела в кресле.

- Нет, - произнесла она.

Он сделал вид, что пропустил ее ответ мимо ушей.

- Это был красивый биологический вид, несмотря на то, что почти никто из его представителей не уцелел. Сейчас все начнется сначала, если мы, конечно, предпримем определенные усилия. Род человеческий может на какое-то время отстать в своем развитии, пока вновь не наберет силы, но мы можем собрать книги и сохранить основной объем знаний в неприкосновенности, по крайней мере самое основное. Мы можем...

Он остановился, когда она встала и направилась к двери. Точно так же, подумал он, поступала и Марта, когда он ухаживал за ней перед женитьбой.

- Подумай, моя дорогая, и не принимай скоропалительных решений, - сказал он. - Но в любом случае возвращайся.

Дверь захлопнулась. Он сидел в ожидании, продумывая все, что ему предстоит, если приняться за дело, но пока он не спешил приниматься.

Через какое-то время он услышал ее неуверенные шаги. Грейс возвращалась.

Он слегка улыбнулся. Видите? Это вовсе не было ужасно.

Последний человек на Земле сидел в комнате в полном одиночестве. Раздался стук в дверь...

ИМИТАЦИЯ

Алан Е.Нурс

Рассекая черноту звездных трасс, космический корабль летел в направлении орбиты третьей планеты. Его путешествие было долгим. Он возвращался домой.

Дональд Шейвер сидел с серым лицом, уставившись в навигационную панель. Он рассматривал полетные карты, но его узкие плечи сотрясала мелкая дрожь.

Высокий блондин рывком открыл люк и буквально впрыгнул в штурманскую каюту, излучая радость. - Хей, Донни, - взревел он. - Мы покинули, наконец, эту чертову дыру. А? Что скажешь? Он привычно глянул на яркую красную точку на навигационной панели, затем повернулся и поглядел радостно в иллюминатор, потирая руки от удовольствия.

- Хотел бы я сейчас быть дома, - сказал Шейвер угрюмо.

Блондин засмеялся. - Ты и 80 других! Не волнуйся, парень, мы летим домой. Еще неделя и...

В голосе Дональда зазвучала тоска. - Хотел бы я сейчас быть дома. - Он сделал вдох, дрожь прошла по его телу. Блондин повернулся, его глаза расширились тревожно.

- Донни, - сказал он мягко. - В чем дело, парень?

- Я болен, Скотти!.. О, Скотти, пожалуйста, позови Дока, мне очень плохо! - Внезапно лицо его свела судорога, руки его соскользнули со стола, и он упал вперед.

Скотти успел подхватить его и смягчил падение. - Держись, Донни, - прошептал он, - я позабочусь о тебе. Неожиданно парень согнулся в приступе кашля, от напряжения его лицо посинело. Спина выгнулась, дернулась конвульсивно; затем внезапно тело его обмякло.

Скотти пересек комнату, схватил телефон со стола и бешено стал накручивать диск. - Штурманская вызывает Центральную, - отрывисто бросил он в трубку. - "Дока сюда - быстро. Я думаю... - он посмотрел на безжизненное тело на полу. - "Я думаю, здесь только что умер человек.

Д-р Джон Кроуфорд откинулся назад в кресле-релаксаторе, вытянув перед собой длинные ноги, и угрюмо посмотрел в иллюминатор. Он сидел здесь уже более часа, перебирая изящными пальцами карты сероватого цвета, с застывшим взглядом, куря и хмурясь. Впервые за все долгое путешествие он почувствовал усталость, одиночество и... - страх.

Доктор был худощав, темная двухдневная щетина добавляла жесткости его лицу, а копна иссиня-черных непричесанных волос усиливала впечатление озабоченности, владевшей им. "Задумчивый доктор" назвал его однажды кто-то из команды, и он ухмыльнулся про себя, проходя мимо.

Вероятно, именно таким он казался людям на борту корабля - неторопливая речь, возможно, несколько скучноватый, довольно приятный и безобидный человек, казавшийся чересчур высоким, чтобы гулять по коридорам космического корабля. Доктор Кроуфорд, конечно, знал, что это не так. Он был просто осторожен. Доктор на корабле, выполняющем исследовательский полет, должен быть осторожным в своих мыслях и поступках. Огромные, охваченные болезнью корпуса десятков исследовательских кораблей ранее доказали это со всей определенностью.

Доктор Кроуфорд смотрел в иллюминатор, наблюдая за немигающими белыми точками звезд на черном фоне, и хмурился все сильнее. Назвать путешествие неудачным со всех мыслимых точек зрения - значит еще ничего не сказать. После всех ожиданий, на-

дежд - провал. Полный, унизительный, безусловный провал - от начала до конца. Ни славы. Ни открытий. Ничего.

До того, что случилось час назад.

Он смотрел на карты, которые держал в руках. Ровно час назад Йенсон, Главный врач, принес эти карты ему, тяжело дыша от быстрого бега. И доктор Кроуфорд, изучив их, ощутил холодок под ложечкой.

Внезапно он вскочил с релаксатора и направился по темному коридору в сторону каюты командира корабля. Свет над люком говорил о том, что командир на месте. Невозможно с этим к капитану - и все-таки он знал, что выбора у него нет.

Капитан Роберт Джефф посмотрел на входящего в каюту доктора, и на его круглом лице появилась ухмылка. Доктор нагнулся, чтобы не удариться головой о притолоку, и направился к столу капитана. Как он ни старался, он не мог вымучить улыбку. Глаза капитана стали серьезными.

- В чем дело, Док?

- У нас серьезные неприятности, Боб.

- Неприятности? После этого путешествия? - он ухмыльнулся и откинулся назад. - Ерунда. Какие могут быть неприятности?

- У нас на борту необычный человек, Боб.

Капитан пожал плечами и поднял брови: - У нас на борту 80 необычных людей. Именно поэтому они участвуют в этой экспедиции...

- Я не имею в виду необычность в *этом смысле*. Это нечто абсолютно невероятное, Боб. У нас на борту человек, разгуливающий, здоровый и крепкий, когда он *должен быть мертвым*.

- Странно слышать такое от доктора, - произнес капитан осторожно. - Что ты имеешь в виду?

Кроуфорд махнул в его сторону картами: - Это здесь. Отчеты из лаборатории. Как ты знаешь, я приказал провести полное медицинское обследование каждого, находящегося на борту, на следующий день после взлета с Венеры. Обычная процедура - мы должны быть уверены, что никто не подцепил ничего необычного. Среди прочего

мы выполняем полное лабораторное обследование каждого члена экипажа - анализ мочи, крови и тому подобное. И мы получили некоторые удивительные результаты.

Джефф затянулся сигаретой, внимательно следя за доктором.

- На корабле сейчас 81 человек, - продолжал доктор. - Из них у 80 со здоровьем все в порядке, никаких замечаний. Но с одним дело обстоит несколько иначе. - Он постучал по картам изящным пальцем. - У него все в порядке: число кровяных телец, хлориды, кальций, отношение альбумин/глобулин - все так, как должно быть. Затем мы проверили содержание сахара в крови, - доктор вытянул ногу, внимательно разглядывая на ней пальцы. - У этого человека нет сахара в крови, - сказал он. - Вообще нет.

Капитан Джефф напрягся, его глаза неожиданно расширились. - Подожди секунду - *я* не врач, но даже я знаю...

-... что человек не способен жить без сахара в крови, - докончил доктор. - Ты абсолютно прав. Но это не все. После того, как мы не смогли найти и следа сахара, мы провели тест на содержание в крови креатинина. Это продукт распада протеина, быстро выводимый из организма, - если его содержание достигнет 10 миллиграмм на 100 сс крови, пациент будет чувствовать себя плохо. Самое высокое содержание, с которым я сталкивался - 25 мг, - и этот человек был мертв, когда у него брали кровь. Человек с таким содержанием креатинина *должен быть* мертвым, он не *может быть* живым, - он остановился на секунду, вытирая пот, струйкой стекающий со лба. - У этого человека, как показал тест, значение - 135.

Джефф смотрел на доктора. Нагнувшись над столом, он взял лабораторные карты и начал их молча изучать. - Может быть, ошибка лаборатории? Путаница с используемыми реагентами? Кто-нибудь дурачится или что-то в этом роде?

- Исключено, - сказал доктор. - Мы получили эти результаты вчера, и, естественно, я вызвал этого человека. И он пришел, здоровый, как огурчик, прямо в лабораторию. Розовые щеки, глубокое дыхание. Я вновь взял у него кровь на анализ. Я провел химические исследования сам, и Йенсон их проверил. Мне не понравились результаты. Второй анализ оказался *абсолютно нормальным.*

Пальцы Джеффа заметно задрожали. - Может химический состав крови человека меняться так быстро?

- Боюсь, что нет. Даже при самых смелых допущениях. Но - факт налицо. Не прошло и 20 часов со времени взятия первого анализа. Анализы не смешивались - они идентифицированы номерами и отпечатками пальцев. Оба из вены одного и того же человека.

Раздался звонок селекторной связи у локтя Джеффа. Он поднял трубку, и металлический голос проскрежетал ему что-то в ухо. - О'кей, - сказал он. - Мы будем немедленно. - Он сорвал наушник и повернулся к доктору. - Док, тут кое-что для тебя. Только что умер человек, прямо в штурманской. Его имя Дональд Шейвер."

Человек был мертв. В этом сомнений не было. Доктор Кроуфорд застегнул пуговицы на рубашке, встряхнул головой и вздохнул. - Скотти, извини, - сказал он высокому блондину. - Он уже был мертв, когда ты звонил.

Скотти смотрел на неподвижную фигуру, лежащую на столе, беспомощно сжимая и разжимая кулаки. - С ним было все в порядке утром - готов поклясться. Он был у меня перед глазами практически весь день, и вид у него был здоровый еще 20 минут назад.

Капитан всунул свои руки в карманы. - Что это, Док?

Доктор кивком приказал остальным выйти. Затем повернулся к Джеффу.

- Это не похоже ни на что, виденное *мною* раньше. Получены отчеты из лаборатории?

Капитан подал ему серую карту, и он взял ее нетерпеливо; его глаза сужались по мере чтения написанного. - Сахар в крови - ноль, содержание креатинина - 130, - сказал он без выражения. - Человек должен быть мертв.

- Так это тот, о ком ты говорил? Я помню, ты сказал, что у него опять все в норме.

Доктор угрюмо посмотрел на тело, лежащее на полу. - Извините, Кэп, это другой.

- Другой! Но кто?

- Того, о ком я говорю, зовут Вескотт. Физическое состояние этого человека было нормальным.

- Док, мы где-то ошиблись. Точно. Какая-то болезнь проникла...

- Вздор, - резко бросил Кроуфорд. - Мы подготовили тарелочки с культурой до того, как первый человек высадился на Венеру. Весь персонал был на поверхности без какого-либо защитного снаряжения в течение трех с полных месяцев, и мы каждого перед возвращением обработали ультрафиолетовым облучением; никакая болезнь не обнаружена. За три месяца - ничего. А сейчас вот это. По твоему это похоже на болезнь?

Капитана передернуло. - Мы исследовали Венеру - не Землю. Мне приходилось видеть корабли, Док, другие корабли с чумой, как тот, который вернулся с Титана и был сожжен месяц назад. Вирус проел их легкие и поразил весь корабль за 6 часов. *Подумай*, Док.

Доктор не слушал. Он наклонился над телом мужчины, изучая его глаза и уши. Несколько долгих мгновений он смотрел на его руку, затем хлопнул себя по бедру и выругался.

- Как глупо, - пробормотал он. - Мне *кажется*, что я видел этого парня.

В первый раз в глазах доктора появилась настоящая тоска. - *Дайте мне еще раз взглянуть на эти карты!*

Он изучил их внимательно, сверяясь с теми, которые были у него в карманах.

- Невероятно! Боб, это не болезнь!

- Но если этот человек и Вескотт подвергались внешнему воздействию, и этот человек умирает...

- Но этот человек не был на поверхности Венеры, и он не встречался ни с чем из того, с чем сталкивались остальные. Этот человек заболел и был помещен в лазарет на третий день после взлета с Земли. У него был постельный режим во все время нашего обитания на Венере. Я сделал ему последний укол вчера утром. *Он ни разу не покидал корабль.*

Джефф смотрел на доктора, широко раскрыв глаза. - Тогда я не понимаю...

- А мне, кажется, кое-что стало понятно. Что-то неладно на корабле. Но это не болезнь.

Гигантский корабль рассекал пространство. Только что начался третий ночной период, поэтому доктор включил настенный свет в своей каюте и стал готовить кофейную смесь.

Капитан Джефф, нервничая, прошелся несколько раз по каюте и погрузился в кресло.

Доктор открыл бутылку рома и налил несколько капель в кофе капитана.

- Поспокойней, - сказал он мягко и добавил, - не надо так нервничать.

Джефф глотнул горячей жидкости. - А что мне остается, - пробурчал он в ответ. - Это мой корабль, и я несу ответственность за людей, и этого унылого путешествия довольно, чтобы любой на моем месте стал таким. Эта экспедиция была самой скучной, самой рутинной и самой ординарной из всех когда-либо предпринимавшихся экспедиций. Посуди сам. Мы занялись нашей работой, состоявшей в изучении Венеры и подготовке отчета. Мы установили тарелочки с культурой и получили отрицательный результат. Сделали анализ атмосферы, нашли ее несколько разреженной, но вполне пригодной для дыхания. Климат жаркий, но терпимый. Потом мы убрались с нее - и какие результаты мы имеем? Никаких. Люди выходят, что-то ищут, потеют, возвращаются и едят горячий обед. Жизненные формы? Никаких. Растения? Полностью отсутствуют. Ценные минералы? Ничего похожего. - Голос его стал громче. - Мы сделали снимки, составили отчеты, упаковались и отправились восвояси. С таким же успехом мы могли это сделать, оставаясь дома. И сейчас, после трех дней обратного пути обнаруживается болезнь. Так не бывает, Док.

- Точно, не бывает, - резко ответил доктор. - Только мы имеем дело не с болезнью. Это надо понять, наконец. Не с болезнью, Кэп, тут совсем другое.

- Тогда отчего, по-твоему, умер Шейвер? От тоски по дому?

Доктор погрузился в кресло и его голос зазвучал напряженно.

- Слушай. Метаболизм человека, это метаболизм человека. Человек способен приспосабливать обмен веществ к поразительно широкому диапазону условий, но есть такие вещи, которые просто невозможны. Возьмем, например, содержание сахара в крови. Нет ни единого шанса, что содержание сахара в крови у живого человека может упасть до нуля. Если содержание упадет до 1/3 и 1/4 от нормального, то неизбежно состояние комы. Задолго до нуля человек будет мертв.

Кроуфорд встал и вновь наполнил свою чашку.

- Так же обстоит дело и с креатинином в крови, - продолжил он тем же напряженным голосом в тишине каюты, - человек будет мертв задолго до того, как содержание креатинина достигнет отметки 135 миллиграмм. Он просто не сможет создать такую концентрацию в своей системе и остаться живым.

- Но все-таки, какая-нибудь болезнь - что-то совершенно новое.

- Никогда! Дело не в возникновении нового феномена, Кэп! Дело в полной невозможности. *Никогда это не может произойти с метаболической системой человека*!

Лицо капитана было серым. Д-р Кроуфорд довольно долго сидел молча, глядя в черноту пространства за панелью наблюдения. - Здесь возможен только один вывод. Я не знаю, *что* есть сейчас Роджер Вескотт. Но он не есть человеческое существо.

Джефф вскочил, его глаза сверкали. - Послушай, Док, но это же бред! Из всех идиотских... - выпалил он, не находя слов.

- Просто предположим, что Венера была не такой абсолютно мертвой, как нам показалось. Бредовая идея, без сомнения, но просто предположим, что там была жизнь - разумная жизнь, умная, осмысленная и с богатыми ресурсами. Допустим, что мы прибыли не незамеченными и невстреченными, а напротив, за нами внимательно наблюдали все время, пока мы занимались изысканиями и научной работой, те формы жизни, которые по некоторым причинам не хотели обнаруживать свое присутствие. Просто предположим, что обследованные нами области Венеры были заботливо для нас приготовлены, так, чтобы мы ничего не увидели, ничего не

обнаружили, ничего не узнали и отправились домой с пустыми руками. - Доктор вытянул перед собой руки, наклонясь вперед в кресле-релаксаторе.

- И допустим, ради спора, что эти формы жизни не имеют определенной анатомии, как имеем ее мы. Возможно, просто некоторый вид желеобразной протоплазмы, способной видоизменяться в соответствии с окружающими условиями. Возможно, они могут копировать все, что захотят скопировать, и сидеть, наблюдая за нами, под нашими носами, в виде скал, песка, булыжника, может быть, даже *людей*!

Джефф откинул волосы со лба, и глаза его были более испуганы, чем сердиты.

- Ерунда, - проворчал он. - Я видел эту планету собственными глазами. Там ничего не было.

Доктор кивнул. - Ладно, пусть ерунда, но предположим, что это правда и эти венеряне хотели узнать больше о *нашей* планете, хотели изучить нас, наш корабль, наш образ жизни. Как они могли бы это сделать? Может быть, один из них попытался попасть на корабль в облике человека. Может быть, один из них убил Роджера Вескотта где-нибудь в песках и проник на корабль в облике человека, копируя его внешний вид, его поведение, надеясь, что его примут за Роджера Вескотта и доставят домой. Предположим, что он допустил ошибку в копировании. Он не знал вначале химический состав крови. Понадобилось время на внесение изменений и точное копирование, и он взошел на борт - отличная, совершенная оболочка - и полная мешанина и неопределенность внутри. И когда "кровь" была взята у него, то с ней был явный непорядок. Он узнал об этой ошибке и попытался скрыть ее - быть может, путем убийства другого человека, скажем, Шейвера, копированием его и симуляцией смерти, такой, скажем, какой как будто умер Шейвер, с тем, чтобы навести нас на мысль о некоей таинственной болезни, на вычисление которой у нас ушла бы оставшаяся часть пути. Просто предположим, что это было так.

Капитан потер рука об руку. - Предположим, что это *было* так, -

хрипло выговорил он. - Если так, тогда Вескотт - *не* Вескотт. Но как это узнать?

- Хороший вопрос. Мы не знаем, в чем заключается имитация. Мы не знаем, насколько точна имитация, мы только можем предположить, как он получает нужную информацию. Но, допустим, *это* проникает в тело человека, изучает каждый нерв и каждую клетку, каждое химическое и количественное соотношение, каждый мыслительный шаблон. Это будет абсолютная копия, похожая на прототип, со всеми особенностями его поведения, до последней клетки мозга, за исключением уголка чужого разума, думающего, четко придерживающегося чужой индивидуальности, подчиняющегося чужим мотивам. Имитация будет совершенной.

Они посмотрели друг другу в глаза. Гудение моторов стало слабо доходить до них сквозь тишину каюты, ровное и устойчивое. Капитан посмотрел на свои руки, его ладони были мокрыми от пота. Когда он поднял глаза, в них был страх. - Это ведь подлость, да? Поступать так - тайно и подло.

- Да.

- И мы можем принести это с собой назад?

- Да.

Джефф поставил чашку на стол. - Док, ты веришь в это?

- Боюсь, что да.

- Но что мы можем сделать?

Последовала долгая пауза. Затем доктор сказал: - Не знаю. Я... Я просто не знаю. Но думаю, надо испытать Вескотта. Я никогда не слышал об имитации, которую нельзя разоблачить.

* * *

Розовощекому парню с прямым носом и голубыми глазами было года 23. Он постучал, прежде чем войти в каюту капитана, и вошел со шляпой в руке, высоко держа голову. - Роджер Вескотт, сэр, - сказал он. - Вы за мной посылали?

Д-р Кроуфорд поднялся и предупреждающе посмотрел на бледное лицо капитана. - *Я* посылал за вами, - сказал он, кивком показав

парню на центр комнаты. "Обычный парень, - подумал он. Крепкий торс, пышет здоровьем". - Каковы ваши обязанности на этом корабле, Вескотт?

- Я - штурман, сэр. Я работаю со Скотти Мак Интайр и... я работал с Доном Шейвером.

Доктор переместил рукой пачку бумаг.

- Ты - дурак, Вескотт,- сказал он холодно. - Мог бы найти занятие получше, чем воровство в таком месте, как это.

Парень вздрогнул. В каюте стояла могильная тишина, воздух, казалось, был пропитан напряжением.

- Воровство? Я... я не понимаю.

- Не надо притворяться, ты прекрасно все понимаешь. Деньги, собранные для вдовы Шейвер - 2 тысячи. Они были в конверте, лежавшем на столе в моей каюте еще час назад. Ты зашел в каюту через пять минут после того, как я вышел, и почти сразу ее покинул. После этого деньги исчезли. Тебе не кажется, что всем будет лучше, если ты их вернешь?

Краска залила лицо парня, и в полном замешательстве он повернулся в сторону Джеффа, затем вновь к доктору.

- Сэр, я не понимаю, о чем вы говорите. Мне было приказано отправиться в вашу каюту совсем недавно, и я вас там не застал, поэтому я вышел оттуда. Я не видел никаких денег.

- Значит тебя послали, да? Понятно. Брось, Вескотт, есть свидетель, видевший, как ты заходил в каюту. И больше там никого не было. Ты сильно упростишь дело, если вернешь деньги мне. Никто об этом не узнает. Даю слово. Но мы все знаем и хотим получить деньги назад.

Вескотт беспомощно развел руками. - Доктор, я не знаю ничего об этом. Он повернулся к Джеффу. - Капитан, вы были моим шкипером во время всей моей службы, вы же понимаете, что я не мог взять деньги. Я... я *не мог украсть.*

Джефф отвел глаза в смущении. - Ты слышал, что сказал доктор, Вескотт. Полагаю, тебе лучше сознаться.

С пылающим от стыда лицом парень смотрел то на одного, то на

другого, и глаза его от жгучей обиды стали наполняться слезами.

- Вы не верите мне, - сказал он, его голос стал жестким. - Вы думаете, что я лгу. Но я *не брал* никаких денег, как я могу их отдать? У меня нет двух тысяч.

Доктор с неприязнью хлопнул ладонью по столу.

- О'кей, Вескотт. Возвращайся к своим обязанностям. Мы перетряхнем весь корабль. Деньги здесь, на корабле, и мы знаем, что взял их ты. Мы их найдем и тогда тебе не поздоровится.

- Но я...

- Это все. Возвращайся к своим обязанностям.

Едва он вышел, как Джефф набросился на доктора. - Я не *могу* играть в такие игры, Док. Я... я не понимал ситуации, пока не увидел парня, но - это совершенно ужасно.

- Мы *имеем* дело с чем-то ужасным. Неужели надо видеть что-то, чтобы этого бояться? Разве радиация сжигает менее жестоко оттого, что ее нельзя увидеть глазами? Или чума, или полимиелит? О, я думал об этом до тошноты, и я честно признаюсь, мне страшно, мне так *страшно*, что я не могу заснуть. Это создание здесь, на корабле, и мы не можем его обнаружить, или доказать, что оно здесь. Если бы оно было добрым, или дружелюбным, или миролюбивым, оно бы дало об этом знать с самого начала, но оно не сделало этого; разве не ясно, что отсюда следует? Оно убило, дважды убило, и там, на Венере, где-то эти люди лежат мертвые на скале, разлагаясь. Двое из нашего экипажа, Боб. И это - имитация, с которой мы только что говорили.

- Но он выглядел абсолютно *нормальным*. Реагировал так естественно.

- Послушай, Боб. Подумай, что оно может сделать на корабле, если мы *это* не остановим. Мы не знаем его силы и возможности. А как насчет нашего возвращения, когда эта тварь получит свободу? *Мы не можем этого допустить*, Боб.

- Тогда скажи все экипажу, пусть все будут настороже.

- И потерять шанс? Глупо. Кажется, я знаю способ поймать ее в ловушку. Все, что я могу - это размышлять и выдвигать гипотезы,

но я думаю, что есть один ход. Дай мне шанс испробовать его.

Джефф выругался и повернулся к столу.

- О'кей, - сказал он с неохотой. - Я с тобой. Надеюсь, ты прав, Док. Все-таки, из всех возможных ты выбрал самое худшее клеймо - вор.

- Есть и похуже, - ответил доктор тихо.

- Ну, я не догадываюсь.

- *Шпион*, - сказал доктор.

* * *

В столовой шум голосов быстро стих, когда капитан Джефф поднялся на платформу вместе с доктором Кроуфордом. Его голос зазвучал резко и ясно, отражаясь от металлических стен.

- Я собрал вас здесь, чтобы сказать, что среди вас есть вор.

Раздались сердитые восклицания, и все глаза обратились к капитану.

- Деньги, собранные для вдовы вашего товарища, украдены, - продолжал Кэп. Восклицания стали громче и более негодующими. - Две тысячи. Кто-то украл их. Если виновный возвратит их лично доктору Кроуфорду, у кого эти деньги были на хранении, ничего не будет предпринято против этого человека, и ему будет предоставлена возможность перейти на другой корабль по окончании экспедиции. До возврата денег отменяется демонстрация фильмов на корабле, библиотека и комнаты отдыха закрываются. Если деньги не будут возвращены к моменту приземления в Лос-Аламосе, никто не покинет этого корабля. Это все. Вы свободны!

Члены экипажа разбились на группы, перешептываясь, жестикулируя и ругаясь. Обрывки разговоров долетали до ушей доктора, пока он шел по коридору. Голоса людей звучали негодующе.

- Изо всех подлостей - эта самая гнусная.

- Не думаю, чтобы тот, кто взял эти деньги, их вернул!

- Что скажет Скотти, как ты думаешь?

- Не знаю, но Дон был приятелем Скотти. И Скотти не понравится тот, кто взял деньги. А ты его знаешь.

Кроуфорд заметил Роджера Вескотта, пробирающегося сквозь

толпу, с белым как полотно лицом. Это была единственная вещь, которую он мог сделать, повторил он себе в тысячный раз, он *должен* был это сделать, как врач, как человек. Но капитан, конечно, прав, это жестоко.

В его мозгу в беспорядке прокручивались отдельные картинки - словно побитое лицо Вескотта, разгоряченные лица членов экипажа, ярость Скотти, страх и сомнения капитана. Если бы только он мог сказать им, почему он это делает, *с чем они столкнулись*, если бы он мог разделить со всеми эту тяжесть каким-то образом... но вся она легла целиком на его плечи. Он обдумал ситуацию еще раз. Это была единственная возможность, если он прав, если Вескотт - чужак, ненавистная имитация человека, лежащего мертвым в песках Венеры.

Но если он был неправ, то Роджеру Вескотту никогда не избавиться от этой отметины, он будет нести ее до конца своих дней.

Он не может ошибаться! Доктор посмотрел на настенный хронометр, просчитывая оставшиеся до приземления дни, - и принял решение.

Он пошел назад по направлению к лазарету со сжатыми до белизны кулаками, завернул в лабораторию, закрыл за собой люк и начал искать на полках с реагентами маленькую бутылочку с белым порошком. Наконец он нашел и положил ее в карман, тяжело дыша. "Господи, не дай мне ошибиться," - бормотал он - "пожалуйста, ну, пожалуйста..."

* * *

Человек лежал на койке без движения, он заснул. В голове, за уснувшими глазами, шевелился разум, клубился, выбрасывая усики мыслей, - жестокий, злой разум. Чужеродный разум, он посылал пропитанные ненавистью мысли, что-то прощупывая, пытаясь найти - и откуда-то из глубин корабля ему ответил другой разум.

- Мы должны вернуться, вернуться, вернуться. Мы в ловушке, он напал на след!

- Никогда! - в ответ словно стегнул другой разум.

- Пока еще есть время! Еще немного и мы будем слишком далеко, мы никогда не сможем вернуться!

- Предатель! Трус! - взревел другой разум. - Тебя бы следовало убить за такие мысли!

- Но он у меня на хвосте, этот доктор. Я копировал так тщательно, он не должен был ничего заподозрить. Что он задумал?

Ответом была мысль, полная презрения. - Он - болван, обычный олух. Он никогда не сумеет...

- Но он может - мы должны вернуться. - Страх становился явственнее. - Я не знаю, что он собирается сделать, я не уверен, все ли я сделал правильно.

Глумливый жестокий смех перебил его мысли. - Он не подозревает *меня* - он доверяет мне. Не бойся. Он глуп. Совсем скоро они приземлятся. Подумай о всех этих теплых людях, в которых можно спрятаться и работать, подумай, какое наслаждение, - мысль забилась в грязном экстазе предвкушения, - и скоро они будут наши, убитые и связанные, и мы получим их корабли и привезем других.

- Но доктор, - нам следует убить его.

- Нет, нет - они никогда не посадят корабль. У них возникнут подозрения, и корабль будет сожжен перед приземлением. Доктор умен, пусть играет в свои игры. Не бойся.

- Но он загоняет меня в угол, не знаю как, но я *чувствую* это. Мы должны вернуться, *вернуться*, пока это возможно.

Полный ненависти разум сжался, источая яд из тысяч пор, и засмеялся. - Не бойся. Помни, ведь он убьет только одного из нас.

Джефф кисло обратился к доктору: - Надеюсь, ты удовлетворен, ты перевернул вверх дном весь корабль. Они затравили Вескотта, он уже не знает, где право, где лево, и все готовы кинуться друг на друга. Чего ты добиваешься, Док? Если бы я это знал, то, наверное, был бы на твоей стороне, но так дело заходит слишком далеко. Я не сплю с тех пор, как это началось, и всякий раз при встрече с Вескоттом он смотрит на меня так, что я чувствую себя Иудой.

Он потянулся за зажигалкой в руке доктора.

Кроуфорд отшатнулся, словно ужаленный. - *Не прикасайся ко мне!*

Джефф моргнул и посмотрел на доктора. - Я просто хотел взять зажигалку, Док.

Доктор выдохнул и пристыженно бросил зажигалку Джеффу. - Извини, я тоже как на иголках. Мне снятся кошмары, я боюсь каждого на корабле, и в том числе самого себя.

- Просто у тебя расшалились нервы, - сказал Джефф. - Я все еще не вижу ключа к происходящему.

- Слушай, Боб, у тебя короткая память. Роберт Вескотт мертв. Он мертв уже давно, под палящим солнцем Венеры. Никогда не забывай этого, ни на минуту. Я *не мог* тут ошибиться, - и это не продлится долго. Все, что мне нужно, это несколько часов, немного радиоактивного висмута и я получу ответ.

Он встал и направился к двери.

- По крайней мере мне-то скажи, что ты ищешь?

- Извини, - ухмыльнулся доктор. - Кроме того, откуда я знаю, что ты не монстр?

Идиот! Разум его кричал на обратном пути в лазарет. Идиот, идиот, идиот - допустить такой промах! Доктор вытер вспотевший лоб, жестко обвиняя себя в случившемся. Допустить такое, *намекнуть* на идею, все более овладевавшую им, медленно раскрывающуюся в своей полной и ужасающей реальности - что Роджер Вескотт вовсе не обязательно единственный чужак на борту! Джефф, вероятно, не придаст сказанному значения, но все равно, он не должен допускать таких ошибок. *Никто* не должен знать о его подозрениях.

Он услышал шаги в коридоре над лазаретом. На верху лестницы-шахты он увидел, как Роджер Вескотт готовит свой антигравитационный реостат для замедленного падения и медленно скользит вниз.

Парень был бледен, глаза пустые, как будто его преследовали ночные кошмары. Доктор почувствовал к нему жалость, но тут же без колебаний отбросил ее.

Вескотт смотрел на него долго, затем сказал: - Доктор, я больше

не выдержу. Я не брал денег со стола, и вы это знаете. Я хочу, чтобы вы прекратили это.

Доктор откинул голову назад, подняв брови. - Прекратил что?

- Дело о воровстве. Вы знаете, что это неправда. Вы начали дело, и вы единственный, кто может его прекратить. Я не слышал ни одного нормального слова за всю последнюю неделю. Я больше не вынесу.

- Ты обратился не по адресу за нормальным словом, Вескотт. Испробуй в другом месте.

Вескотт кусал губы, его лицо было белым. - Я не могу больше терпеть, Док. Если вы не остановите эту кампанию, я сойду с ума.

Доктор пожал плечами и усмехнулся. - Отлично, Вескотт, - сказал он грубо. - Давай, сходи с ума. Я не буду тебе мешать.

Слезы показались у парня на глазах. Он повернулся и вышел из комнаты.

Доктор вздохнул, затем вынул маленькую бутылочку из ящика стола. Она была почти пустой, только немного белой пыли оставалось на дне. - Не подведи меня, бэби, - прошептал он, качая головой.

- *Всем внимание. Приготовиться к торможению через три часа*, - по системе оповещения трижды прозвучала команда капитана.

Кроуфорд шагнул в каюту Джеффа. Плечи его поникли, глаза ввалились. Он уронил большой черный конверт на стол Джеффа и упал в релаксатор. - Полагаю, до приземления осталось всего несколько часов, - сказал он. - Похоже, я все-таки успел, - он указал на конверт. - Здесь товар, Боб. Я его расколол.

- Вескотт?

- Вескотт. Никаких сомнений. Я только что приказал ему спуститься вниз для уборки шлюза по правому борту. Тебе лучше пойти со мной - я хочу, чтобы ты увидел все собственными глазами.

Джефф осторожно открыл конверт и вынул его содержимое.

- *Это* указывает на Вескотта?

- Да. Я объясню все позже.

Они наткнулись на дежурного офицера рядом со шлюзом и отослали его. Вместе они посмотрели через тяжелую стеклянную панель в камеру. Роджер Вескотт был там, драил пол щеткой с мыльной водой.

Доктор закрыл замок на задвижку и нажал кнопку в стене. Красный свет залил камеру и ровно загудел насос, откачивающий воздух. Вескотт взглянул вверх широко раскрытыми в тревоге глазами и вскочил на ноги. - Док! - закричал он, его голос слабо, но ясно доходил до них сквозь панель. - Док! Нажмите на переключатель! На мне нет костюма!

Джефф дышал со свистом, и с ужасом смотрел на доктора. - Что ты делаешь? Ты же убьешь его.

- Просто наблюдай, - прорычал доктор. Человек в камере стоял, напрягшись, ужас был написан у него на лице.

- Док! - кричал он в отчаянии. - Док! Отключи насос. Останови его, Док, останови его!

Его глаза были полны страха, лицо исказила гримаса бессильной ярости. - Прекрати, Док, я задыхаюсь.

Он лупил кулаками по дверце люка, пока кровь не брызнула и не залила дверцу - став при этом чем-то отличным от крови.

Его руки поднялись к горлу, и он опустился на колени, и по мере падения давления тело его с жутким кашлем скрючивалось на полу. Вдруг кровь полилась из ноздрей, он дернулся в последний раз и затих.

И его тело начало изменяться, таять, терять определенность розовых щек и белых волос, трансформируясь в глобулу липкого красного желе. Растаяли руки, ноги и, наконец, масса приобрела форму гигантской красноватой амебы. Внезапно она сформировалась в шар, задрожала и успокоилась. Доктор оторвал глаза от панели, потряс головой и бессильно опустился на пол. - Ты видишь, - произнес он устало, - я *не ошибся.*

- Я никогда не видел имитации, - сказал Кроуфорд, - которую нельзя было бы обнаружить, если идти правильным путем. Обычно есть ошибка в самом проекте: либо копия несовершенна, либо ма-

териал выбран неподходящий. Но здесь мы имеем совсем другой случай. Мы столкнулись с имитацией *человека.* Здравый смысл и интуиция медика подсказывали мне, что в конечном счете дело мы будем иметь с имитацией человека, хотя и со столь совершенной, что даже при исследованиях тканей на микроскопическом уровне не обнаруживаются изъяны. Все говорило о том, что этот орешек будет трудно расколоть!

Доктор налил себе чашку кофе и предложил также Джеффу.

- Но некоторые предположения можно было сделать. Мы могли предположить, что тварь-венерянин скопировал Вескотта, а затем частью своей вселился в тело Шейвера для того, чтобы заманить нас в ловушку, если мы заподозрим обман с копированием. Мы убедились в совершенстве морфологической копии. Вероятно, он построил копии нервных клеток Вескотта и адекватно реагировал в любых ситуациях.

Сделано все было чисто. Когда ситуация требовала от него испуга - он был напуган. Когда ему следовало сердиться, он сердился. Ситуация требовала негодования и он негодовал. Все это было получено из мозга Вескотта при копировании. Но некоторые вещи нельзя было получить из этого источника. Те вещи, которые сам Вескотт не мог сознавать, а его мозг - контролировать.

Тварь думала мозгами Вескотта и видела мир глазами Вескотта. Но его собственные защитные механизмы подчинялись его собственным подсознательным реакциям. Одну вещь он никак не мог скопировать.

Перед монстром встала серьезная проблема, когда "Вескотт" был обвинен в воровстве. Он реагировал четко, в строгом соответствии с той линией поведения, которую определил бы и мозг *Вескотта.* Он был обеспокоен, возмущен, вызывал жалость, сердился - все в меру. Он ел без аппетита, точно так же, как ел бы Вескотт. Он должен был выполнять *обязанности* Вескотта, обвиненного в воровстве, предельно педантично.

Доктор улыбнулся и показал на негативы, лежащие на столе поверх большого черного конверта. - Но эти, подсунутые под матрас

на ночь, вывели его на чистую воду. У него отсутствовало то, что не могло отсутствовать ни у одной *человеческой* нервной системы. Монстр попался, поскольку не знал всего о *функциях* копируемой системы. Он не испытывал того, что испытывал каждый на этом корабле.

Джефф указал на негативы и понимание появилось в его глазах. - Ты имеешь в виду...

- Точно, - улыбнулся доктор, - у него не было *несварения* желудка.

Громада Земли доминировала на экране, зеленее и ярче, чем когда-либо со времени отбытия с Венеры. Корабль полностью перешел в режим торможения, экипаж рассредоточился по своим рабочим местам и находился в ожидании.

Кроуфорд пробежал вниз по коридору в направлении кормы с черным конвертом под мышкой. Он постарался придать разговору с Бобом Джеффом завершенный вид, давая понять, что проблема исчерпана. Он не мог допустить распространения слухов. Конечно, нехорошо оставлять Боба Джеффа в неведении, но он был уверен, что не имел права выделять капитана из остальных членов экипажа.

Кроуфорд достиг шлюзов, где находились спасательные боты, открыл замок и проник в небольшую, со спертым воздухом, стартовую зону. С помощью карманного фонарика осмотрелся, нашел стартовые рубильники и методически отверткой все их закоротил. Все, кроме одного. Торопливо посмотрел через плечо, в страхе, что кто-нибудь или что-нибудь вдруг войдет вслед за ним в шлюз. В конце концов целый флот из 8 спасательных ботов был выведен из строя, требуя, по крайней мере, нескольких часов ремонта. С мыслью о том, все ли предусмотрено, доктор рывком вверх и внутрь бросил свое тело в девятый бот. Добравшись до кокпита, он осторожно направил бот по направлению к открытому порту. Почти бесшумно, под вкрадчивый гул небольшого двигателя, капсула нащупала выход в пространство, а затем, издав звук, похожий на вздох облегчения, отделилась от корабля, и плавно пошла на спуск к Земле теплого зеленого цвета.

Они уязвимы, твердил он себе. Он обнаружил на борту чужака, перехитрил его и поймал в ловушку. Это означало, что они в *неуверенности*, что их можно переловить по одиночке - первого, второго и, может быть, третьего - его передернуло при воспоминании о яростной ненависти в глазах Вескотта-монстра, когда он умирал. Залитые ненавистью глаза, смертельной ненавистью. И это была маловероятная удача, что он вообще их обнаружил. И было бы глупостью предположить, что *только один* проник на корабль.

Часом позже спасательный бот приземлился в приемном шлюзе космодрома Лос-Аламоса. Возбуждение, поднятые брови, несколько торопливых слов, и вскоре с эскортом на подземном шаттле доктор стремительно помчался в офис командования космодромом.

Огромный корабль покоился на хвостовых плавниках на космодроме, устремляясь серебряным носом в небо, подобно сказочной птице, готовой взлететь. Спускаясь по винтовой лестнице вниз на стартовую площадку, Кроуфорд поглядывал на продолговатый изящный корпус космического корабля, в тысячный раз поражаясь его красоте.

Кран скрипел, поднимая платформу выше и выше в направлении главных шлюзов. На платформе стояли двое полицейских, одетых в зеленую униформу. Они смотрели вверх с угрюмыми лицами, прижимая демонстративно акустические пистолеты к бедрам.

Кроуфорд подошел к столу командира полиции. - Они получили сообщение Коменданта?

Полицейский кивнул. - Вы доктор Кроуфорд? Да, сэр, они получили его. Мы оставили копию и для вас. Он вынул лист голубой бумаги. Доктор прочитал написанное, и улыбка тронула его губы:

ВСЕ ОФИЦЕРЫ И ЧЛЕНЫ ЭКИПАЖА КОРАБЛЯ, ВЕРНУВШЕГОСЯ С ВЕНЕРЫ, ОТПРАВЛЯЮТСЯ ПОД ОХРАНОЙ В ГОСПИТАЛЬ ДЛЯ ПРОХОЖДЕНИЯ КАРАНТИНА И ОБСЛЕДОВАНИЯ ПО РЕКОМЕНДАЦИИ И ПОД НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ КОРАБЕЛЬНОГО ВРАЧА ТОЧКА

АБЕЛЬ ФРЕНСИС, Комендант космодрома.

Это была трудная работа, подумал он. Они были хитрыми и коварными, но их оказалось возможным поймать. Каждый на корабле будет проверен максимально жестко по всем возможным параметрам, с тем, чтобы обнаружить всех вероятных чужаков. Он знал свое преимущество. Были вещи, которые они не могли знать, тропинки, по которым им не пройти. Это потребует времени и упорства, но это должно быть сделано. Каждый сойдет с корабля под конвоем и здесь не должно быть промашки.

Полицейский командир взял его за руку. - Кончено, Доктор. Все сошли с корабля.

Доктор резко посмотрел на него: - Вы уверены? Все?

- Все. Я проверил список по фото и отпечаткам пальцев. Что нам теперь делать?

- Я должен войти внутрь, чтобы взять свои бумаги и прочее. - Он не упомянул глобулу красноватого желе, высыхающую в шлюзе по правому борту. Ему не терпелось узнать, что даст лабораторный анализ. - Оставайтесь здесь и никого не пропускайте.

Он взошел на платформу, услышал, как заработал мотор, и почувствовал начавшийся подъем. Со вздохом он посмотрел вниз на занятый своей жизнью метрополис Лос-Аламоса, выделяя глазами ленту Коралловой улицы, стремящуюся в сторону пригорода, к его дому, жене. Осталось недолго - просто он отдаст записи на хранение Коменданту, пойдет домой, и будет спать и спать.

Шлюз был открыт, и он вошел в полумрак корабля. Утихла привычная пульсация двигателей, создавая ощущение ностальгической пустоты. Он повернул за угол и пошел гулкими шагами по коридору в свою каюту.

Он остановился. Эхо его последнего шага прозвучало и утихло, а он застыл на месте. *Что-то*, подумал он, какой-то звук, какое-то смутное чувство.

Он до рези в глазах всматривался в темноту похожего на склеп коридора, пытаясь прощупать, прослушать, и пот выступил у него на лбу и на ладонях. И затем он услышал это снова, слабый намек

на звук, как будто приглушенное шарканье ног.

Кто-то еще был на корабле...

- Идиот! - кричал его разум. - Тебе нельзя было сюда приходить! - и он нервно вдохнул в себя воздух. Кто? Никто не мог здесь остаться, но кто-то все же остался - кто?

Тот, кто знал всю историю с Вескоттом. Тот, кто знал о чужаках на корабле, кто знал, почему экипаж конвоировался, кто боялся сойти на землю, потому что понимал, что рано или поздно будет обнаружен. Тот, кто знал о твоих подозрениях.

Он закричал: - *Джефф!* и слово эхом пробежало по коридору, рассыпавшись идиотским смехом, прежде чем умереть. Доктор повернулся и бросился назад тем путем, которым пришел, назад к шлюзу, к безопасности и увидел падение тяжелой задвижки.

- Джефф! - закричал он. - У тебя ничего не выйдет. Ты не сможешь отсюда выйти, слышишь? Я рассказал им все, они знают, что есть и другие в экипаже, корабль охраняется, муха не пролетит, ты в *ловушке!*

Он стоял, дрожа, с бешено колотящимся сердцем, пока опять не стало тихо. Он подавил всхлип и вытер пот со лба. Он забыл про их возможности, забыл, что каждый из них может скопировать двух людей. Он забыл Дональда Шейвера, то, что он умер, так же, как и Вескотт. Капитан покинул корабль вместе с остальными, но часть его затаилась в ожидании здесь, в облике Джеффа.

В ожидании чего?

Осторожно, с холодной решимостью, доктор нащупал в кармане акустический пистолет и двинулся по коридору, внимательно вглядываясь во мрак перед собой, высматривая признаки движения. Смутно он понимал, что чужак беспомощен; пока он на корабле, он будет ломать себе голову, пытаясь найти способ выйти отсюда, а иначе он бесполезен. Чужаку не будет пощады. Но сначала надо его найти.

Он снова услышал звук, стремительное движение на верхней палубе. Он быстро побежал вниз по коридору, следуя по направлению звука, достиг лестницы, пытаясь контролировать дыхание.

Выше над собой он услышал клацанье открываемого люка, люка в каюту капитана, затем люк закрылся.

Из каюты капитана был только один выход - в коридор над ним. Медленно, стараясь не произвести ни единого звука, он приставил лестницу, посмотрел вверх, но не увидел ничего во мраке прохода. Яркий луч света ударил из-за двери.

Он прижался к стене, с пистолетом в руке. - Выходи, Джефф, - взревел он. - Ты никогда не сможешь покинуть этот корабль. Они выведут его на орбиту и сожгут - вместе с тобой.

Он ничего не услышал. Ногой он пнул люк, который развернулся внутрь, и завел руку в каюту, посылая из пистолета разящие молнии энергии во все стороны. Затем заглянул в каюту сам, и увидел, что она пуста.

Крик сорвался с его губ, он успел сделать полоборота, прежде чем молния ударила его в руку, отдавшись толчком страшной боли в локте. Его пистолет упал на пол, когда он схватил себя за поврежденную руку. С воплем он наткнулся на огромную сухопарую фигуру, стоящую в дверях, увидел его черные волосы и впалые глаза, челюсть, поросшую черной щетиной, медленную, спокойную улыбку на губах.

Он кричал снова и снова, отступая назад, с дикими от страха глазами. Он смотрел... он смотрел на себя самого...

Доктор Кроуфорд ступил на землю. Он улыбнулся командиру полиции и потер щетинистый подбородок. - Я домой, мне нужна бритва, - сказал он. - Вернусь завтра, чтобы взять остальное. Никого не пускайте до моего возвращения. - Командир кивнул и занялся своими делами.

Доктор медленно пошел в направлении здания космодрома, прошел через холл и вышел на улицу. Здесь он задержался, чувствуя, как ноги почти инстинктивно поворачивают его к Коралловой улице.

Но он не отправился в ту сторону, в пригород, домой, к жене. Вместо этого с непонятным блеском в глазах он повернул в сторону города и исчез в людских толпах, спешащих в центр города.

ДЕЗЕРТИРЫ

Клиффорд Саймак

Четверо мужчин - две пары - ушли в ревущий водоворот атмосферы Юпитера и не вернулись. Они ушли, преодолевая штормовой ветер, или, точнее, они пошли рысцой, животами почти задевая землю, и бока их влажно поблескивали под дождем.

Ибо они ушли, сменив свой облик.

Пятый человек стоял перед столом Кента Фаулера, главы Купола №3 Юпитерианской Исследовательской Комиссии.

Под столом Фаулера старина Таузер выкусил блоху, а затем снова уснул.

Харольд Аллен, как это с неожиданной болью осознал Фаулер, был молод - слишком молод. Его очевидная уверенность в себе создавала иллюзию человека, никогда не знавшего страха. И это было странно, так как люди под куполами знали страх, страх и унижение. Трудно было человеку примирить свое слабое Я с чудовищной мощью ужасной планеты.

- Ты понимаешь, - сказал Фаулер, - что тебе нет необходимости делать это. Ты понимаешь, что ты можешь отказаться.

Это была, конечно, формальность. Тем четырем было сказано то же, но они ушли. И пятый, как хорошо понимал Фаулер, уйдет тоже. Но вдруг в нем шевельнулась смутная надежда, что Аллен не пойдет.

- Когда я ухожу? - спросил Аллен.

- Через час, - нахмурясь, ответил он.

Аллен стоял в ожидании, молча.

- Четверо других ушли и не вернулись, - сказал Фаулер. - Ты знаешь об этом, конечно. Мы хотим, чтобы ты вернулся. Мы не хотим, чтобы ты отправился в героическую спасательную экспедицию. Главное и единственно важное - вернуться, просто доказать, что человек может жить в юпитерианском образе. Дойди до первой базы, не дальше, и возвращайся. Никакой самодеятельности. Не пытайся ничего выяснить. Просто возвращайся.

Аллен кивнул. - Я все понял.

- Мисс Стэнли будет оператором, - продолжал Фаулер. - Здесь тебе не о чем беспокоиться. Конвертирование других прошло безошибочно. Они покинули конвертор в отличном состоянии. Ты будешь в надежных руках. Мисс Стэнли самый квалифицированный оператор в Солнечной системе. Она работала на большинстве других планет. Вот почему она здесь.

Аллен широко улыбнулся женщине, и Фаулер заметил еле заметное отражение какого-то чувства на лице мисс Стэнли - то ли жалости, то ли гнева, а может быть, и обычного страха. Но мгновением позже она уже улыбалась в ответ молодому парню, стоявшему перед столом. Улыбалась, поджав губы, как школьная учительница, как будто ненавидя себя за эту улыбку.

- Жду с нетерпением своего превращения,- сказал Аллен.

Тон, каким он произнес эту фразу, обращал все это в шутку, хорошую, с долей иронии, шутку.

Но это не было шуткой.

Это было серьезное дело, - и смертельно опасное. От этих тестов, знал Фаулер, зависела судьба людей на Юпитере. Если опыты окажутся успешными, то станут доступными ресурсы гигантской планеты. Человек овладеет Юпитером, как он уже овладел менее крупными планетами. Но если неудача...

Если неудача, то человек продолжит свое жалкое существование, угнетаемый чудовищным давлением, скованный страшной силой тяжести, в окружении причудливых и опасных растений. Он так и

останется привязан к своим куполам, не способный реально ступить на поверхность планеты, не способный смотреть на нее невооруженным глазом, вынужденный работать при помощи нелепых орудий и механизмов, роботов.

Ибо человек без дополнительной защиты будет раздавлен колоссальным давлением атмосферы Юпитера - 15 тыс. фунтов на квадратный дюйм, давлением, заставлявшим считать вакуумом дно морей на Земле.

Даже самый прочный металл, который смогли изобрести земляне, не мог существовать под таким давлением и щелочными дождями, непрерывно поливающими планету. Металл становился хрупким и слоистым, крошился, как глина, или растекался мелкими струйками и дробился на капли аммиачных солей. Только упрочнение и укрепление этого металла, повышение его электронного напряжения позволили создать конструкцию, способную противостоять огромной толще удушливых газов, которые, собственно, и составляли атмосферу. Но даже когда и это было сделано, потребовалось дополнительно все покрыть толстым слоем кварца для защиты от жидкой щелочи - едкого дождя.

Фаулер сидел, слушая шум силовых установок, размещенных в подвале купола, - установок, работа которых никогда не прекращалась, и ровное гудение которых всегда было слышно в куполе. Они должны были работать не переставая, поскольку их остановка означала бы прекращение поступления энергии в металлические стены купола, ослабление электронного напряжения и - конец всему.

Таузер приподнялся над столом Фаулера, вычесал другую блоху, тяжело хлопая лапой об пол.

- Что-нибудь еще? - спросил Аллен.

Фаулер покачал головой. - Может быть, тебе надо привести в порядок свои дела, - спросил он. - Ну, там...

Он хотел было сказать, - написать письмо, но успел вовремя остановиться и был этому рад. Аллен посмотрел на свои часы. - Я буду здесь вовремя, - сказал он, резко повернулся и направился к двери.

Фаулер знал, что мисс Стэнли наблюдала за ним и не оборачивался, не испытывая желания встретиться с ней взглядом. Он перебирал пачку бумаг, лежащую на столе. - Ну и как долго это будет продолжаться? - спросила мисс Стэнли, зло чеканя каждое слово.

Только тогда он резко повернулся и встретил ее взгляд. Ее губы вытянулись в прямую ниточку, ее зачесанные гладко волосы, казалось, прилипли к черепу, что придавало лицу странное, пугающее выражение, свойственное посмертным маскам.

Он попытался, чтобы голос его звучал спокойно, сухо и ровно. - Столько, сколько это будет необходимо, - сказал он. - Пока есть хоть малая надежда.

- Вы собираетесь и дальше приговаривать их к смерти, - сказала она. - Собираетесь и дальше выпускать их один на один с Юпитером, а сами сидеть тут в безопасности и комфорте.

- Здесь не место для сентиментальности, мисс Стэнли, - сказал Фаулер, стараясь скрыть нарастающее раздражение. - Вы знаете так же хорошо, как и я, почему мы это делаем. Вы отдаете себе отчет в том, что человек в своем естественном виде просто не способен вынести условия на Юпитере. Единственный выход состоит в том, чтобы преобразовать человека в некоторую форму, которая на это способна. Мы так поступали на других планетах.

- Если несколько человек погибнет, но мы, в конечном счете, добьемся своего, то цена не слишком высока. Веками люди отдавали свои жизни во имя глупых целей, по дурацким причинам. Так почему мы должны колебаться в деле столь значительном?

Мисс Стэнли сидела прямо, сложив руки и словно оцепенев, свет падал на ее седеющие волосы, и Фаулер, наблюдая за ней, попытался вообразить, что она могла чувствовать и что она могла думать. Он не испытывал, если быть точным, страха перед ней, но чувствовал себя неуютно в ее присутствии. Эти острые голубые глаза замечали слишком многое. Ей больше бы подошла роль чьей-нибудь сиделки, дремлющей с вязанием в кресле-качалке.

Но у каждого своя судьба. Она стала лучшим в Солнечной системе оператором конвертора и ей не нравилось то, что он делал.

- Здесь что-то не так, мистер Фаулер, - заявила мисс Стэнли.

- Совершенно верно, - согласился Фаулер. - Именно поэтому я посылаю молодого Аллена одного. Он может выяснить, в чем дело.

- А если нет?

- Я пошлю кого-то еще.

Она медленно поднялась со стула, сделала несколько шагов к двери, но затем остановилась перед его столом.

- Когда-нибудь, - сказала она, - вы станете большим начальником. Вы никогда не упускаете своего. Это ваш шанс. Вы об этом знали, когда для испытаний был выбран этот купол. В случае конечного успеха вас повысят. Неважно, сколько смертей, вас все равно повысят.

- Мисс Стэнли, - сказал он сухо, - молодой Аллен скоро отправляется. Потрудитесь проверить конвертор.

- Конвертор, - начала она ледяным тоном, - здесь не при чем. Он настраивается по координатам, устанавливаемым биологами.

Он сидел нахохлившись за своим столом, прислушиваясь к шагам, удаляющимся по коридору.

Сказанное ею было, конечно, справедливо. Биологи устанавливали координаты. Но биологи могли ошибиться. На толщину человеческого волоса, на йоту - и конвертор выдаст нечто отличное от того, что планировалось.

Будет получен мутант, который в самый неожиданный момент под воздействием определенных условий может запаниковать, "сломаться", пойти вразнос.

Ведь человек не много знал о том, что происходило снаружи. Только то, что можно было получить с помощью инструментов. Но образцы, получаемые с помощью этих инструментов и механизмов, были всего лишь образцами, так как Юпитер неправдоподобно велик, а куполов было слишком мало.

Даже работа биологов по сбору данных о лоуперах - очевидно, высшей форме юпитерианской жизни - заняла более трех лет интенсивных исследований, а затем потребовалось еще два года для проверки полученных результатов. Эта же работа на Земле заняла

бы неделю или две. Но в данном случае эти исследования не могли быть выполнены на Земле вовсе. Давление атмосферы здесь, на Юпитере, нельзя воспроизвести вне Юпитера, а при давлении атмосферы и при температуре воздуха, которые были на Земле, лоуперы просто стали бы облачками газа.

И все же эту работу необходимо было сделать, если человек надеялся когда-либо в облике лоупера освоиться на планете. А прежде чем конвертор сможет придать человеку форму другой жизни, каждая физическая характеристика этой формы жизни должна быть изучена, однозначно и безусловно, с исключением даже малейшей вероятности ошибки.

Аллен не вернулся.

Вездеходы прочесали окрестности и не обнаружили каких-либо его следов, если только замеченное одним из водителей животное, тут же исчезнувшее, не было землянином в облике лоупера.

Биологи отвечали полупрезрительными улыбками, отточенными в научных баталиях, на выраженное Фаулером сомнение в корректности используемых координат. - Координаты работают, - указывали они. - Когда человек помещается в конвертор и нажимается переключатель, человек становится лоупером. Он покидает аппарат и уходит.

- Какой-нибудь пустяк, - говорил Фаулер, - какое-то минимальное отклонение от настоящего лоупера, какой-то мелкий дефект.

- Если дело обстоит так, то для его выявления потребуются годы, - отвечали биологи.

И Фаулер знал, что они правы.

Таким образом, к тем четырем прибавился еще один - Харольд Аллен, уход и исчезновение оказались бесполезными...

Фаулер перегнулся через стол и взял папку со сведениями о персонале - тонкая подшивка аккуратно скрепленных бумаг. Перед делом, которое ему предстояло, он испытывал страх, но выполнить его было необходимо. Тем или иным способом, но причину этих странных исчезновений найти необходимо. И не было другого способа, как продолжать посылать людей.

Несколько секунд он слушал вой ветра над куполом, вечный грохот бури, захлестывающей планету кипящим гневом. Была ли там, снаружи, какая-то угроза, спрашивал он себя. Некая опасность, о которой они не подозревают? Нечто, таящееся в ожидании и пожирающее лоуперов, не делающее различий между подлинными лоуперами и лоуперами-людьми? Для гоблеров, конечно, разница невелика.

Или, быть может, допущена ошибка в самом выборе лоуперов в качестве формы жизни, наиболее приспособленной к существованию на поверхности планеты? Очевидный интеллект лоуперов послужил важным фактором принятия решения, это понятно. Ведь если существо, подобранное для перевоплощения человека, не обладает достаточным интеллектом, то человек в новом обличье не сможет долго сохранять собственный интеллект.

Могли биологи слишком сильно сместить акцент в пользу этого фактора в ущерб некоторому другому, оказавшемуся в итоге неудовлетворительным, даже катастрофичным? Маловероятно. При всем своем упрямстве биологи дело знали хорошо.

Или все предприятие просто обречено на неудачу с самого начала? Преобразование в другие формы жизни срабатывало на других планетах, но отсюда не следует, что оно сработает на Юпитере. Возможно, разум человека не способен корректно функционировать, опираясь на сенсорный аппарат юпитерианской формы жизни. Возможно, лоуперы были столь чужды, что это делало невозможным совмещение на общей основе человеческого знания и юпитерианской концепции существования и их совместной работы.

Или причина лежит в человеке, в его несовместимости с этой формой? Некоторое психическое искривление, которое в сочетании с внешней средой мешает возвращению. Хотя это не может быть искривлением, во всяком случае, в человеческом понимании. Возможно, просто ординарная черточка разума человека, принятая как данность на Земле, находится в столь жестоком противоречии с юпитерианским существованием, что это приводит к нарушению психики человека.

Клацающий звук когтистых лап послышался в коридоре. Фаулер устало улыбнулся. Таузер возвращался из кухни, куда он ходил навестить своего друга повара.

Таузер вошел в комнату, неся в зубах кость. Он помахал хвостом и улегся рядом со столом, положив кость между лап. Несколько секунд его старые глаза смотрели на хозяина, и Фаулер протянул руку, чтобы потрепать его за рваное ухо.

- Ты все еще любишь меня, Таузер? - спросил Фаулер и Таузер стукнул хвостом об пол.

- Ты один такой,- сказал Фаулер.

Он выпрямился и вновь склонился над столом. Его рука замерла над бумагами, и,наконец, он вынул одну из папок.

Беннет? У Беннета была девушка, и она ждала его на Земле.

Эндрю? Эндрю планировал вернуться на станцию Марк Тех сразу, как только накопит денег на год спокойной жизни.

Олсон? У Олсона предпенсионный возраст. Все время рассказывает парням, как он устроится и будет выращивать розы.

Осторожно Фаулер положил папку на стол. Приговорить людей к смерти... Он вспомнил слова мисс Стэнли. Посылать людей на смерть и в то же время самому сидеть в безопасности и комфорте.

У него за спиной такие разговоры ведутся, несомненно, особенно после исчезновения Аллена. Ему, конечно, не скажут этого в лицо. Даже те, кого он вызывает, ставит в известность, что они следующие, кому предстоит... не скажут ему этого.

Но он увидит это в их глазах.

Он взял папку снова. Беннет, Эндрю, Олсон. Были и другие, но не было смысла продолжать.

Кент Фаулер понял, что больше не сможет смотреть им в глаза и посылать на смерть.

Он наклонился и нажал на кнопку внутренней связи.

- Да, мистер Фаулер.

- Мисс Стэнли, пожалуйста.

Он подождал немного, пока ее найдут, слушая, как Таузер осторожно грыз кость.

- Мисс Стэнли, - услышал он голос.

- Хотел только попросить вас, мисс Стэнли, подготовиться для отправки двоих.

- Вы не боитесь, - спросила мисс Стэнли, - что запас скоро кончится? Если отправлять по одному, то можно протянуть дольше, получить в два раза больше удовольствия.

- В число двоих, - сказал Фаулер, - входит собака.

- Собака?!

- Да, Таузер.

Он услышал ответ, произнесенный ледяным тоном: - Ваша собственная собака. После стольких лет с вами рядом.

- В этом-то и дело, - сказал Фаулер. - Таузер будет несчастен, если я оставлю его одного.

* * *

Это был не тот Юпитер, который он знал по телевизору. Реальность превзошла его ожидания.

Он был готов к аммиачным ливням и зловонным испарениям и оглушающему, грохочущему буйству штормов. Он был готов к водовороту туч и туманов, вспышкам чудовищных молний.

Но он не был готов к тому, что сбивающий с ног ливень превратится в лиловый туман, дрейфующий подобно тени над красной и лиловой поверхностью газона. И разве мог он предположить, что змеевидные молнии предстанут вспышками чистого восторга на фоне цветного неба.

Ожидая Таузера, Фаулер размял мускулы нового тела, радостно изумляясь ощущению ровной, гибкой силы. Неплохое тело, решил он и состроил гримасу при воспоминании о том, как он жалел лоуперов, когда мельком видел их изображение на телевизионном экране.

Трудно было себе представить живой организм, основанный на аммиаке и водороде, а не воде и кислороде, и трудно было поверить, что такая форма жизни способна испытывать ту же радость жизни, что и человек. Трудно было вообразить возможность жизни в бушу-

ющем тумане Юпитера, не зная, конечно, что глаза юпитерианца видели все совсем иначе.

Ветер касался его тела своими мягкими пальцами, и он вдруг вспомнил, что по земным стандартам это был не ветер, а настоящий ураган, наполненный смертоносными газами, со скоростью 200 миль в час.

Приятные запахи окутывали его тело, хотя нет, их нельзя было назвать запахами в привычном смысле. Казалось, весь он состоял из запаха лаванды. Это было что-то, чему он не находил названия, - без сомнения первая из многих загадок. Он понимал, что слова, символы мыслей, служившие ему как землянину, не будут существовать для юпитерианца.

Шлюз сбоку купола открылся, и Таузер выскочил на волю - во всяком случае, он думал, что это должен был быть Таузер.

Он хотел позвать собаку, его разум формулировал слова, которые он хотел произнести. Но он не мог этого сделать. Не было способа их произнести. Не было чем сказать.

На секунду разум его охватила паника, слепой страх разлетелся облачками по всему мозгу.

Как разговаривают юпитерианцы? Как?

Неожиданно он ощутил присутствие Таузера, явственно почувствовал неумелое, но искреннее дружелюбие косматого животного, которое было с ним на различных планетах. Так почувствовал, как будто Таузер, его естество, на секунду вселилось внутрь его мозга.

И среди приветственного бормотания, которое он ощущал, пришли слова.

- Привет, приятель.

В действительности это были не слова, нечто лучшее, чем слова. Мыслительные символы в его мозгу передавали такие оттенки значений, которые слова передать никогда не смогут.

- Привет, Таузер,- ответил он.

- Отлично себя чувствую, - сказал Таузер. - Как будто я опять щенок, последнее время состояние у меня было неважное. Ноги одеревенели и зубы искрошились почти до корней. Косточку едва

мог одолеть с такими зубами. А тут еще блохи совсем жить не давали. А раньше я и внимания-то на них не обращал. Парой блох меньше или больше ничего не значило в молодости.

- Но... но, - мысли Фаулера спутались. - Ты со мной разговариваешь?!

- Само собой, - ответил Таузер. - Я всегда разговаривал с тобой, но ты меня не слышал. Я пытался общаться с тобой, но не умел.

- Я понимал тебя иногда, - сказал Фаулер.

- Не слишком хорошо у тебя это получалось, - сказал Таузер. - Ты знал, когда я хотел есть, пить или погулять, но и только.

- Прости, - сказал Фаулер.

- Забудь это, - сказал ему Таузер. - Побежим до скалы.

В первый раз Фаулер увидел скалу, очевидно, находящуюся за много миль, но странной кристаллической красотой выделяющуюся на фоне многоцветных облаков.

Фаулер заколебался. - Это далеко.

- А, не мешкай, - сказал Таузер и взял курс на скалу.

Фаулер последовал за ним, контролируя состояние ног, пробуя силу своего нового тела, в первый момент с сомнением, которое быстро сменилось чувством радостного изумления. И с этим ощущением радости, как-то сливавшимся в одно целое с красным и лиловым фоном, дрейфующим дымом дождя, он продолжал свой бег.

Пока он бежал, до него стало доходить ощущение музыки, она поразила его тело, волнами омывала его естество, поднимая на крыльях серебряной скорости. Музыка...

По мере того, как скала становилась все ближе, музыка углублялась и заполняла вселенную магическим звуком. И он знал, что музыку рождал водопад, падающий со сверкающей скалы.

Но это, он знал, был не водопад, а аммиакопад, и скала была белой из-за отвердевшего кислорода.

Он резко остановился рядом с Таузером, там, где водопад разбивался на переливающуюся многими сотнями цветов радугу. Многи-

ми сотнями в буквальном смысле, так как здесь не было плавных переходов, видимых глазом человека, а была четкая селективность.

- Музыка, - сказал Таузер.

- Да, и что?

- Музыка, - сказал Таузер, - есть вибрации. Вибрации, создаваемые падающей водой.

- Но, Таузер, ты же ничего об этом не знаешь.

- Да, - согласился Таузер. - Мысль просто возникла у меня в голове.

Фаулер мысленно поперхнулся. - Просто возникла!

Внезапно он понял, что держит в голове формулу - формулу процесса обработки металла, которая позволит ему выдерживать давление атмосферы Юпитера.

Он ошеломленно смотрел на водопад и моментально его разум сложил многообразие цветов и поместил их в точной последовательности спектра. Именно так, просто из голубого неба. Из ничего, ибо он ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

- Таузер, - закричал он. - Таузер, что-то происходит с нами.

- Да, я знаю, - ответил Таузер.

- Наш мозг, - сказал Фаулер. - Мы его используем полностью, до самой последней клетки, и познаем вещи, знать которые нам бы следовало все это время. Может быть, мозг выходцев с Земли изначально затуманен и медленно соображает. Может быть, во Вселенной мы - слабоумные, вынуждены всегда идти по трудному пути.

И в этот момент внезапно наступившей резкой ясности мыслей он понял, что не только цвета водопада или металлы позволяют выдержать давление атмосферы. Его ощущения стали иными, пока не до конца ясными. Смутный шепот, намекающий о чем-то большем, о тайнах, не постижимых для разума человека, и даже недоступных его воображению, тайнах, в действительности основанных на стройных логических построениях, и потому раскрываемых, если разум способен использовать всю свою мощь.

- Мы все еще Земляне, - сказал он. - Мы только начинаем изучать то, что нам следует знать, - начала, недоступные нам, землянам,

возможно, именно потому, что мы - земляне. Потому что наши земные тела - жалки. Они оснащены малопригодным мыслительным аппаратом. Одни функции, необходимые для развития чувств и ощущений, едва развиты, другие, без которых познание истины невозможно, просто отсутствуют.

Он задумчиво посмотрел назад, на кажущийся крошечным из-за такого расстояния черный купол.

Там оставались люди, не способные увидеть красоту Юпитера. Люди, думающие, будто круговерть облаков и плети дождей затемняли лицо планеты. Невидящие глаза людей. Бедные глаза, которым недоступна красота туч. Глаза, не способные увидеть сквозь шторм. Тела, не способные почувствовать волнение трепетной музыки, рождаемой потоком звенящей воды.

Люди, одиноко бредущие, общающиеся при помощи языка, подобно бойскаутам, флажками передающими свои сообщения, не умеющие непосредственно контактировать с разумом другого, как он может прямо войти в контакт с разумом Таузера. И они навечно лишены этой возможности интимного общения с другими живыми существами.

Он, Фаулер, готовился встретить на поверхности мерзких тварей, наводящих ужас, предугадывать подстерегающие опасности, заранее готовился к преодолению чувства отвращения, вероятного в ситуации, невозможной на Земле.

И вместо этого он чувствовал себя много лучше, чем когда-либо на Земле. Сильное и уверенное тело. Яркая радость, более глубокое ощущение полноты жизни. Острый ум. Мир прекрасного, не доступный воображению даже в мечтах на Земле.

- Пора в путь, - сказал Таузер.

- Куда ты хочешь?

- Куда-нибудь, - ответил Таузер. - Просто пошли, посмотрим, куда мы придем. У меня такое чувство...

- Да, я знаю, - сказал Фаулер.

Потому что то же чувство было у него. Чувство высокого предназ-

начения. Ощущение величия. Уверенность в том, что где-то далеко за горизонтом их ожидает много увлекательного и значительного.

Те пятеро это чувствовали тоже. Чувствовали неодолимый порыв идти и увидеть другую жизнь, наполненную новым знанием.

Поэтому они не вернулись.

- Я не вернусь, - сказал Таузер.

- Мы не можем так поступить с ними, - ответил Фаулер.

Он сделал один или два шага назад, в сторону купола, затем остановился.

Вернуться в купол, вернуться в больное, отравленное тело, которое он покинул. Оно, это тело, не казалось больным раньше, но сейчас он знал, что это так.

Обратно к затуманенному разуму, спутанному мышлению. Обратно к лопочущим ртам, формирующим сигналы, понятные другим. Назад к зрению, худшему, чем слепота. Назад в запустение, чтобы ползать в невежестве.

- Возможно, когда-нибудь, - пробормотал он себе под нос.

- Нам предстоит много сделать и многое увидеть, - сказал Таузер. - Нам предстоит многому научиться. Нам есть что искать.

Да, им есть что искать. Цивилизации, может быть. Цивилизации, в сравнении с которыми земная покажется ничтожной. Красоту и, что более важно, понимание красоты. И дружбу, какую доныне никто не знал, ни человек, ни собака, никто.

И жизнь. Интенсивную, наполненную.

- Я не смогу вернуться, - сказал Таузер.

- Я тоже, - ответил Фаулер.

- Они превратят меня снова в собаку, - сказал Таузер.

- А меня, - сказал Фаулер, - снова в человека.

УЖАС ГИМАЛАЕВ

Фредерик Браун

Сэр Чанси Атертон помахал на прощание рукой проводникам-шерпам, которые остались внизу, и продолжил свой путь один - дальше шерпы отказались идти, ибо тут, в Гималаях, за несколько сот миль от Эвереста, начиналась страна ужасного снежного человека. Время от времени его видели в горах Тибета и Непала, но пик Облимова, у подножья которого он оставил местных проводников, прямо-таки кишел этими существами, и шерпы не осмеливались подниматься выше. И в этот раз они благоразумно предпочли остаться внизу, дожидаясь его возвращения, впрочем, не особо веря в это. Для того, чтобы идти дальше, требовалась храбрость. Сэру Чанси нельзя было отказать в ней.

Ему также нельзя было отказать в умении ценить женскую красоту. Именно поэтому он оказался здесь и теперь в одиночку намеревался совершить не просто опасное восхождение, а спасти Лолу Габральди. Если она до сих пор жива, то, несомненно, находится в плену у снежного человека. Задача, что и говорить, посложнее и опаснее штурма любой горной вершины.

Сэр Чанси никогда прежде не видел Лолу Габральди. Он вообще узнал о ней месяц назад, когда попал на фильм с ее участием, в котором она играла главную роль и благодаря которому вдруг стала живой легендой, самой красивой в мире женщиной, самой миловидной из кинозвезд, когда-либо рождавшихся в Италии. Сэр Чанси

никак не мог понять, как такая женщина могла родиться на Земле, пусть даже и в Италии. В одной-единственной картине она затмила красотой Бардо, Лоллобриджиду и Экберг, вместе взятых, и стала идеалом женской красоты в сердцах ценителей во всех уголках планеты. Едва она появилась на экране, он понял, что должен увидеть ее наяву - иначе умрет.

Но вскоре Лола Габральди пропала без вести. После того, как закончились съемки первого фильма, она поехала отдыхать в Индию, где присоединилась к группе альпинистов, собравшихся штурмовать пик Облимова. Все участники экспедиции вернулись, кроме нее. Один из вернувшихся утверждал, что видел (правда, на слишком большом расстоянии, чтобы прийти на выручку), как ее унесло человекообразное волосатое существо ростом в девять футов - ужасный снежный человек. Несколько дней группа искала ее, потом прекратила поиски и вернулась в цивилизованный мир. Все были уверены, что ее нет в живых. Все, но не сэр Чанси, который немедленно вылетел из Англии в Индию.

И вот теперь он с трудом пробивался сквозь вечные снега. Кроме альпинистского снаряжения, он нес тяжелое ружье, с которым год назад охотился на тигров в Бенгалии. "Что годится для тигров, - рассудил англичанин, - сойдет и для снежного человека."

Снег вихрем кружил вокруг него, когда он достиг облаков. Внезапно в нескольких шагах от себя (дальше ничего было нельзя разобрать) выросла огромная тень, отдаленно похожая на человека. Он поднял ружье и выстрелил. Тень, стоявшая на самом краю пропасти, покачнулась и полетела в тысячефутовую бездну.

Не успело стихнуть эхо, как чьи-то руки схватили его сзади. Этот кто-то, держа одной рукой сэра Чанси, другой взял ружье, согнул его словно зубочистку пополам и швырнул в сторону.

Откуда-то, высоко над головой, прозвучало: - "Тише. Все будет хорошо." Сэр Чанси был неробкого десятка, но только выдавил из себя что-то нечленораздельное, несмотря на успокоительный тон чудовища. Существо так крепко прижало его к себе, что невозможно было повернуть голову и взглянуть на него.

- К твоему сведению, - продолжал таинственный голос, - мы те, которых вы называете ужасными снежными людьми, трансмутанты. Когда-то, много веков тому назад мы были таким же племенем, как шерпы, но нам удалось открыть средство, которое позволило изменять наше телосложение и приспособиться, увеличив размеры тела и изменив физиологию, к чрезвычайно холодному и разреженному воздуху, и теперь мы живем высоко в горах, где другим не выжить, - лишь изредка сюда могут подниматься люди. Тебе понятно?

- Д-д-д-да, - стуча зубами, произнес сэр Чанси, у которого вдруг затеплилась надежда. С чего бы этому существу пускаться в объяснения, если оно задумало убить его?

- Тогда слушай дальше. Нас мало, и все время становится меньше. По этой причине мы время от времени отлавливаем, как сейчас, какого-нибудь альпиниста. Мы вводим средство - и он наш. Это позволяет поддерживать нашу численность на довольно высоком уровне.

- Н-но, - запинаясь, пробормотал сэр Чанси, - неужели эта участь постигла женщину, которую я разыскиваю, - Лолу Габральди? Значит в ней сейчас... восемь футов, она вся в волосах и...

- Была. Только что ты убил ее. Один из моих соплеменников взял ее в жены. Мы не привыкли мстить, но кто-то должен занять ее место - так у нас принято.

- Занять ее место? Ведь... я - мужчина.

- Слава богу, - послышалось откуда-то сверху. Он почувствовал, как его повернули лицом к огромному заросшему телу, так что голова оказалась между огромными волосатыми грудями. - Слава богу, что это так, поскольку я - отвратительная снежная женщина.

Теряющего сознание сэра Чанси подхватила его новая подруга и легко, словно щенка, понесла в глубину пещеры.

ДЕВУШКА, ПРИНЕСЕННАЯ В ЖЕРТВУ

Эдвард Хоч

Настало время и правителем могучего народа ацтеков стал мудрый Кутлацума, долго трудившийся вместе с другими учеными царства над уточнением календаря и уточнением премудростей бытия. Теперь, во цвете лет, он мог повести свой народ к новым высотам просвещенности...

- Скажи-ка, Монто, - спросил он однажды у одного из учеников, когда они прогуливались вблизи храма великого Кецалькоатля, - как, по-твоему, за джунглями, за водами живут люди?

- Конечно, живут, Кутлацума, - ответил молодой спутник. - Целая раса, и когда-нибудь они приплывут к нашим берегам.

- И разрушат все, созданное нами?

- Возможно.

Ответ ученика расстроил Кутлацуму, который видел, какого высокого уровня достиг его народ в области изучения окружающего мира: развитые формы общественной жизни дополнялись превосходными методами образования и астрономических исследований. Установленные на вершинах храмов огромные камни-календари (сам Кутлацума высекал эти камни) являлись безмолвными свидетелями прогресса цивилизации ацтеков. И правитель был обеспокоен.

- Монто, мы должны сделать все, чтобы отсрочить этот день - день, когда возникнет угроза всему, когда начнет разрушаться уклад

нашей жизни. - Они поднялись на вершину храма, куда вела широкая лестница, и правитель произнес:

- Посмотри на все это - улицы, лавки... воздвигаемые повсюду здания... размеренное движение. Мы проводим перепись населения и управляем мудрой рукой. Неужели мы... и они исчезнут?

- Наши поколения уйдут, а наши дети умрут.

- Но разве мы должны умирать, Монто? Должны?.. - Мысль, внезапно пришедшая ему в голову, целиком захватила его. - Монто, собери совет мудрейших. Я буду говорить.

- О чем, Кутлацума?

- О вечной жизни, разумеется.

Когда все собрались, самые ученые из ученых ацтеков стали высказывать свое мнение. Два дня они говорили о религии и медицине, и наконец решение было найдено.

Люди умирают, потому что перестает биться их сердце. Надо только найти путь, как сохранить сердце живым, и бессмертие, о котором они мечтают, станет явью, а с ним придет надежда на сохранение ацтекской цивилизации на вечные времена, - даже когда из-за моря нагрянет враг.

- Сердце, - изрек Кутлацума. - Вот ключ ко всему. Отправляйтесь к людям и разыщите того, кто хочет нам помочь. Спустя несколько дней в комнату Кутлацумы привели молодую, очень красивую девушку по имени Нотия.

- Тебе рассказали, что от тебя требуется? - спросил он.

- Для меня это большая честь, о господин.

- Но ты совсем молодая. Понимаешь ли ты, ради чего идешь на такую жертву?

- О да, господин.

- Пусть будет так.

И вот у подножья храмовой лестницы было выбрано место - Кутлацума ни за что не стал бы делать это в тайне от всех. Нотию подготовили и одели в развевающееся, доходящее до пят платье.

Накануне, когда должно было произойти это торжественное событие, Кутлацума долго беседовал с врачами. Рано утром все вме-

сте они отправились к Кизаль - старой умирающей женщине.

- Мое сердце ослабло, о господин, - завидев их, пробормотала она со своего убогого ложа.

- Женщина, сегодня мы постараемся помочь тебе.

Выйдя от Кизаль, врачи с опаской спросили Кутлацуму, боясь того, что он задумал.

- А вдруг нас ждет неудача?

- Тогда попробуем еще раз. И еще.

Один из врачей молча кивнул. Больше им нечего было добавить.

В полдень Монто пришел в дом своего господина.

- Девушка готова. Старая Кизаль готова. Ты решился?

Кутлацума протянул руку к самому острому ножу - церемониальному кинжалу, к которому он никогда раньше не прикасался, и тихо ответил:

- Я приступаю. Только я один буду отвечать за все.

- Как ты собираешься это делать?

Кутлацума прислонился к стене, смахнув рукой пот со лба.

- Когда она будет лежать там, я разрежу ей грудь и выну ее бьющееся сердце. Потом я помещу это сердце в грудную клетку старой Кизаль, чтобы продлить ей жизнь. Мои помощники присоединят сердце к сосудам и зашьют рану.

- В случае успеха, Кутлацума, наш народ ожидает вечная жизнь.

Старший жрец кивнул и взял кинжал. Пора было идти на встречу с Нотией, лежащей на ступенях храма. - А если не удастся задуманное... Что тогда?

- Если задуманное не удастся, то люди запомнят только само деяние - не цель его. А через много-много веков какой-нибудь историк заглянет в прошлое и скажет, что ацтеки совершали человеческие жертвоприношения.

СИЛА ДУХА
(киносценарий)

Курт Воннегут

Время действия: сегодняшний день. Место действия: Нью-Йорк. Огромная лаборатория, заполненная причудливо переплетающимися аппаратами и устройствами, которые выполняют роль внутренних органов человека - сердца, легких, печени и т.п. Цветные трубки и провода, тянущиеся от аппаратов, соединяются у отверстия в потолке. Сбоку стоит фантастически сложный пульт управления.

Доктор Литтл, приветливый молодой врач, терапевт, стоит рядом с конструктором и владельцем оборудования, доктором Франкенштейном. Франкенштейн - гений медицины. Ему 65 лет. Том Свифт, восторженный помощник Франкенштейна, сидит за пультом в наушниках, наблюдая за приборами и сигнальными лампочками.

Л и т т л. О, Бог мой!.. Бог мой!

Ф р а н к е н ш т е й н. Смотрите. Вот это - почки. Здесь, конечно, печень, а там поджелудочная железа.

Л и т т л. Невероятно... невероятно... Глядя на все это, невольно спрашиваешь себя: "Учился ли я медицине? Занимался ли я медициной?" (Указывает пальцем на одно из устройств). Это ее сердце?

Ф р а н к е н ш т е й н. Да. От "Венстингауза". Чертовски хорошая

модель. Пока лучшее, что им удалось сконструировать. А посмотрите на почки - настоящий шедевр!

Л и т т л. Такое сердце, вероятно, стоит не меньше, чем район, который я обслуживаю.

Ф р а н к е н ш т е й н. А вот за эту поджелудочную железу можно купить целый штат. Вы из Вермонта?

Л и т т л. Оттуда.

Ф р а н к е н ш т е й н. На эту поджелудочную железу я ухлопал кучу денег. Никому еще не удавалось создавать поджелудочную железу. Нам она нужна была позарез, иначе мы теряли пациента. Тогда мы собрали всех, кто конструирует внутренние органы, и сказали: "Вы должны сделать нам поджелудочную железу. Срок - 10 дней. Нам наплевать во сколько это обойдется. Подключите к работе всех. Чтобы к следующему вторнику она была".

Л и т т л. И они справились?

Ф р а н к е н ш т е й н. Как видите. Пациент живет. Но зобная и поджелудочная железы влетели нам в копеечку.

Л и т т л. Значит, пациент мог позволить себе это.

Ф р а н к е н ш т е й н. Наше оборудование уникально.

Л и т т л. А сколько всего она перенесла операций? За какой срок?

Ф р а н к е н ш т е й н. Двадцать шесть лет назад я провел первую операцию. А всего было семьдесят восемь.

Л и т т л. Сколько ей лет?

Ф р а н к е н ш т е й н. Сто.

Л и т т л. Ну и нервы у этой женщины!

Ф р а н к е н ш т е й н. Они перед вами.

Л и т т л. Я хотел сказать... какое у нее мужество. Какая сила духа!

Ф р а н к е н ш т е й н. Мы оперировали под наркозом, сами понимаете. Без анестезии нельзя.

Л и т т л. Даже под наркозом...

Франкенштейн трогает Свифта за плечо. Свифт снимает наушники и смотрит то на них, то на приборы.

Ф р а н к е н ш т е й н. Доктор Том Свифт, разрешите представить вам доктора Элберта Литтла. Том - моя правая рука.

С в и ф т. Привет.

Ф р а н к е н ш т е й н. Доктор Литтл работает в Вермонте. Он оказался рядом и заинтересовался нашей лабораторией.

Л и т т л. Что вы слушаете в наушниках?

С в и ф т. Все, что происходит в палате пациента. (Протягивает ему наушники). Прошу.

Л и т т л. (Прислушивается). Ничего не слышно.

С в и ф т. Сейчас косметолог делает ей прическу. В это время она всегда спокойна. (Берет у него наушники).

Ф р а н к е н ш т е й н (Свифту). Мы должны поздравить нашего молодого гостя.

С в и ф т. С чем?

Л и т т л. Хороший вопрос: "С чем?"

Ф р а н к е н ш т е й н. Вы удостоились большой чести.

Л и т т л. Я не совсем уверен.

Ф р а н к е н ш т е й н. Вот тот самый Литтл, которого журнал "Мир женщины" назвал лучшим семейным врачом прошедшего года, не так ли, доктор?

Л и т т л. Да... правильно. Я до сих пор не могу в это поверить. Но какое это имеет значение для вас? Ваши масштабы... и вдруг я - такая маленькая сошка.

Ф р а н к е н ш т е й н. Я каждый месяц от корки до корки прочитываю "Мир женщины".

Л и т т л. В самом деле?

Ф р а н к е н ш т е й н. Мой единственный пациент - миссис Лавджой, а она читает этот журнал. Стало быть и я его читаю. Потом мы обсуждаем прочитанное. В последнем номере мы ознакомились со всеми материалами, касающимися вас. Миссис Лавджой мне все уши прожужжала: "Такой милый молодой человек. Такой внимательный".

Л и т т л. Хм...

Ф р а н к е н ш т е й н. И вот вы у нас! Наверняка, она написала вам письмо.

Л и т т л. Да... так.

Франкенштейн. Она пишет их тысячами, каждый год, и столько же получает в ответ. Это ее любимое занятие.

Литтл. Она... обычно в хорошем настроении?

Франкенштейн. Если нет, то это наша ошибка. Бывает, что хандрит. Это значит, что у нас здесь, внизу, какие-то неполадки. Месяц назад она закапризничала - оказалось, что вышел из строя транзистор. (Трогает за плечо Свифта, меняет настройку на консоли. Оборудование начинает работать более плавно). Сейчас ей придется несладко, но это быстро - всего две минуты. (Вновь меняет настройку). Все. Теперь ей будет гораздо лучше. Весь день будет петь, как птичка.

Литтл, с едва скрываемым чувством ужаса, молчит. Камера показывает комнату, повсюду цветы, шоколадные наборы конфет и книги. В центре - Сильвия Лавджой, вдова миллиардера. Сильвия - всего лишь голова с трубками и проводами, тянущимися из пола. Но они не сразу попадают в объектив камеры. Первый крупный план - голова Сильвии, за ней стоит красивая женщина-косметолог, Глория. Сильвия, известная в прошлом светская львица, со следами былой красоты на лице. Она плачет.

Сильвия. Глория...

Глория. Да, мадам?

Сильвия. Вытри мне слезы, а то еще кто-нибудь войдет.

Глория (сама чуть не плача). Хорошо, мадам. (Промокает бумажной салфеткой ей глаза, потом внимательно смотрит на результат своей работы). Совсем другое дело.

Сильвия. Не знаю, что на меня нашло. Вдруг стало так тоскливо на сердце, что расплакалась.

Глория. Все иногда плачут.

Сильвия. Уже прошло. Скажи, заметно, что я плакала?

Глория. Нет, нет. (Не в силах больше сдерживать слезы, она отходит к окну, чтобы Сильвия не могла ее видеть).

Камера отъезжает, показывая тщательно причесанную голову, от которой в разные стороны расходятся провода и трубки. Голова покоится на треножнике; под ним черный ящичек с мигающими

разноцветными лампочками. К ящику присоединены механические манипуляторы, которые могут дотянуться до рядом стоящего столика. На столе ручка, бумага, наполовину решенная головоломка и большая сумка с вязанием. Из сумки торчат спицы и почти готовый свитер. На уровне рта Сильвии подвешен микрофон.

Сильвия (со вздохом). Ты, вероятно, принимаешь меня за старую глупую женщину. (Глория трясет головой, не в силах произнести ни слова). Глория? Ты здесь?

Глория. Да.

Сильвия. В чем дело? Случилось что-нибудь?

Глория. Ничего.

Сильвия. Ты настоящая подруга, Глория. Поверь, я говорю это от чистого сердца.

Глория. Я тоже вас люблю.

Сильвия. Если тебе что-то нужно, скажи, я сделаю, что смогу.

Глория. Спасибо... Спасибо.

В дверях с охапкой писем появляется Говард Дерби, почтальон. Пританцевывая, он входит в комнату. Производит впечатление жизнерадостного дурака.

Дерби. Почта! Почта!

Сильвия (оживляясь). Почта! Дай Бог тебе здоровья. Что принес?

Дерби. Как мы сегодня себя чувствуем?

Сильвия. Что-то нашло внезапно, а теперь даже хочется петь.

Дерби. Сегодня пятьдесят три. Одно даже из Ленинграда.

Сильвия. Это от слепой. Бедняжка, бедняжка!

Дерби (разворачивая письма веером, читает). Западная Вирджиния... Гонолулу... Брисбен... Австралия...

Сильвия наугад выбирает одно.

Сильвия. Уилинг, Западная Вирджиния. Кто бы это мог быть? (Ловко вскрывает его с помощью манипуляторов и читает). "Дорогая миссис Лавджой, вы меня, конечно, не знаете, но я только что узнала о вас из "Ридерс дайджест" и вот сижу и не могу сдержать

слез... " "Ридерс дайджест"? О, господи, ведь об этом писали еще четырнадцать лет тому назад. Неужели она только что узнала?

Д е р б и. "Ридерс дайджест" продолжает публиковать материалы, посвященные вам. У меня дома лежит журнал десятилетней давности, и я постоянно его перечитываю, когда мне плохо.

С и л ь в и я (продолжая читать). "Я больше никогда не буду жаловаться, что бы ни случилось. Раньше я думала, что несчастнее меня нет человека на свете. Мой муж шесть месяцев назад застрелил свою любовницу, потом застрелился сам. На руках у меня осталось семь детишек, а мне еще надо оплатить кредит за машину. Но после всего того, что я узнала о Вас из журнала, я благодарю судьбу". Прекрасное письмо, правда?

Д е р б и. Конечно.

С и л ь в и я. Здесь еще есть примечание. "Да благословит Вас Бог." (Кладет письмо на стол). Из Вермонта ничего нет?

Д е р б и. Вермонта?

С и л ь в и я. В прошлом месяце на меня напала хандра, и, боюсь, я написала довольно глупое, эгоистичное письмо тому молодому доктору, о котором писал "Мир женщины". Мне теперь так стыдно. Со страхом жду от него письма.

Г л о р и я. Но что он может сказать? Что?

С и л ь в и я. О тех страданиях, которыми наполнен мир. О тех, кто не знает, где им завтра достать кусок хлеба. О тех, кто настолько беден, что ни разу за свою жизнь не смог обратиться к доктору. А ведь у меня есть все - забота, внимание... к моим услугам последние достижения науки.

Теперь в объективе камеры коридор и дверь в комнату Сильвии. На двери висит табличка "ВСЕГДА ВХОДИТЕ С УЛЫБКОЙ". Франкенштейн с Литтлом стоят перед дверью.

Л и т т л. Она здесь?

Ф р а н к е н ш т е й н. Отчасти.

Л и т т л. И все следуют этой надписи, я уверен.

Ф р а н к е н ш т е й н. Это составная часть терапии. Собственно, пациент находится здесь.

Из комнаты выходит Глория, плотно закрывает дверь и начинает рыдать.

Ф р а н к е н ш т е й н (Глории сердито). Не надо так убиваться... А в чем, собственно, дело?

Г л о р и я. Дайте ей умереть, доктор Франкенштейн. Ради Бога, дайте ей умереть.

Л и т т л. Это ее медсестра?

Ф р а н к е н ш т е й н. Для этого у нее не хватает мозгов. Всего лишь паршивый косметолог. Получает сто зелененьких в неделю только за то, что приводит в порядок ее лицо и укладывает в прическу волосы. Все, красотка, чтоб ноги здесь твоей больше не было.

Г л о р и я. Что?

Ф р а н к е н ш т е й н. Получи расчет и убирайся.

Г л о р и я. Мы с миссис Сильвией большие друзья.

Ф р а н к е н ш т е й н. Можешь потом черкнуть ей пару строк.

Г л о р и я. Кроме меня у нее никого нет.

Ф р а н к е н ш т е й н. Хороша подруга! Ты же только что желала ей смерти.

Г л о р и я. Да, я просила - из сострадания.

Ф р а н к е н ш т е й н. Ты знаешь, что существует рай? Хочешь отправить ее туда?

Г л о р и я. Я знаю, что существует ад. Я видела его. Он здесь. Его создали вы.

Ф р а н к е н ш т е й н. (удивленно молчит, но потом продолжает). О, господи! Что иногда говорят люди.

Г л о р и я. Я говорю от имени тех, кто ее любит.

Ф р а н к е н ш т е й н. Любит?

Г л о р и я. Вам не понять, что это такое.

Ф р а н к е н ш т е й н. Любовь?.. (Задумчиво в сторону). Есть ли у меня жена? Нет. Любовница? Нет. За свою жизнь я любил только двух женщин - мою мать и ее. Спасти мать я не смог. Я только что окончил медицинский колледж, когда она заболела раком. "Ну что, медицинское светило из Гельдерберга, - сказал я самому себе, - покажи, на что ты способен, и спаси свою мать". Все кругом тверди-

ли, что ей невозможно помочь. Тогда я сказал: "Черта с два, что-то необходимо сделать". В конце концов все решили, что я сошел с ума, и упрятали меня в сумасшедший дом. Когда я оттуда вышел, ее уже не было в живых. Они оказались правы... по-своему. Но эти горе-специалисты не знали, на какие чудеса способны современные машины; я тоже тогда не знал, но я обязан был узнать. Вот почему я поступил в Массачусетский технологический институт и в течение шести лет изо дня в день изучал машиностроение, электротехнику и химическую технологию. Я спал на чердаках, ел черствый хлеб, годный разве лишь для крыс. Когда я окончил институт, я снова сказал самому себе: "Теперь, доктор Франкенштейн, ты самый молодой врач на свете, который знает, как надо лечить в двадцатом веке". Я поступил на работу в одну из клиник Бостона. И вот однажды к нам привезли женщину... ее лицо было прекрасно... остальное - сплошное кровавое месиво. Эта женщина напомнила мне мою мать... вдова, получившая в наследство пятьсот миллионов. Родных и близких - никого. И снова все твердили - ее спасти невозможно. Но я сказал: "Замолчите и слушайте меня".

Пауза (продолжительная).

Франкенштейн. Вот вам моя история любви. (Глории). Это чувство зародилось во мне давным-давно, когда тебя еще не было на свете. Пока я дышу, оно будет со мной.

Глория. Недавно она просила меня достать пистолет.

Франкенштейн. Ты думаешь, я не знаю? (Указывает пальцем на Литтла). В прошлом месяце она написала этому человеку: "Принесите мне цианистый калий, доктор, если у вас есть сердце".

Литтл (испуганно). Вы знали об этом? Вы... вы просматриваете ее письма?

Франкенштейн. Я должен знать, что она действительно чувствует. Иногда она пытается нас дурачить - притворяется, что совершенно счастлива. Такое случается. Помните тот "полетевший" транзистор. Мы, конечно, ничего не знали, если бы не читали ее писем и не слушали, что она говорит разным недоумкам, вроде этой. (Увлеченно). Послушайте, хотите взглянуть на нее? Оставайтесь у нее сколько хотите, говорите о чем угодно. А потом откровенно скажите, счастлива она или нет.

Литтл (неуверенно). Я...

Франкенштейн. Идите! А тем временем я побеседую с этой молодой леди - Самой Милосердной Убийцей года. Я хочу показать ей, что осталось от ее подруги и пролежало в контейнере два года. Пусть знает, что такое смерть, которую она желала ей.

Литтл хочет что-то сказать, но потом молча кивает головой и входит в комнату. Камера показывает Сильвию. Ее голова повернута от двери.

Сильвия. Кто это?

Литтл. Ваш друг. Тот, кому вы писали письмо.

Сильвия. Их много. Пожалуйства, встаньте так, чтобы я могла вас видеть. (Литтл повинуется). Она смотрит на него со все возрастающим интересом. Вы доктор Литтл из Вермонта?

Литтл (кланяясь). Миссис Лавджой, как вы себя чувствуете?

Сильвия. Вы принесли цианистый калий?

Литтл. Нет.

Сильвия. И правильно сделали. Я не хочу умирать в такой чудесный день. И завтра тоже. И послезавтра. Вы явились сюда на белом коне?

Литтл. В голубом "Олдсмобиле".

Сильвия. А как же ваши пациенты, которые вас так любят и так нуждаются в вас?

Литтл. Передал другому врачу, а сам взял недельный отпуск.

Сильвия. Случайно, не ради меня?

Литтл. Нет.

Сильвия. Понятно. Я себя чувствую прекрасно. Видите, в какие замечательные руки я попала.

Литтл. Да.

Сильвия. Второго такого доктора, как Франкенштейн, не сыщешь.

Литтл. Совершенно верно.

Пауза.

С и л ь в и я. Давайте поговорим о смерти? Вам часто приходится сталкиваться с ней?

Л и т т л. Приходится.

С и л ь в и я. И некоторым она приносит облегчение?

Л и т т л. Да, мне приходилось слышать и такое...

С и л ь в и я. А вы так не считаете?

Л и т т л. Врач не имеет права говорить такие вещи, миссис Лавджой.

С и л ь в и я. Но почему люди считают, что смерть несет избавление?

Л и т т л. Потому, что страдания ужасны, потому что жизнь не всем по карману, потому что человек перестает быть человеком, потому что он утрачивает разум и не в состоянии вернуть его.

С и л ь в и я. За любые деньги?

Л и т т л. Насколько я знаю, пока нельзя купить, одолжить или украсть искусственный мозг. Впрочем, если спросить у доктора Франкенштейна, он скажет, что и это - дело недалекого будущего.

Новая пауза.

С и л ь в и я. Дело недалекого будущего?

Л и т т л. Он говорил с вами об этом?

С и л ь в и я. Я вчера спросила, что будет со мной, если мой мозг начнет неправильно функционировать. Он спокойно ответил, чтобы я не забивала себе голову всякой ерундой. "В свое время мы преодолеем и этот барьер", - вот его слова. (Непродолжительная пауза). О господи, сколько было таких барьеров.

Камера опять показывает лабораторию, забитую до отказа различной аппаратурой. Свифт сидит у пульта. Входят Франкенштейн с Литтлом.

Ф р а н к е н ш т е й н. Ну вот, вы осмотрели все мои владения. Теперь вернулись туда, откуда начали наше путешествие.

Л и т т л. Я могу только повторить, что сказал вначале: "О Бог мой".

Ф р а н к е н ш т е й н. После такого трудно будет возвращаться к пилюлям и микстурам, а?

Л и т т л. Да. (Пауза). Какой аппарат здесь самый дешевый?

Ф р а н к е н ш т е й н. Тот, который проще других, - сердце.

Л и т т л. По какой цене оно идет сегодня?

Ф р а н к е н ш т е й н. Шестьдесят тысяч. Есть более дешевые модели, есть более дорогие. Первые - дрянь, а остальные - настоящие шедевры.

Л и т т л. И сколько вы продаете ежегодно?

Ф р а н к е н ш т е й н. Приблизительно шестьсот.

Л и т т л. Выходит, одним - жизнь, другим - смерть.

Ф р а н к е н ш т е й н. Если дело касается сердца, считайте, что вы дешево отделались. (Свифту). Эй, Том, усыпи ее, покажем нашему гостю весь процесс от начала до конца.

С в и ф т. Мы выбиваемся из графика на двадцать минут.

Ф р а н к е н ш т е й н. Какая разница. Потом доспит. Все равно проснется в прекрасном настроении, если, конечно, опять не испортится транзистор.

Л и т т л. Почему вы не установите монитор для наблюдения за ней?

Ф р а н к е н ш т е й н. Она не хочет.

Л и т т л. Она получает все, что хочет?

Ф р а н к е н ш т е й н. Да. Зачем нам ее лицо? Мы сидим здесь, следим за приборами и знаем о ней все, чего она сама о себе не знает. (Свифту). Переключи на режим сна, Том.

С в и ф т (Литтлу). Это все равно, что припарковать машину или остановить доменную печь.

Л и т т л. Угу.

Ф р а н к е н ш т е й н. Том, к вашему сведению, имеет ученые степени по техническим и медицинским наукам.

Л и т т л. Вы не устаете к концу дня, Том?

С в и ф т. Это приятная усталость. Словно провел авиалайнер от Нью-Йорка до Гонолулу или что-нибудь в этом роде. (Берется за рукоятку). А теперь мы пожелаем миссис Лавджой спокойной ночи. (Медленно тянет ее на себя. Аппаратура начинает работать в замедленном режиме). Порядок.

Ф р а н к е н ш т е й н. Прекрасно.

Л и т т л. Она уже спит?

Ф р а н к е н ш т е й н. Как ребенок.

С в и ф т. Все. На этом моя работа закончена. Остается только дождаться сменщика.

Л и т т л. Никто не пытался передать ей пистолет?

Ф р а н к е н ш т е й н. Нет. Впрочем, это нас мало беспокоит. Манипуляторы сконструированы таким образом, что она не может направить на себя дуло пистолета, как бы не старалась. Это придумал Том.

Л и т т л. Поздравляю, Том.

Внезапно раздается сигнал тревоги. Вспыхивает сигнальная лампочка.

Ф р а н к е н ш т е й н. Кто бы это мог быть? (Литтлу). Кто-то проник в ее комнату. Надо проверить. (Свифту). Запирай комнату, Том, кто бы он ни был, он попался. (Свифт нажимает на кнопку, которая блокирует дверь наверху). (Литтлу). Идемте скорее.

Камера показывает спящую Сильвию. В комнату крадучись входит Глория. Она быстро оглядывается, вынимает револьвер из своей сумочки, проверяет заряжен ли он, затем кладет его в ридикюль Сильвии. Едва успевает спрятать оружие, как на пороге комнаты неслышно появляются Франкенштейн и Литтл. У Франкенштейна в руках ключ.

Ф р а н к е н ш т е й н. В чем дело?

Г л о р и я. Я забыла часы. (Указывает на них). Вот они.

Ф р а н к е н ш т е й н. Кажется, я сказал, чтобы твоей ноги здесь больше не было.

Г л о р и я. И не будет!

Ф р а н к е н ш т е й н (Литтлу). Посторожите, пока я проверю, все ли в порядке. (Глории). Тебе не терпится попасть в тюрьму за попытку к убийству, а? (В микрофон). Том? Ты меня слышишь?

С в и ф т (голос из микрофона на стене). Я вас слышу.

Ф р а н к е н ш т е й н. Разбуди ее. Требуется проверка.

С в и ф т. Ку-ка-ре-ку.

Машины ускоряют работу. Сильвия открывает глаза, она несколько удивлена.

С и л ь в и я (Франкенштейну). Доброе утро, Норберт.

Ф р а н к е н ш т е й н. Как самочувствие?

С и л ь в и я. Как обычно, когда просыпаюсь. Прекрасно... немного не по себе... Глория! Доброе утро.

Г л о р и я. Доброе утро.

С и л ь в и я. Доктор Литтл, вы решили остаться еще на один день?

Ф р а н к е н ш т е й н. До утра далеко. Мы усыпим вас через минуту.

С и л ь в и я. Я опять заболела?

Ф р а н к е н ш т е й н. Не думаю.

С и л ь в и я. Мне предстоит очередная операция?

Ф р а н к е н ш т е й н. Успокойтесь, успокойтесь. (Вынимает из своего кармана офтальмоскоп).

С и л ь в и я. Разве можно оставаться спокойной, когда речь идет об операции?

Ф р а н к е н ш т е й н. (В микрофон). Том, дай транквилизатор.

С в и ф т (Слышится из микрофона). Даю.

С и л ь в и я. Чего на этот раз я не досчитаюсь? Ушей? Волос?

Ф р а н к е н ш т е й н. Успокойтесь, через минуту вам будет легче.

С и л ь в и я. Мои глаза? Мои глаза, Норберт. Теперь очередь за ними?

Ф р а н к е н ш т е й н. (Глории). Проклятье, вот видишь, что ты натворила. Полюбуйся. (В микрофон). Черт возьми, где же транквилизатор?

С в и ф т. Уже должен подействовать.

С и л ь в и я. Впрочем, это уже не имеет значения. (Франкенштейну, который внимательно глядит ей в глаза). Значит, это мои глаза, правда?

Ф р а н к е н ш т е й н. Тут нет ничего вашего.

С и л ь в и я. Как нажито, так и прожито.

Ф р а н к е н ш т е й н. У вас лошадиное здоровье.

С и л ь в и я. Я уверена, что можно подыскать прекрасные глаза.

Ф р а н к е н ш т е й н. Я знаю одну фирму. Там изготавливают

чертовски хорошие глаза. (Отходит довольный). Теперь все в порядке. (Глории). Твое счастье.

С и л ь в и я. Я рада, когда моим друзьям хорошо.

С в и ф т. Будем усыплять?

Ф р а н к е н ш т е й н. Пока подожди. Надо кое-что проверить.

С в и ф т. Понял. Все.

Камера направлена на Литтла, Глорию и Франкенштейна. Они входят в машинное отделение. Свифт сидит за пультом управления.

С в и ф т. Сменщик запаздывает.

Ф р а н к е н ш т е й н. У него неприятности дома. Хочешь хороший совет, парень? Никогда не женись. (Внимательно осматривает приборы).

Г л о р и я (пораженная увиденным). О, господи... господи!

Л и т т л. Вы прежде не были здесь?

Г л о р и я. Нет.

Ф р а н к е н ш т е й н. Волосы - это ее гордость. Мы отняли у нее все, кроме волос. (Смотрит озадаченно на один из приборов). Что такое? (затем стучит пальцем по нему). Прибор начинает показывать правильно). Так-то лучше.

Г л о р и я. Наука!..

Ф р а н к е н ш т е й н. А ты что думала.

Г л о р и я. Боялась даже подумать об этом. Теперь я понимаю, почему.

Ф р а н к е н ш т е й н. Ты совсем ничего не понимаешь в технике... не имеешь ни малейшего представления, что все это значит?

Г л о р и я. Я два раза заваливала географию в школе.

Ф р а н к е н ш т е й н. Интересно, чему вас там учили в вашем институте красоты?

Г л о р и я. Разным глупостям. Чему можно научить дураков?.. Как накладывать грим на лицо... как завивать волосы... как их стричь... как красить... как делать маникюр... летом педикюр...

Ф р а н к е н ш т е й н. Теперь, уйдя от нас, наверное, станешь болтать повсюду о том, что здесь видела? Представляю, что ты наговоришь!

Г л о р и я. Может быть.

Ф р а н к е н ш т е й н. Все-таки, что же ты скажешь?

Г л о р и я. Ничего особенного... Просто...

Ф р а н к е н ш т е й н. Ну?

Г л о р и я. Что голова мертвой женщины соединяется с разными машинами... что вы работаете целыми сутками... что у вас нет жены... и все такое.

Немая сцена как на фотографии. Постепенно эта фотография темнеет. Люди на ней начинают двигаться.

Ф р а н к е н ш т е й н. (Пораженный). Как ты можешь называть ее мертвой? Она читает, разговаривает, вяжет, пишет письма...

Г л о р и я. Нечто вроде автомата-гадалки в дешевом универмаге.

Ф р а н к е н ш т е й н. Мне казалось, что ты ее любишь.

Г л о р и я. Да, когда я вижу, как загораются ее глаза. Все любят ее за смелость. Что стоит эта смелость, я теперь понимаю. Достаточно повернуть какой-нибудь кран или переключатель и она сделает все, что вам угодно. Но несмотря ни на что эта искорка продолжает гореть. Теперь я понимаю, почему она так хочет поскорее умереть!

Ф р а н к е н ш т е й н. (Глядя на панель управления). Доктор Свифт, этот микрофон включен?

С в и ф т. Да... (щелкает пальцами). Виноват.

Ф р а н к е н ш т е й н. Не выключай. (Глории). Она слышала каждое твое слово. Как тебе это нравится?

Г л о р и я. Она и теперь меня слышит?

Ф р а н к е н ш т е й н. Давай, давай, выкладывай. Ты облегчишь мою задачу. Не надо объяснять, кем ты оказалась на самом деле и почему мы распрощались с тобой.

Г л о р и я. (Подходит близко к микрофону). Миссис Лавджой?

С в и ф т (передает то, что слышит в наушниках). Она говорит: "Да, дорогая".

Г л о р и я. В вашей сумке с вязанием спрятан заряженный револьвер, миссис Лавджой. Если вы хотите...

Ф р а н к е н ш т е й н. (совершенно не беспокоясь за Сильвию,

презрительно смотрит на Глорию). Идиотка! Откуда ты взяла револьвер?

Г л о р и я. Получила по почте из Чикаго. Они дали рекламу в журнале "Романтика".

Ф р а н к е н ш т е й н. Продают оружие всяким сумасшедшим шлюхам.

Г л о р и я. Я могла даже заказать базуку.

Ф р а н к е н ш т е й н. Этот револьвер будет уликой номер один на твоем судебном процессе. (Уходит).

Л и т т л (Свифту). Может лучше усыпить ее?

Г л о р и я (Литтлу). Что он имеет в виду?

Л и т т л. Конструкция манипуляторов исключает возможность покончить жизнь самоубийством.

Г л о р и я (с ненавистью). Даже это продумали.

Камера показывает комнату Сильвии. Входит Франкенштейн. Сильвия задумчиво держит револьвер.

Ф р а н к е н ш т е й н. Хороша игрушка!

С и л ь в и я. Ты не должен сердиться на Глорию, Норберт. Это я просила. Я очень просила.

Ф р а н к е н ш т е й н. В прошлом месяце.

С и л ь в и я. Да.

Ф р а н к е н ш т е й н. Но теперь все в порядке?

С и л ь в и я. Все, кроме искр.

Ф р а н к е н ш т е й н. Искр?

С и л ь в и я. Да, о которых говорила Глория. Когда-то мои глаза искрились. Даже сейчас, когда я чувствую себя такой счастливой, эта искорка подсказывает мне - возьми револьвер и нажми курок.

Ф р а н к е н ш т е й н. И каков будет ответ?

С и л ь в и я. Я собираюсь сделать это, Норберт. (Старается направить на себя дуло револьвера. Снова и снова. Тщетно. Франкенштейн спокойно стоит рядом). Это не случайно, да?

Ф р а н к е н ш т е й н. Нам бы очень не хотелось, чтобы вы причинили себе какой-нибудь вред. Мы вас тоже любим.

С и л ь в и я. И долго мне так жить? Я прежде не смела спрашивать об этом.

Ф р а н к е н ш т е й н. Я могу сказать... приблизительно.

С и л ь в и я. Лучше не надо. (Пауза). Все-таки сколько?

Ф р а н к е н ш т е й н. По крайней мере, пятьсот лет.

Наступает молчание.

С и л ь в и я. Значит я буду продолжать жить... после того, как тебя не будет?

Ф р а н к е н ш т е й н. Пора, моя дорогая, сказать вам то, что я так давно хотел. Каждый орган, там, внизу, рассчитан на двух человек, не на одного. Система сконструирована так, что ее можно быстро подключить ко второму человеку. (Молчание). Вы понимаете, что я хочу сказать, Сильвия. (Молчание). (Страстно). Сильвия! Этим вторым человеком буду я! Мы будем говорить о нашей свадьбе. Будем рассказывать друг другу любовные истории из нашего прошлого. Ваши почки будут моими почками. Ваша печень будет моей печенью. Ваше сердце будет моим сердцем. Все ваши настроения и переживания станут моими. Мы будем жить в абсолютной гармонии, Сильвия! Нам будут завидовать даже боги!

С и л ь в и я. Так вот чего ты хочешь.

Ф р а н к е н ш т е й н. Больше всего на свете.

С и л ь в и я. Ну что же... хорошо, Норберт. (Разряжает в него всю обойму).

* * *

Камера показывает ту же комнату спустя тридцать минут. В ней установлен второй треножник. На нем голова Франкенштейна. Он спит, Сильвия тоже. Литтл стоит рядом, лихорадочно заканчивая подсоединение оборудования. Вокруг валяются гаечные ключи, газовая горелка и другие инструменты.

С в и ф т. Ну, кажется, все. (Выпрямляется, оглядывается кругом). Да, теперь полный порядок.

Л и т т л (смотрит на часы). Двадцать восемь минут после первого выстрела.

С в и ф т. Хорошо, что мы оказались рядом.

Л и т т л. Здесь скорее нужен водопроводчик, чем медик.

С в и ф т (в микрофон). Чарли, у нас все в порядке. Как у тебя?

Ч а р л и (в динамике слышится резкий звук). О'кей.

С в и ф т. Дай им побольше мартини.

В дверях появляется ошеломленная Глория.

Ч а р л и. Уже дал. Сейчас они с ума сойдут от радости.

С в и ф т. Дай им, пожалуйста, сильнодействующее.

Ч а р л и. Есть.

С в и ф т. Подожди! Совсем забыл про проигрыватель. (Литтлу). Доктор Франкенштейн говорил, что когда это случится, он хотел бы, чтобы в момент своего второго рождения звучала музыка. Он просил поставить пластинку из белого конверта. (Глории). Поищи-ка.

Глория идет к проигрывателю, находит пластинку.

Г л о р и я. Эта?

С в и ф т. Поставь ее.

Г л о р и я. Какой стороной?

С в и ф т. Не знаю.

Г л о р и я. Одна сторона заклеена скотчем.

С в и ф т. Значит, той стороной, которая не заклеена. (Глория ставит пластинку. В микрофон). - Приготовиться к пробуждению пациентов.

Ч а р л и. Готово.

Звучит мелодия. В исполнении Джаннет Макдональдс и Нельсона Эдди звучит "О, сладкое таинство жизни".

Франкенштейн с Сильвией просыпаются. Они переполнены чувством радости. Мечтательно слушают музыку, затем замечают друг друга и долго смотрят друг другу в глаза как старые хорошие друзья.

С и л ь в и я. Привет!

Ф р а н к е н ш т е й н. Здравствуй!

С и л ь в и я. Как настроение?

Ф р а н к е н ш т е й н. Прекрасно! Просто прекрасно!

НЕНАВИДЯЩИЕ

Дональд Воллхайм

"Приходится платить."

Совет старейшин.

Деревня Умболо.

25 миль в глубь материка вдоль третьего протока, ответвляющегося на запад вдоль р. Конго ниже Стенливилля.

Бельгийское Конго, Африка.

Достопочтенные господа!

Прилагаю к настоящему письму чек на 100 долларов, который Вы сможете обменять на наличные в любом отделении банка в ближайшем белом поселении. Насколько мне известно, данная сумма вдвое превышает ту, которую Вы обычно получаете за подобную работу. Я специально увеличил плату, поскольку отдаленность от места воздействия может потребовать с Вашей стороны дополнительных затрат энергии.

Взамен Вам следует возненавидеть до смерти следующее лицо:

Квентин В. Келвин

2574 бульвар короля Чарльза,

Бруклин, Нью-Йорк.

Он имеет рост 5 футов 10 дюймов, каштановые волосы, карие глаза; его возраст 46 лет и 3 месяца. Прилагаю экземпляр его печатного бланка, образец почерка и почтовую марку, которую он лизнул.

Я полагаю, что Вы быстро окажете мне соответствующую услугу. В случае достаточно скорого выполнения заказа я с удовольствием внесу дополнительно 100 долларов в Общество помощи неграм Гарлема или любое другое благотворительное общество или организацию, которую Вы пожелаете указать.

С искренним уважением,
Эдвард Манникс.

Я еще раз перечитал письмо, затем вернул его Манниксу.

- Кто из нас сошел с ума, Эд, - ты или я?

Он попытался налить себе еще и не попал в бокал. Я взял бутылку и убрал подальше от него.

- Не сейчас, дружище. Прежде чем ты продолжишь разрушать свою печень, расскажи мне, что означает это письмо.

- Бен, - простонал он, - разве я склонен к насилию?

- Нет! - ответил я.

- Я с давних пор смертельно ненавидел этого Келвина. Мы были соперниками еще со школьной скамьи. Я думал, что отделался от него, когда закончил школу, но через два года, когда я впервые повстречал свою жену, он вновь оказался рядом. А когда я стал партнером Джарвиса, он возглавил конкурирующую фирму. Ну, это бизнес. Но когда я стал единоличным хозяином всей фирмы, он начал брать верх. В данном случае я не обвиняю его, поскольку он всегда замечал новые перспективы раньше меня, потому и успевал всюду вдвое раньше.

Как раз в этот момент мимо проходил официант, который прибрал на столе после беспорядка, устроенного Манниксом. Эд ухватил его за руку.

- Вы звонили в больницу?

- Да, сэр. Мы звоним туда каждые 15 минут, как вы и просили. А в первый раз мы передали им ваше сообщение; они все понимают.

- Как... как он?

- Врачи говорят, что он быстро угасает, сэр.

- Они знают, что с ним происходит?

- Они не уверены.

Манникс повернулся ко мне с ошарашенным видом.

- Они ничего не могут поделать.

Я налил ему глоток.

- Вот, выпей. И рассказывай дальше.

Он нагнулся над бокалом.

- Келвин был более красив, чем я. Для меня было несколько удивительно, что Джуди отвергла его и вышла замуж за меня. Но он не успокоился. Он все время старался настроить ее против меня, играя на моих ошибках и своих достижениях. Думаю, что именно это в конце концов подтолкнуло меня к тому, чтобы разделаться с ним.

- Ну и что же?

- Надо было что-то предпринять. Но я не знал, что. Я понимал, Бен, что не могу сам убить его. Не переношу кровь и насилие. Кроме того, я все равно выдам себя, даже если создам безупречное алиби. И я незнаком ни с одним гангстером, который бы сделал это для меня.

- Потом, через некоторое время, - продолжал он, - мне попалась на глаза статья об африканских колдунах в воскресном приложении к "Джорнэл". Это был более или менее общий обзор магии различных племен, но один момент привлек мое внимание. Оказывается, одно африканское племя в совершенстве изучило ненависть. Они знают способ, с помощью которого их мужчины с детства обучаются сосредотачивать чистую ненависть на конкретном человеке. Это сосредоточение бывает настолько сильным, что выбранный ими человек заболевает и быстро умирает.

Свет начал мигать.

- И поэтому ты написал это письмо?

- Да. Я пошел в библиотеку и выяснил, что такое племя действительно существует. Я читал рассказы миссионеров о людях, заболевавших без всякой видимой причины и потом умиравших. Постоянно. Врачи не могли найти никаких следов болезни, яда или плохого питания. Жертва просто теряет в весе, чувствует себя утомленной и больной и в конечном счете впадает в кому.

Свет ярко загорелся.

- Так вот почему ты мокнешь в огненной воде! Ты боишься, что это не сработает? Или страшишься стать убийцей, если это вдруг произойдет?

- Я не боюсь того, что меня привлекут к суду за убийство, нет. Законы этого штата не признают колдовства; это письмо будет бесполезным в любом суде. Но я не все рассказал тебе; я не сказал, почему я так боюсь, что это сработает. - Я разорен, Бен. Келвин "обчистил" меня месяц назад. Знаешь, что это означает? Это означает, что чек, который я отправил в Африку, не будет принят к оплате. Это произойдет через пару месяцев из-за низкой скорости международных переводов, но когда это произойдет...

Снова подошел официант.

- Мистер Манникс, - сказал он, - только что позвонили из госпиталя. Мистер Келвин умер в 12.43.

- Ты убедился, - застонал Манникс, - я был прав. Ненавидящие прикончили его. Что мне делать, Бен, когда они узнают, что мой чек недействителен? Что мне делать?

ЗАБЫТЫЙ ВРАГ

Артур Кларк

Пышные меха мягко упали на пол, как только профессор Миллворд приподнялся на узкой кровати. В этот раз он был уверен, что ему ничего не почудилось: морозный воздух, обжигавший легкие, казалось, все еще хранил эхо звука, расколовшего ночную тишину.

Он закутал плечи в меха и внимательно прислушался. Все опять было тихо; сквозь узкие вытянутые окна на западной стене пробивались длинные полосы лунного света, игравшего на бесконечных рядах книг точно так же, как и на стенах мертвого города, простиравшегося внизу. Мир был охвачен полным безмолвием; даже в старые добрые времена город был бы тихим в такую ночь, сейчас же он был тих вдвойне.

С усталостью профессор Миллворд выбрался из постели и подложил несколько кусочков кокса в раскаленную докрасна жаровню. Затем он не спеша направился к ближайшему окну, то и дело останавливаясь, чтобы любовно погладить тома, которые он сохранял все эти годы.

Он прикрыл глаза рукой от яркого лунного света и вгляделся в ночную темноту. Небо было безоблачным; слышанный им звук не мог быть раскатом грома, не говоря уже о чем-нибудь другом. Звук пришел с севера, и пока Миллворд ждал, звук раздался снова.

Расстояние и многочисленные холмы вокруг Лондона несколько приглушили его. Он не перечеркивал небо с неистовостью грома,

но, похоже, исходил из какой-то точки далеко к северу. Он не походил ни на один природный звук, который профессору когда-либо доводилось слышать, и на секунду тот осмелился вновь обрести надежду.

Только человек (Миллворд был совершенно уверен в этом) мог издать такой звук. Возможно, мечта, которая более двадцати лет держала его здесь, посреди всех этих сокровищ цивилизации, пробивая дорогу сквозь снега и льды с помощью орудий, которые им дала наука еще до прихода Пылевого облака. Было странно только, что они идут по земле, да еще с севера, но он отбросил любые мысли, способные погасить чуть затеплившееся пламя надежды.

В трехстах футах под ним простиралось море заснеженных крыш, купающихся в резких лучах лунного света. Далеко вдали, на фоне ночного неба тускло поблескивали высокие трубы электростанции Баттерсли. Сейчас, когда купол собора Св.Павла обрушился под тяжестью снега, только они бросали вызов господству ночи.

Профессор Миллворд медленно пошел обратно вдоль книжных шкафов, продумывая план, появившийся в его мозгу. Двадцать лет назад он видел, как последние вертолеты тяжело взлетали с Риджент-парк, вспенивая своими лопастями непрерывно падающие снежные хлопья. Даже тогда, когда его вдруг окружило безмолвие, он никак не мог заставить себя поверить, что люди навсегда покинули Север. Как бы то ни было, он ждал их целых два десятка лет, ждал среди книг, которым посвятил всю жизнь.

Тогда, давным-давно, он временами слышал по радио, которое осталось его единственной связью с Югом, о борьбе, ведущейся за освоение ставших прохладными территорий вблизи экватора. Он не знал, чем закончилась вся эта борьба, которая велась с отчаянной изобретательностью потерявших надежду людей, в умирающих джунглях и пустынях, которых уже коснулся первый снег. Возможно, исход оказался печальным: радио хранило молчание вот уже пятнадцать или даже более лет.

Однако, если люди и машины на самом деле возвращаются с севера и идут во всех направлениях, он сможет услышать их голоса,

когда они переговариваются между собой и с теми землями, откуда пришли, по радио. Профессор Миллворд покидал здание университета не чаще десятка раз в год, да и то по крайней необходимости. За прошедшие два десятилетия он собрал все необходимое в магазинах в районе Блюмсбери, так как при окончательном бегстве людей огромные запасы товаров были брошены из-за отсутствия транспорта для их вывоза. В самом деле, по многим показателям его жизнь можно было назвать роскошной: еще ни один профессор английской литературы не носил таких мехов, которые он нашел в магазине на Оксфорд-стрит.

Солнце ярко сияло на безоблачном небе, когда он взвалил на плечи свой рюкзак и открыл тяжелые ворота. Всего десять лет назад в этом районе охотились стаи голодных собак, и, хотя в последние годы ему не повстречалась ни одна из них, он все же вел себя осторожно и, выходя на улицу, всегда брал с собой револьвер.

Солнце было настолько ярким, что его отблески резали глаза; однако лучи почти совсем не грели. Хотя полоса космической пыли, сквозь которую проходила Солнечная система, мало влияла на яркость свечения Солнца, она лишала его лучи всей присущей им силы. Никто не знал, выйдет ли мир из этой полосы через десять или тысячу лет, поэтому цивилизация двинулась на юг в поисках земель, где слово "лето" не было пустой насмешкой.

Недавние сугробы были плотно утрамбованы и профессор Миллворд без особого труда преодолел путь до Тоттенхем-керт-роуд. Когда-то ему приходилось часами пробираться по глубокому снегу, а однажды он даже был заперт в своей огромной железобетонной башне на девять месяцев.

Держась поодаль от домов с угрожавшими падением горами снега и сосульками, свисающими, как дамоклов меч, он шел на север до тех пор, пока не достиг нужного магазина. Вывеска над разбитыми витринами все еще ярко блестела: "Дженкинз и сыновья. Радио- и электротовары. Широкий выбор телевизоров".

Немного снега провалилось внутрь дома сквозь пролом в крыше, но маленькая комнатка на втором этаже осталась в неприкосновенно-

сти с тех пор, как он в последний раз был здесь с десяток лет тому назад. Многоволновый радиоприемник все так же стоял на столе, а по полу были в беспорядке разбросаны пустые консервные банки - молчаливые свидетели долгих часов, проведенных им здесь в полном одиночестве, пока надежда не угасла окончательно. Он подумал о том, что ему вновь придется испытать все эти муки.

Профессор Миллворд стряхнул снег со "Справочника радиолюбителя на 1965 год", откуда он почерпнул все свои скудные знания в области радиосвязи. Тестеры и батареи все еще лежали на своих местах и, к счастью, некоторые из батарей все еще хранили заряд. Он перебрал весь запас, пока не составил нужную цепь, и, как мог, проверил приемник. Теперь он был готов.

Ему было жаль, что он не мог выразить изготовителям приемника благодарность, которой они заслуживали. Тихое шипение из громкоговорителя напоминало ему о "Би-би-си", о девятичасовых выпусках новостей и о симфонических концертах, обо всем, что он принимал как само собой разумеющееся в том мире, который ушел в небытие. Еле сдерживая нетерпение, он обшарил все диапазоны, но нигде не было ничего слышно, кроме вездесущего шипения. Это расстроило его, но не очень: он помнил, что настоящее испытание начнется поздно вечером. Пока же он сможет поискать что-нибудь полезное для себя в близлежащих магазинах.

На закате он вернулся в маленькую комнатку. Как только солнце село, в сотне миль над его головой тонкий и невидимый глазом слой Хэвисайда начал подниматься вверх, к звездам. Так происходило каждый вечер в течение миллионов лет. Человек использовал этот слой для своих целей, чтобы передавать по всему миру послания вражды и мира, тривиальные сообщения и звуки музыки, когда-то названной бессмертной.

Медленно, с огромным вниманием, профессор Миллворд начал крутить ручку настройки в коротковолновых диапазонах, которые лет тридцать назад представляли собой какофонию из кричащих голосов и пронзительной морзянки. Когда он слушал, слабая надежда, которую он осмелился лелеять в сердце, вновь начала таять.

Лишь легкий треск грозовых разрядов где-то на другом конце света нарушал эту невыносимую тишину. Человек отказался от своего последнего завоевания.

Вскоре после полуночи батареи сели. У Миллворда не было ни малейшего желания искать новые, поэтому он закутался в меха и заснул тревожным сном. Он нашел утешение в мысли о том, что, не получив доказательств своей гипотезы, он, тем не менее, и не опроверг ее.

Холодные лучи солнца затопляли одинокую белую дорогу, когда он пустился в обратный путь. Он очень устал, так как мало спал и сон его нарушался неотвязной мыслью о возможном спасении. Тишина внезапно была прервана отдаленным грохотом, разносившимся над заснеженными крышами. Он исходил - сейчас в этом не было никакого сомнения, - из-за северных холмов, где когда-то находилась спортивная арена. С крыш зданий, стоявших по сторонам улицы, шурша, сошли небольшие снежные лавины, и вновь воцарилась тишина.

Профессор Миллворд стоял неподвижно, взвешивая, оценивая, анализируя. Звук был слишком слаб для обычного взрыва (он опять мечтал), это было не что иное, как отдаленный грохот ядерного взрыва, уничтожающего и разбрасывающего за один раз миллионы тонн снега. Надежды вновь ожили, а ночные разочарования начали затухать.

Эта секундная пауза чуть было не стоила ему жизни. Откуда-то из переулка в его поле зрения ворвалось что-то громадное и белое. В течение какого-то мгновения его мозг отказывался осознать реальность видимого; потом паралич прошел, и он лихорадочно схватился за свой бесполезный револьвер. Прямо на него, переваливаясь и мотая головой в гипнотическом змееподобном движении, медленно шел белый медведь.

Он бросил все свои вещи и побежал, путаясь в снегу, к ближайшим зданиям. К счастью, вход в метро находился всего в каких-нибудь пятидесяти футах. Стальная решетка была закрыта, но он помнил, что много лет назад сломал замок. Желание оглянуться назад было

нестерпимым, так как он не слышал ничего, что могло бы подсказать, как далеко находится его преследователь. Одно ужасное мгновение железная решетка сопротивлялась его окоченевшим пальцам. Потом она неохотно подалась, и он протиснулся сквозь образовавшуюся узкую щель.

Внезапно на него нахлынуло нелепое детское воспоминание о том, как однажды он увидел хорька-альбиноса, беспрестанно метавшегося по проволочной сетке, со всех сторон обтягивавшей клетку. Теперь он видел такое же змеиное изящество, только в чудовищной форме. Огромный белый медведь, ростом вдвое больше человека, встав на дыбы, в бессильной ярости бросался на решетку. Металл гнулся, но не поддавался; потом зверь опустился на четыре лапы, глухо зарычал и, переваливаясь, двинулся назад. Пару раз он ударил лапой по лежавшему на снегу рюкзаку, откуда выкатилось несколько банок консервов, и исчез так же бесшумно, как и появился.

Потрясенный профессор, двигаясь короткими перебежками от одного укрытия к другому, достиг университета через три часа. После многих лет он вновь был не одинок в этом городе. Он подумал о том, нет ли здесь других "гостей", и в тот же вечер получил ответ. Перед самым заходом солнца он вполне ясно услышал волчий вой откуда-то со стороны Гайд-парка.

К концу недели ему стало ясно, что происходит миграция животных Севера. Однажды он увидел северного оленя, бегущего к югу; его преследовала безмолвная волчья стая. Часто среди ночи раздавались звуки смертельной схватки. Он удивлялся, что столько живых существ все еще обитали в белой пустыне между Лондоном и Северным полюсом. Сейчас что-то неумолимо гнало их на юг, и мысль об этом заставляла профессора волноваться все сильнее. Он не мог поверить, что уцелевшие звери спасаются от чего-нибудь другого, кроме человека.

Напряженное ожидание начало сказываться на его психике: он часами сидел в холодных лучах солнца, закутавшись в меха, мечтал о спасении и размышлял о пути, по которому люди могут возвратиться в Англию. Возможно, экспедиция переправилась из Северной Америки по льду через Атлантику. Возможно, это заняло не один год. Но почему они забрались так далеко на север? Его любимым объяснением было то, что ледяные торосы Атлантики дальше к югу были недостаточно безопасны для тяжелых машин.

Тем не менее одна вещь никак не поддавалась удовлетворительному объяснению. Не было никакой воздушной разведки; трудно было поверить, что умение летать было утеряно.

Время от времени он прохаживался вдоль рядов книг, шепотом разговаривая с каким-нибудь любимым томом. Были книги, которые годами он не осмеливался открыть, так как они слишком остро напоминали ему о прошлом. Но сейчас, когда дни становились длиннее и светлее, он иногда снимал с полки томик поэзии и перечитывал нравившиеся ему стихотворения. Потом он подходил к высоким окнам и, стоя над коньками крыш, выкрикивал волшебные слова, как-будто бы они могли снять заклятье, висящее над миром.

Сейчас стало теплее, словно духи лета вернулись в свое былое обиталище. Целыми днями температура держалась выше точки замерзания, и во многих местах сквозь снег начали пробиваться цветы. То, что двигалось с севера, все приближалось: несколько раз в день над городом разносился загадочный рев, вызывавший сползание снега с тысяч крыш.

Накануне вечером давно забытый им враг захватил последние рубежи обороны, и теперь готовился к решающему штурму. Как только Миллворд увидел этот смертоносный блеск на гребне обреченных холмов, он понял, что означал звук, неуклонно нараставший в течение последних нескольких месяцев. С севера, вновь отвоевывая когда-то оставленные территории, грозно и неумолимо полз ледник.

EX OBLIVIONE*

Х.П.Лавкрафт

Когда настали мои последние дни и безобразные мелочи жизни стали подталкивать меня к безумию, подобно маленьким капелькам воды, которые палачи заставляют падать непрерывной чередой в одну точку на теле их жертвы, я полюбил лучезарное прибежище сна. В своих грезах я находил немного той красоты, которую тщетно искал в реальной жизни, и бродил по старым садам и заколдованным лесам.

Однажды, когда веял нежный ароматный ветерок, я услышал зов Юга и отправился в бесконечное томное плавание под незнакомыми звездами.

В другой раз, когда шел легкий дождь, я плавно скользил на барже по темному подземному потоку, пока не достиг другого мира, мира багровых сумерек, радужных деревьев и неувядающих роз.

Я гулял по золотой долине, которая вела к тенистым рощам с развалинами храмов и заканчивалась у мощной стены, покрытой зеленью старого винограда, в которой пряталась небольшая бронзовая калитка.

Много раз я гулял по этой долине, все дольше и дольше задерживаясь в радужном полумраке, где причудливо изгибались гигантские кривые деревья, и от одного ствола к другому расстилалась

*) Из забвения (лат.).

влажная серая земля, местами обнажая заплесневелые камни погребенных под ней храмов. И всегда целью моих грез была заросшая виноградом стена с маленькой бронзовой калиткой.

Через некоторое время, когда дни пробуждения стали все более и более невыносимыми из-за серости и однообразности, я часто плыл по долине и тенистым рощам в наркотическом покое, думая о том, как бы навсегда поселиться здесь, чтобы не уползать каждый раз обратно в этот скучный мир, лишенный всякого интереса и новых цветов. И когда я смотрел на маленькую калитку в мощной стене, мне казалось, что за нею простиралась целая страна грез, из которой, если войти туда, уже не будет возврата.

И так каждую ночь во сне я стремился найти скрытый в увитой лозой стене запор калитки, хотя он был великолепно замаскирован. И я говорил себе, что пространство за стеной было не просто более реальным, но и более прекрасным и лучезарным.

Потом однажды ночью в городе снов Закарионе я обнаружил пожелтевший папирус, содержащий изречения мудрецов из мира снов, которые давным-давно жили в этом городе, и которые были слишком мудры, чтобы родиться в мире пробуждения. В папирусе было написано многое о мире снов, в том числе и сведения о золотой долине и священной роще с храмами, а также о высокой стене с маленькой бронзовой калиткой. Когда я увидел эту запись, то понял, что она относится именно к тем местам, которые я так часто посещал во сне, и потому я углубился в чтение папируса.

Некоторые из мудрецов витиевато описывали чудеса за калиткой, через которую нельзя пройти дважды, однако другие писали об ужасах и разочаровании. Я не знал, кому из них верить, и тем не менее все сильнее хотел навсегда уйти в неизвестную страну; ведь сомнения и таинственность есть приманка из приманок, а никакой новый ужас не может быть страшнее ежедневной пытки, именуемой обыденностью. Поэтому, когда я узнал о существовании наркотика, который поможет мне отпереть калитку и пройти через нее, я решил принять его, когда проснусь в следующий раз.

Вчера вечером я проглотил этот наркотик и поплыл во сне в

золотую долину и тенистые рощи; и когда я в этот раз подошел к древней стене, то увидел, что калитка была приоткрыта. Сквозь нее пробивалось таинственное сияние, озарявшее гигантские кривые деревья и верхушки погребенных под землей храмов, и я мелодично поплыл дальше, ожидая увидеть красоты страны, откуда я никогда не вернусь.

Но когда калитка открылась пошире и чары наркотика и сна провели меня через нее, я понял, что всем пейзажам и красотам пришел конец, так как в этом новом пространстве не было ни земли, ни моря - одна лишь белая пустота безлюдного и безграничного космоса. И, будучи счастлив до такой степени, какую я раньше не осмеливался представить, я вновь растворился в этой знакомой неопределенности кристально-чистого забвения, из которого искусительница-Жизнь призвала меня на один короткий и несчастный миг.

ЗВУКОЗАПИСЬ

Джин Ульф

Я разыскал свою пластинку, которой владею уже пятьдесят лет, но так никогда и не ставил на проигрыватель, кроме как пять минут назад. Позвольте объяснить.

В детстве - в те дорогие моему сердцу ушедшие дни туристских автомобилей "Форд-А", запряженных лошадьми молочных бочек и ручных тележек с мороженым - у меня был дядя. По сути дела, у меня было несколько дядьев - братьев моего отца. Как и он сам, все они были высокими полноватыми людьми с лицами, как две капли воды похожими (как и мое) на лицо своего отца, лесопромышленника и спекулянта земельными участками, построившего этот дом в викторианском стиле для своей жены.

Но именно этот дядя, мой дядя Билл, чьей была эта пластинка (подробности я объясню), был наиболее близок мне. Будучи старшим, он формально числился главой семьи, так как мой дед умер через несколько лет после моего рождения. Он был знаменит своим пристрастием к пиву и сейчас я подозреваю, что большую часть времени он был "навеселе", этот толстый (как бы заревел он, если бы увидал сейчас талию своего маленького племянника), краснолицый, добродушный человек, которого никто из нас (поскольку ребенок мгновенно замечает отношения между людьми) не воспринимал вполне серьезно.

То особое положение, которое именно этот из моих дядьев зани-

мал в моем сознании, объяснить было несложно. Будучи моложе, чем многие все еще продолжающие работать люди, он, как говорили, вышел в отставку, и поэтому я гораздо больше общался с ним, чем с остальными членами семьи. И несмотря на то, что он был в некотором роде предметом насмешек, я немного боялся его, подобно тому, как ребенок боится ярко загримированного, шумного циркового клоуна; это объяснялось, по-видимому, какой-нибудь пьяной выходкой с его стороны, свидетелем которой я стал в раннем детстве и не понял, в чем дело. В то же самое время я любил его, по крайней мере, мог утверждать, что люблю, так как он был щедр на мелкие подарки и часто с удовольствием разговаривал со мной, когда все остальные были "слишком заняты".

Причину, из-за которой мой дядя обещал мне подарок, я уже забыл. Это не был мой день рождения или Рождество: я до сих пор живо представляю себе жаркие пыльные улицы, по сторонам которых клены неподвижно свесили свои пожухлые листья. Но такое обещание он дал, и у меня не было ни малейших колебаний относительно того, что я хочу.

Не щенка колли, как у малыша Таркингтона, и даже не велосипед (у меня он уже был). Нет, я хотел (как современно это звучит сейчас) звукозапись. Не какую-то конкретную запись, хотя если бы я мог выбирать, то предпочел, наверное, какой-нибудь популярный в то время комедийный монолог или военный марш; просто свою собственную пластинку. Родители незадолго до того приобрели новый граммофон и мне не разрешали им пользоваться, боясь, что я поцарапаю нежные восковые диски. Если бы у меня была своя собственная пластинка, этот аргумент потерял бы всякую силу. Дядя согласился и обещал, что после обеда (в те времена обедали в два часа) мы прогуляемся за 8 или 10 кварталов, отделявших тогда этот дом от делового центра города, и тайком от родителей купим пластинку.

Я сейчас не помню, из чего состоял тот обед, - он слился в моей памяти со многими другими, проходившими в этой темной комнате, отделанной дубом. На стол обычно подавали тушеную курицу с

клецками, картошкой, отварные овощи и, разумеется, хлеб и сливочное масло. За ними следовали пирог и кофе, а потом отец с дядей выходили на парадное крыльцо, именовавшееся "верандой", чтобы выкурить по сигаре. В тот раз, когда отец уехал в контору, мне удалось, наконец, донять дядю своими требованиями, и мы отправились.

С этого момента я помню все до мелочей. Мы тащились по жаре, он в соломенном канотье и бело-голубом полосатом костюме из льняной ткани, столь же широком и объемистом, как ризы женщин, изображенных на картинках в нашей фамильной библии, я в костюмчике французского матроса, полосатой рубашке под блузой и в шапочке с помпончиком и золотой надписью "Неукротимый". Время от времени я дергал дядю за руку, хоть это мне и не нравилось, поскольку дядина рука была мягкой и влажной, да еще от него исходил отвратительный запах.

Когда мы были в одном квартале от Мэйн-стрит, дядя пожаловался на плохое самочувствие, и я потребовал прибавить шагу, чтобы он мог пораньше вернуться домой и прилечь. На Мэйн-стрит он плюхнулся на скамейку и пробормотал что-то о Фреде Крофте, который был нашим семейным врачом и школьным приятелем дяди. К этому моменту я совершенно обезумел от страха за то, что мы повернем обратно и я лишусь (как мне тогда казалось навсегда) доступа к граммофону. Я также заметил, что обычно огненно-красное дядино лицо резко побледнело, и сделал вывод, что его вот-вот "стошнит". Эта перспектива бросила меня в крайнее отчаяние. Я настойчиво потребовал дать мне деньги, говоря, что смогу за мгновение ока пробежать оставшиеся до магазина полквартала. Он лишь застонал и вновь сказал, чтобы я привел Фреда Крофта. Я помню, как он снял свою соломенную шляпу и стал обмахивать себя ею; августовское солнце беспрепятственно припекало его лысую голову.

На какое-то мгновение, но и не только на мгновение, я почувствовал свою силу. Вытянув вперед руку, я сказал ему, по сути дела, приказал дать мне то, что я хотел. Помнится, я произнес: "Я приве-

ду его. Дай мне денег, дядя Билл, и потом я приведу его".

Он дал мне деньги, и я побежал к магазину так быстро, что пятки засверкали; тем не менее я четко сознавал, что я сделал что-то не так. В магазине я купил первую предложенную мне пластинку, подпрыгивая от нетерпения, пока мне отсчитывали сдачу, а потом, совершенно забыв о том, что должен привести доктора Крофта, вернулся посмотреть, не оправился ли мой дядя.

Выглядел он лучше. Я подумал, что он задремал, ожидая меня, и попытался разбудить его. Несколько прохожих ухмыльнулись при виде нас, думая, по-видимому, что дядя Билл пьян. В конце концов я потянул слишком сильно. Его рыхлое тело свалилось со скамейки и он оказался на раскаленном тротуаре лицом кверху с чуть приоткрытым ртом. Я помню небольшие полукружья белков, проглядывавших под полуприкрытыми веками.

В следующие два дня я не смог бы проиграть свою пластинку, даже если захотел. Дядю Билла положили в гостиной, где находился граммофон, и для меня, ребенка, просто немыслимо было войти в эту комнату. Но в этот период траура мною овладела странная фантазия. Я вдруг поверил (я недостаточно смыслю в психологии, чтобы объяснить, почему), что если вдруг поставлю пластинку на граммофон, то услышу голос дяди, снова требующего, чтобы я привел доктора Крофта, и обвиняющего меня. Это стало главным кошмарным сном моего детства.

Короче говоря, я так никогда и не слушал ее. Я так и не осмелился. Для того, чтобы скрыть ее существование, я запрятал ее на верх высокого шкафа в подвале; там она и пролежала все это время. Сначала она вызывала у меня ночные кошмары, потом я почти забыл о ней.

До сегодняшнего дня. Мой отец умер, когда ему было шестьдесят лет, но мать прожила все эти долгие десятилетия, пока, всего несколько месяцев назад, не последовала за ним, и меня, ее сына, стоявшего у гроба, можно было вполне назвать стариком.

И вот сейчас я стал владельцем нашего дома. Говоря начистоту, мне не очень-то повезло, и хотя этот дом полностью принадлежал

мне, мало что, кроме него, досталось мне от матери. Вчера вечером, когда я ел в одиночестве в старой столовой, где раньше я столько раз принимал пищу, я вновь вспомнил о дяде Билле и пластинке; какое-то время я не мог сообразить, где спрятал ее, и даже испугался, не выбросил ли ее вовсе. Сегодня я вспомнил, и хотя врачи запрещают мне ходить по лестницам, я спустился в старый подвал и обнаружил свою пластинку под слоем пыли в дюйм толщиной. На ступеньках у меня несколько раз схватило сердце, но я добрался без происшествий до кухни, вымыл старую пластинку и руки, и поставил ее на свой высококлассный проигрыватель. Думаю, мне не стоит говорить, что на ней не было голоса дяди. Вместо него там записан Руди Вэлли. Я вновь включил запись и сейчас, когда пишу это, слушаю "My time is your time...My time is your time..." Слишком много для суеверия.

МОЖЕТ БЫТЬ, ВЫ?

Фрэнк Робертс

Эрл Крамер проснулся от кошмарного сна, вызванного двумя причинами: слишком большой дозой препарата "Экспресс-бодрость", принятой накануне поздним вечером, и фильмом о Второй мировой войне, показанным по телевизору. В фильме он видел массовые убийства людей, осуществляемые самыми ужасными способами, и вместе со своей и миллионами других семей благодарил Бога за то, что это уже история, да к тому же далекой варварской эпохи.

Еще не совсем проснувшись, Крамер подумал, как же его время будет выглядеть в глазах людей далекого будущего, когда из человечества будут вытравлены все атавистические элементы.

- Эй, сколько сейчас времени? - спросил он у жены.

- Почти семь часов. Включи телевизор.

Он так и сделал, после чего на экране появилась обычная картина: Хип Джоунз дремал, развалясь, за своим столом под тихую спокойную музыку. Музыка стала энергичнее, и на экране появился Инвиг, хитро поглядывающий на Хипа Джоунза и на весь мир.

- Ну и ночь была у него, - сказал Инвиг. - Ну и ночь была у вас! Но все это не имеет значения, так как через несколько мгновений благодаря "Экспресс-бодрости" и у вас начнется прекрасный день. Вы приготовили таблетки?

Он положил желтую таблетку в рот Хипу Джоунзу, в то время как

перед камерой проплыли четыре танцовщицы, распевая песню Инвига. Как только Хип Джоунз проглотил таблетку, он вскочил с места и как будто сразу помолодел на сотню лет.

- Вы видите меня? - весело провозгласил он. - Тогда глотаем все вместе!

Эрл Крамер и Мелани лежали, когда, засунув в рот по таблетке, почувствовали резкий прилив бодрости. Это произошло, когда Хип Джоунз закричал с экрана:

- Итак, дорогие друзья, кто же выиграет сегодня? - Затем, когда одна из наружных камер заглянула в окно спальни и показала зевающего человека, Хип продолжал: - Может быть, это вы, мистер Джо Баррат из Кинг-Вэйла? Но не волнуйтесь, это не так. Мы всего лишь проверяли, проснулись ли вы.

- Посмотри-ка на лицо бедолаги! - сказал Эрл, смеясь вместе со всеми над Джо Барратом из Кинг-Вэйла.

- А как бы ты почувствовал себя на его месте? - сказала Мелани. - Мне кажется, я бы умерла от испуга, если бы на меня вот так направили камеру.

- Я бы не умер, - сурово произнес Эрл, Мелани схватила его за руку и они на секунду взлянули друг на друга, в то время как Хип Джоунз прокричал: - Вы смотрите шоу Инвига - увлекательную программу, транслируемую в течение всего дня компанией "Инвиг Корпорейшн", программу, которая непременно пробудит в вас любовь к жизни.

Затем камера показала дверь, проехала по какому-то коридору и голос Хипа Джоунза произнес: - Кто же это может быть? - Потом, как только он сказал: "Может быть, вы... ", включились камеры в студии и сфокусировались на Хипе Джоунзе, который пронзительно завопил с притворным удивлением: - Хип Джоунз, любимец "Инвиг Корпорейшн"! Эй парни, это я!

Мелани с Эрлом засмеялись вместе с миллионами других телезрителей, и Хип закричал: - О нет, это не старина Хип. Ведь всем вам, дорогие друзья, это бы явно не понравилось, не так ли? Они всего лишь разыгрывают вас, я думаю.

- Похоже, он не вполне уверен в этом, - смеясь, сказал Эрл. - Разве не плохая была бы шутка, если бы победителем оказался он сам? Например, в случае, если бы его рейтинг вдруг упал.

- Итак, мы продолжаем, - закричал Хип. - Может быть, это вы, миссис Целла Игнасио из Мунстоуна? Но нет. Я уполномочен сообщить, что сегодня победителем должен стать мужчина. Шанс для вас, мужчины, сегодня составляет 987.000 против одного, или даже еще более астрономическое соотношение.

- Женщина была вчера, - сказала Мелани.

- Ты смотрела телевизор?

- Ты же знаешь, что я никогда его не смотрю. Только, когда сообщают имя победителя - и я уверена, что это не ты или кто-нибудь из знакомых.

Пока он одевался для работы, она приготовила завтрак. А Хип Джоунз на экране в спальне вновь закричал.

- Может быть, это вы, мистер Логан Росс из Сэтин-Плэйнз? - Камеры выхватили мужчину средних лет, вылезающего из городского вертолета. Он остановился, не успев поставить ногу на землю, и чуть было не упал. - Помните, на этой неделе приз составляет 100 тысяч фунтов. Итак, это мистер Росс? Так? Нет, - сказал Хип, - это не он, поскольку сегодняшний победитель не носит шляпы. Конечно, он может пойти и купить себе ее, как только откроются магазины. Мы же не можем остановить его, не правда ли?

Эрл уже достал из кармана статистический справочник "Инвиг Корпорейшн", и Мелани заглянула ему через плечо.

- Триста тринадцать тысяч человек обычно не носят шляпы, - сообщил он, а Мелани добавила: - Интересно, сможет ли Центральный универмаг продать сегодня хоть несколько шляп?!

Эрл засмеялся и сказал:

- Хорошо, что я не ношу шляпу. Я до сих пор не оправился после того, как на прошлой неделе все принялись лихорадочно избавляться от серых костюмов. Только мы выбросили в утиль более трех тысяч штук, да и другие магазины не меньше. А помнишь, когда

показали любителя кошек, все вышвырнули своих любимцев на улицу.

Мелани вспомнила.

- Ими можно только восхищаться, - сказал Эрл, - "Инвиг" манипулирует движением товаров. Да, тот, кто придумал это шоу, даже в его первоначальной форме много лет назад, был настоящим гением. Но я, пожалуй, пойду на работу, - он проверил свой портативный телевизор, поцеловал Мелани на прощание и поспешил на станцию. Он был не одинок. На станции было много людей без шляп и еще больше в вагоне, когда он подошел.

Он прослушал новости и мировой хит-парад, выключив изображение, чтобы иметь возможность прочесть о вчерашних событиях в утренних газетах. Следующее сообщение должно было выйти в эфир в девять часов, хотя иногда появлялись и экстренные выпуски.

На экранах Центрального универмага, где работал Эрл, Хип Джоунз выглядел более крупным, чем в жизни. Когда Эрл приехал на работу, тот как раз объявлял победителя ежедневного соревнования "Праздник Инвига" - очень полную женщину, которая выиграла поездку в Испанию и бесплатный курс лечения от ожирения.

- В шоу Инвига постоянно что-то происходит, - провозгласил Хип Джоунз. - А теперь еще одно сообщение относительно нашего конкурса "Может быть, вы?".

Двери Центрального универмага были распахнуты и внутрь потоком шли мужчины без головных уборов, когда Хип объявил:

- Победитель конкурса "Может быть, вы?" имеет голубые глаза. А согласно моему маленькому справочнику, число кандидатов уменьшается до 90 тысяч. Это все еще много, но подождем еще. - К этому времени большинство людей без головного убора повернулись назад и вышли из магазина. У них были карие глаза или цветные контактные линзы.

- Ну, мы пока что входим в группу избранных, - сказал Эрл своему лучшему другу Стиву.

- Правда? Да, похоже, что это так. Я особо не обращаю внимания на это, я десятки раз попадал в последнюю тысячу.

- Недавно? Я не думал...

- Нет, когда я служил в полиции. Одно время очень долго выбирали победителями тех, кто работает на открытом воздухе, и в выигрыше часто оказывались полицейские и почтальоны.

- Может быть, вы, мистер Ву, - закричал Хип, и на экране появился маленький китаец, широко улыбающийся в камеру. - Голубоглазый китаец? Вряд ли. Нет, мы просто так, наудачу, показали его, и мистер Ву совсем не в обиде на нас, не так ли? Прекрасно. Будем смотреть дальше. Скоро появятся новые уточнения.

- Разве не бывает голубоглазых китайцев? - спросил Эрл. Стив в ответ отрицательно замотал головой.

Хипу передали листок бумаги и он провозгласил:

- У него черные волосы!

Камеры заметались по толпе и сфокусировались на чьей-то лысине.

- Нет, это уж точно не он, - фыркнул Хип. Инвиг утром всем поднимал настроение. Стив и Эрл оба имели черные волосы.

- Тридцать четыре тысячи, - прочел статистику Стив. - Я разделяю выигрыш с тобой.

- О конечно. И я тоже, - Эрл увидел, как к нему подходят трое покупателей. - Думаю, ты уже решил, как поступить с ним.

- Уже давным-давно, - сказал Стив.

Эрл никогда не думал об этом. Он раньше никогда не был даже среди последних 100 тысяч. Но сейчас у него просто не было времени поразмышлять, так как внезапно наплыв покупателей, желающих приобрести костюмы, резко возрос. Прошло более часа, прежде чем они со Стивом могли снова перекинуться хоть словом.

- Я пропустил пару сообщений, - сказал Эрл. - Я уловил только "тридцать лет" и "темный костюм".

- Значит, ты пропустил только одно, дружище. Загорелое лицо. Они очень неглупы, судя по тому, как они растягивают это дело. Сейчас число претендентов сократилось лишь до восьми тысяч.

- И мы все еще входим в это число, - сказал Эрл. - Но восемь тысяч - все еще очень много.

Стив пожал плечами. Он наблюдал за двумя женщинами, которые прикидывались, что рассматривают костюм, но на самом деле незаметно подглядывали за ним с Эрлом. Началось.

- Да, мы пока среди восьми тысяч, - громко сказал Стив, чтобы женщины могли слышать. Тихо он добавил: - У меня скверное предчувствие.

Эрл подошел к ним и спросил у той, что стояла ближе:

- Чем могу служить, мадам?

- Мы просто так смотрим, - сказала другая. Они не спеша ушли из отдела, но продолжали бродить по этажу.

В полдень на экране вновь появился Инвиг, чтобы проследить за тем, принял ли Хип Джоунз, а вместе с ним и все остальные, очередную таблетку допинга. Она вызвала у Хипа бурное веселье, и после того, как танцовщицы закончили исполнять песню Инвига, он достал огромную булавку и стал шутливо угрожать им ею.

Затем Хип очнулся и сказал:

- Посмотрим, что происходит снаружи. А может быть, это вы, мистер Даррел Дарлинг с Дент-стрит? - Камеры показали крупным планом человека, которого избивали три подростка, в то время, как другие люди бежали к ним. Дарлинг отбивался от нападавших руками и ногами и кричал: "Отстаньте от меня!" Один из юнцов упал.

- Смотрите-ка, на Дент-стрит что-то происходит, - спокойно сказал Хип. - Но это не мистер Дарлинг. Нет. Он левша, а мы ищем человека, делающего все правой рукой.

Дарлинг, очевидно, услышал это из расположенного поблизости телевизора, поскольку он бросился на подростков и столкнул двоих из них лбами. Прохожие начали бить их руками и ногами и нападавшие бросились спасать свою шкуру.

- Не стоит чрезмерно распаляться, - закричал Хип. - У нас впереди еще довольно долгий путь. Число кандидатов сократилось только до 6.803 человек. Сейчас ищем черноволосого голубоглазого мужчину в возрасте чуть старше 30 лет, одетого в темный костюм, с загорелым лицом и,- вот еще одно уточнение - работающего в самом центре города. Ну как?

- Смотри-ка, какое большое сокращение, сразу до 3.200, - сказал Стив.

- В самом центре города, - закричал Хип, - и он будет стоить, может быть, даже 100 тысяч фунтов для вас, или для вас, или для вас. О, я вижу, как вы сейчас тысячами устремляетесь туда, все вы, дамы из пригородов. Я же скажу вам следующее. Если вы не найдете в городе свою судьбу, то уж точно приобретете там что-нибудь. Если вы не победите, то уж точно спасете свою душу.

- Сегодня, по-видимому, программу финансируют городские универмаги, - сказал Эрл. - Но наплыв покупателей не должен нас особенно беспокоить. Они не будут покупать костюмы.

- Они купят все, что угодно, если сочтут, что победитель рядом, - проворчал Стив. - Говорю тебе, у меня дурное предчувствие.

У Эрла пробежал мороз по коже. Стив был гораздо больше и сильнее его, однако Эрл не подал виду, пожал плечами и сказал:

- Чем больше мы продадим, тем больше премия. Я намерен действовать. Прятаться все равно бесполезно.

- Пока, - сказал Стив и чуть было не подал руку, чтобы попрощаться, но внезапно сунул ее в карман и обернулся.

Те двое женщин шли обратно в сторону секции костюмов, и все новые люди поднимались на этаж по эскалатору. Через какое-то мгновение Эрл оказался в центре толпы. Костюмы раскупались нарасхват, и из других отделов ему на помощь прислали еще двоих продавцов. Но, как он слышал, то же самое творилось в отделах галантереи, обуви, белья и спортивных товаров. Люди в толпе, должно быть, полагались на интуицию, и многие, взглянув на Эрла, сразу отвергали его кандидатуру и направлялись в другие отделы и магазины.

В магазине воцарилась тишина, когда на экранах вновь появился Хип Джоунз для того, чтобы сделать следующее уточнение, и в тот же момент Мелани проскользнула сквозь плотное кольцо тел и встала рядом с Эрлом.

- Мы все сейчас в городе, - закричал Хип Джоунз. - Может быть, это вы, Артур Лониган из компании "Лониган и сыновья?" Это была хорошая шутка, и толпа истерически захохотала. Даже Эрл засмеялся. Камеры, разбив окно, проникли в кабинет, где босс был захвачен его же сотрудниками: около десяти человек явно требовали поделиться с ними призом. Лониган кричал: "Я вас всех до одного уволю!".

А Хип закричал:

- Сделайте именно так, мистер Лониган, потому что это не вы. Сегодняшний победитель не носит очков, а у вас на столе лежит пара.

В кабинете Лонигана сразу же началась свалка, но камеры задержались на ней лишь настолько, чтобы вызвать смех у телезрителей.

- Глупо так рисковать, не правда ли? - кричал Хип. - Тем более, что осталось еще около 2500 кандидатов. У нас уйма времени. Эй, у меня здесь есть кое-что. Вам бы не хотелось этого? - и он показал оборотную сторону фотокарточки. - Все правильно. У меня фотография победителя.

- Эрл, я так боюсь, - сказала Мелани.

- Тебе здесь не место. Пожалуйста, иди домой. Ты ничем не можешь помочь.

- Стив пока тоже входит в число кандидатов, правда ведь?

Более всего его расстраивало присутствие жены.

- Стив привык к этому, - сказал он. - Он раньше неоднократно чуть было не становился победителем. Иди домой.

- Дайте дорогу страховому агенту! - закричал кто-то позади толпы, и Эрл нашел предлог.

- Я не подпишу страховку, пока ты не уйдешь, - твердо сказал он.

- Хорошо дорогой, тебе лучше знать. - Мелани шагнула назад и пошла по проходу, проделанному в толпе страховым агентом, но ей не удалось отойти далеко, хотя все были очень вежливы. Некоторые жещины выражали ей одобрение, другие доставали носовые платки и утирали слезы.

- Подпишите здесь, - сказал страховой агент Эрлу. - Посмотрим, число претендентов сейчас сократилось до двух тысяч, не так ли? В

городе такая давка, а то бы я добрался до вас, когда шансы будут лучше. Премия составляет... посмотрим-ка... Так... Я выпишу чек.

- Вы добрались до Стива Беркли? - спросил у агента Эрл.

- Ему сейчас трудно, но я доберусь до него через минуту, - ответил агент.

- Они должны были сообщить сейчас дополнительные данные, - сказал Эрл. - Это настоящий садизм - так затягивать дело.

- Ну, во-первых, они должны дать нам время, чтобы добраться до места. Ведь вы же не хотите лишиться возможности получить страховку. Кроме того, так гораздо интереснее.

- Я тоже так думаю. - сказал Эрл. На экранах были видны толпы в различных частях города. Это было действительно интересно и захватывающе, и показанные кадры вызывали заметную нерешительность в толпе, окружающей Эрла. Даже он сам это почувствовал. Один из кандидатов, показанный по телевидению, чуть не прыгал от предвкушения победы.

Но, прежде всего, Эрл должен был продавать костюмы.

- Что вам угодно, мадам? - спросил он у тучной женщины в зеленых очках? - Какой размер носит ваш муж?

- Это неважно, голубчик. У вас есть что-нибудь для неважного мужчины? - ответила она и толпа захохотала.

Эрл был настойчив. Он снял с вешалки костюм и разложил перед ней.

- Это новый стиль. Ваш муж станет в нем совсем другим человеком.

- Я должна покупать ему новый костюм? - удивилась толстая женщина. - Голубчик, если я выиграю сегодня, то смогу купить себе целиком нового мужа. Тогда уж точно это будет совсем другой человек, - она уже собиралась идти, но вдруг что-то привлекло всеобщее внимание к экранам.

Там появился Хип с призом программы "Внезапная смерть". Это означало, что во второй половине дня должен был начаться другой конкурс, который будет продолжаться до тех пор, пока по другому

каналу не станут показывать вечернее шоу "Вы ставите на свою жизнь".

- Вот он! - закричал Хип. - Вы в Центральном универмаге? Потому что там находится наш победитель. Не наделайте сейчас ошибок, вспомните все подсказки... и не забудьте о штрафах. В Центральном универмаге находятся пятнадцать кандидатов, и, пожалуйста, дорогие друзья, не разнесите магазин в пух и прах.

Пятнадцать? Эрл пробился к прилавку и забрался на него, ища взглядом Стива. Но того окружала еще большая толпа. На этаже, кроме них, больше не осталось никого из продавцов. Люди дрались, пытаясь схватить Эрла за ноги, били друг друга, толкались и кричали. Они стащили его вниз, в гущу толпы, в которой (он был уверен в этом) была и Мелани.

- Он в отделе костюмов! - визжала толпа, услышав слова Хипа Джоунза. Эрл встал на ноги и начал пробиваться сквозь толпу, крича: "Нас двое!".

Затем он увидел, как Стив взобрался на прилавок, держа в руке тяжелую стальную вешалку от пальто. Он угрожающе замахал ею, и никто не мог осмелиться коснуться его до того, как его имя будет названо, если он вдруг окажется победителем.

Толпа увеличивалась с каждой секундой. Он изо всех сил прыгнул над ближайшими головами, и толпа расступилась, так что ему удалось приземлиться на обе ноги. Он был крупным человеком, а вешалка в его руках была тяжелой. Он побежал к широким окнам, и вся толпа устремилась за ним. Стив одним ударом разбил стекло и пытался пролезть через окно, но его схватили и втащили обратно, при этом он серьезно порезался. Почти все думали, что победителем станет Стив, потому что сам Стив так считал; тем не менее, несколько десятков твердолобых не отпускали Эрла.

- Сейчас я скажу вам, кто из продавцов отдела костюмов станет победителем. Но не спешите, дорогие друзья. Не наделайте в спешке ошибок, ибо вас ждут ужасные штрафы.

Эрл собрался с духом и в это время Хип прокричал:

- Это вот тот здоровый парень, Стив Беркли!

Раздались ужасающие вопли.

На следующий день Эрл прочел в газетах, что Стив перед тем, как его растерзали, убил троих и еще многих ранил. Это было глупо. Игра - побочный результат научно-технического прогресса - была необходима и это понимали все. И если выигрыш выпадал тебе, оставалось только сожалеть об этом. Толстая женщина в зеленых очках выиграла эти сто тысяч фунтов. Никого не волновало, купила ли она себе нового мужа или нет. Во второй половине дня был новый конкурс и новый победитель.

Однако тогда, в магазине, в самом разгаре событий, Эрл, побитый и истекающий кровью, вовсе не был настроен столь философски. Он отбился от последних из нападавших и огляделся вокруг, пытаясь найти Мелани.

Когда он увидел ее, то подошел, взял у нее сумочку, открыл и заглянул внутрь. Конечно же, там лежал нож участника лотерей "Инвиг Корпорейшн" с выгравированными по золоту ее фамилией и номером.

- Тебе хватит страховки? - спросил он.

ВРЕМЯ ЕГО ЖИЗНИ

Ларри Айзенберг

Я сидел в маленькой комнате в лаборатории, служившей мне кабинетом. Мои колени едва помещались под крышкой рабочего стола. В отличие от моего, кабинет отца был огромным, с толстыми коврами на стенах, и весь заставлен книжными шкафами от пола до потолка. Ничего удивительного - ведь отец мой был Нобелевским лауреатом.

Я стиснул зубы от злости. Двадцать лет назад я был выпускником университета, подающим большие надежды. Я начал свою карьеру научным сотрудником в отцовской лаборатории, сильно надеясь на то, что когда-нибудь внесу свой собственный вклад в изучение обмена веществ. Но теперь, когда мне уже сорок, было ясно, что моя работа осталась незамеченной на фоне великих достижений отца.

Что же произошло со мной? Я чувствовал, что теряю былое умение сосредоточиться, свою способность полностью сконцентрировать все силы на одной единственной проблеме, не обращая внимания на время и людей. Отец обладал такой способностью. Он всегда ей обладал.

Я бросил взгляд на стоявшую на столе фотографию Альмы, моей жены. Здесь она, без сомнения, до сих пор оставалась красавицей. Но в реальной жизни у нее уже появились морщинки в уголках глаз, а ее великолепная сияющая кожа начала тускнеть. А что говорить о мальчиках? Они росли упрямыми, шумными, склонными к пре-

реканиям, обидчивыми - все потому, что я слишком мало времени уделял им.

Впрочем, в этом не было нужды. Каждое воскресенье отец приезжал к нам на весь день, посвящая себя целиком моим сыновьям. Но он никогда не брал меня с собой на футбол или на рыбалку, никогда не совершал вместе со мной длительных восхождений на заснеженные вершины. Наши отношения характеризовались вежливостью и одновременно холодной сдержанностью. Даже когда умерла моя мать, мы горевали порознь. Однако он никогда не сдерживался, если дело доходило до критики моего поведения. Всего неделю назад он вызвал меня к себе в кабинет, чтобы обсудить какие-то проблемы с его дарственной. Это был предлог для чего-то другого.

- Ты не пользуешься ни малейшим авторитетом в этой лаборатории, - грубо произнес он. - Ты растратил всю свою целеустремленность, всю свою гордость.

- Я делаю больше, чем должен, - раздраженно возразил я.

- Например, проказничаешь с моей лаборанткой? - усмехнулся он.

- Это ложь, черт возьми! - в гневе сказал я и тряхнул головой. Два года тому назад у меня был неудачный роман с одной голубоглазой блондинкой - выпускницей университета. Любовь была увлекательной, бурной и полностью выдохлась за несколько месяцев. Однако Сара Фрей была совершенно другой девушкой. Наша взаимная привязанность крепла час от часу, чего не могли понять ни отец, ни моя жена. Отец избавился от светловолосой выпускницы, но по отношению к Саре он пока не предпринимал никаких враждебных действий. Думаю, он понимал, что это оказалось бы бесполезным.

- Я очень люблю Сару, - сказал я. - Больше мне нечего сказать.

Отец громко фыркнул, я поднялся с места и в гневе вышел. Конечно же, отец был прав. Я был сражен в тот самый день, когда Сара Фрей пришла в лабораторию (это было семь месяцев назад). Ее густые черные волосы двумя косами спадали на плотную белую ткань халата, мягкий изгиб рта готов был расплыться в теплую

улыбку. Она была трудолюбива, аккуратно ухаживала за нашими подопытными животными и тщательно вела записи.

Однажды утром отец неожиданно зашел в лабораторию и нашел нас вдвоем в страстных объятиях. Я бы предпочел, чтобы он разразился вспышкой гнева, однако отец сохранил спокойствие, сделав вид, что ничего особенного не произошло. Он даже бесстрастно проинструктировал Сару по составлению новой диеты для наших обезьян-капуцинов.

Это воспоминание до сих пор причиняло мне душевную боль. Я бесцельно ворошил бумаги, лежавшие на столе. Мне стоило огромных усилий сосредоточиться, но я все же попытался вернуть свои мысли к работе. На какие-то несколько секунд мне это удалось. Двадцать лет назад я начал долгосрочные исследования по выявлению факторов, управляющих биологическими часами. Что заставляет температуру тела теплокровных животных день за днем колебаться в рамках одного и того же цикла? И почему так много метаболических функций зависит от продолжительности дня?

В свое время мы с отцом часами обсуждали эти вопросы, и в конце концов решили, что я буду изучать гравитационные эффекты, а он займется электромагнитными воздействиями. Фортуна была всецело на его стороне. Ему впервые в мире удалось доказать, что мозговые потенциалы определенно зависят от колебаний магнитного поля Земли.

Проводя опыты сначала на обезьянах-капуцинах, а затем на людях, он наглядно продемонстрировал, что важнейший из биопотенциалов мозга - альфа-ритм - имеет частоту в пределах 6-8 колебаний в секунду - точно такую же, что и магнитное поле Земли. И мой отец был приглашен в Швецию для получения великолепной золотой медали и кругленькой суммы денег.

Я гордился своим отцом, гордился его выдающимися научными достижениями, и в то же время жутко завидовал ему. Я давно уже перестал задумываться о том, что послужило причиной моей зависти. Может быть, атмосфера безжалостной конкуренции, окружавшей буквально все, чем бы он ни занимался. Даже сейчас он

стремился стать первым и втягивал меня в соревнование вопреки моей воле как в лаборатории, так и в отношении моей семьи.

- Для гонки нужны как минимум двое, - вслух произнес я. - А я не собираюсь бежать.

Зазвонил телефон. Это был мой отец, находившийся в каких-то несчастных 50 футах дальше по коридору, но считавший себя слишком занятым для того, чтобы просто прийти и поговорить со мной. Я с трудом сдерживал раздражение в голосе.

- В чем дело? - спросил я.

- Я должен обсудить с тобой один чрезвычайно важный вопрос, - сказал он. - У меня есть также много чего показать тебе. Не смог бы ты уделить мне несколько минут?

Несколько минут? У меня была уйма времени.

- Сейчас у меня дел по горло, - сказал я, - но я зайду к тебе через полчаса.

Я склонился над столом и установил сигнал своих электрических часов на полчаса вперед. Отец мог снести многое, только не медлительность.

Я зашел в отцовский кабинет ровно через полчаса и уселся в очень удобное кожаное кресло, стоявшее напротив его письменного стола. Было жутко, порою даже обескураживающе наблюдать, насколько похожи были мы с отцом. За исключением седых волос и заскорузлой морщинистой кожи семидесятилетнего старика, он вполне мог сойти за моего брата. Он сидел, пуская клубы дыма из трубки. Густой приторный аромат его табака начал проникать во все углы комнаты. Я ненавидел этот запах с самого детства.

- Я хочу показать тебе кое-что, Джон, - сказал отец сквозь зубы, не вынимая трубки. Это также крайне раздражало меня. - Я бы очень хотел узнать твое мнение об этом, - сказал он.

- С каких пор мое мнение стало здесь что-нибудь значить?

Отец свирепо посмотрел на меня.

- К черту твою жалость к самому себе, - сказал он. - Мне нужна твоя научная интуиция, если она у тебя еще осталась. Я думаю о направлении времени.

Направление времени. Я ухмыльнулся, ничуть не беспокоясь о том, как на это отреагирует отец. Он всегда был озабочен этим вопросом, бог знает с каких пор. Это была навязчивая идея.

- Мы оба знаем, - произнес отец, в который раз излагая одно и то же, - что на микроскопическом уровне не существует приоритетного направления хода времени. С точки зрения уравнений движения абсолютно безразлично, движемся ли мы вперед или назад.

- Но это имеет значение на макроскопическом уровне, - возразил я, втягиваясь в разговор, несмотря на отвращение. - В конце концов, если бы вероятность течения времени вперед и назад была одинаковой, тогда существовала бы полная симметрия в формах и направлениях развития всех животных. Конечно, существует грубая, приблизительная симметрия, но она разваливается при ближайшем рассмотрении. Всем известно, что человеческое сердце и аорта не симметричны.

- Ты совершенно прав, - сказал отец, и я почувствовал прилив наслаждения, пробравший меня до печенок. Он еще энергичнее задымил своей трубкой, и его голова начала скрываться в огромных клубах голубого дыма. Это предвещало гораздо более длительный разговор.

- Все сводится к тому, что в малых масштабах, скажем, в масштабах земного шара, может и не быть макроскопической симметрии. Но на громадных просторах Вселенной все должно усредняться. Если у людей на Земле сердце и аорта ориентированы в одну сторону, то на некоей другой планете, где-нибудь в дальнем уголке Вселенной, у других людей сердце и аорта ориентированы в другую сторону.

- Мне это напоминает экстраполяцию рассуждений о частицах и античастицах, - заметил я.

- Совершенно верно, - сказал отец. - Я бы даже предположил, что раз мы на Земле стареем, то другие люди в другом месте молодеют с течением времени.

Я рассмеялся:

- И выходят из материнского чрева, неуклюжие, скрюченные, сморщенные и беззубые.

Отец положил свою трубку на стол.

- Ты довел мои рассуждения до полнейшего абсурда, - тихо произнес он.

Мне было приятно наблюдать, как злится отец, но при этом я чувствовал себя немного неловко.

- Прости меня, - сказал я, - но твои рассуждения, похоже, сводятся в конечном счете именно к этому.

Отец внезапно поднялся с места, вытряхивая трубку в огромную, украшенную рельефом серебряную пепельницу, подаренную ему служащими лаборатории, когда он стал Нобелевским лауреатом.

- Разговоры мало что дают, - сказал он. - Пойдем в лабораторию. Ты увидишь, что я имею в виду.

Мы прошли по слабо освещенным внешним коридорам в лабораторию, где содержались обезьяны-капуцины. В центре ее на большом помосте стояла одна-единственная проволочная клетка. Сразу за ней находился высокий стеллаж с электронной аппаратурой и L-образной стрелой, нависавшей над клеткой. На стреле были смонтированы многочисленные катушки так, что они располагались прямо над серединой клетки.

Отец подошел к клетке и внимательно заглянул внутрь, слегка причмокивая. Я встал за его спиной и заглянул ему через плечо. В клетке сидела очень старая обезьяна, настолько сморщенная и седая, что я изумился тому, что она еще была жива.

- Не узнаешь?

- Совсем нет.

- Это наша молоденькая Джинджер, - сказал он.

Поначалу я было подумал, что это была нелепая шутка; но я, конечно же, знал, что у отца полностью отсутствовало чувство юмора. Я взглянул на катушки над клеткой. Отец следил за моим взглядом.

- Это синтезатор магнитного поля, который я соорудил, - сказал отец. - С его помощью я могу сфокусировать управляемое магнит-

ное поле в области размером в 1 миллиметр в любой точке в радиусе 5 футов от синтезатора. Я могу изменять амплитуду и частоту в широком диапазоне.

- А Джинджер?

- Я запер ее в магнитном поле с частотой 8 колебаний в секунду, - объяснил отец. - И, с божьей помощью, ее метаболизм последовал за колебаниями этого искусственного поля. Постепенно я начал увеличивать частоту колебаний. Как видишь, ее биологические часы сами по себе ускорили свой ход, и старение пошло чрезвычайно быстрыми темпами.

- Невероятно, - сказал я, - раньше я бы ни за что не поверил, что такое возможно.

В данный момент моя ревность и враждебность исчезли и восхищение его достижением захватило мое воображение. Я внимательно осмотрел обезьяну. Она была похожа на Джинджер, но я был не совсем уверен. На ее лодыжке был небольшой опознавательный браслет с надписью "Джинджер". Но он мог быть снят с настоящей Джинджер.

- Не знаю, о чем ты думаешь, - сказал отец. - Но я никогда в жизни не фальсифицировал данные и ты, черт возьми, знаешь об этом, - он взял в руки толстую тетрадь, лежавшую сбоку от клетки. - Здесь все мои записи, - произнес он. - Я хочу, чтобы ты прочел их и высказал свое мнение.

- Один вопрос, - сказал я. - Как ты направляешь это поле на животное? Ты используешь равномерную напряженность? Тебе приходится фокусировать его в одной точке коры головного мозга или в нескольких?

- В одной, - ответил отец. - Прочти тетрадь: там все записано.

На мгновение он взглянул на меня теплым и даже, как мне показалось, немного любящим взглядом.

- Вот ты называешь меня холодным и равнодушным. А я предлагаю, чтобы именно ты провел эксперименты с уменьшением частоты колебаний поля.

Мои глаза наполнились слезами. Я знал, что это было невероят-

ной щедростью с его стороны. В самом деле, мы можем остановить время для конкретного индивидуума. Это может стать преддверием к бессмертию впервые в истории человечества. Идея была захватывающей.

- Я сейчас же начну читать твою тетрадь.

По пути в свой кабинет я повстречал Сару Фрей. Она взяла мою руку в свои и нежно погладила ее. Как ни странно, это вызвало у меня раздражение. Я небрежно кивнул ей и пошел, не сказав ни слова, дальше, сгибаясь под тяжестью огромной тетради.

Я внимательно проштудировал каждую крупицу информации, и, чем дальше, тем больше было мое возбуждение. Мне было ясно, что эксперимент с замедлением колебаний магнитного поля должен будет потрясти весь научный мир. Но потом я был потрясен тем, что все это было работой отца, его достижениями, а не моими. Он преподнес мне их на серебряном блюдечке, но я еще не опустился до такой степени, чтобы принять такой подарок.

Я вернулся в кабинет отца и положил тетрадь на стол перед ним. Он взглянул на меня своими огромными черными, почти молодыми глазами, которые в тот момент не выражали ничего.

- Это твоя работа, а не моя, - сказал я. - Ты достиг потрясающих результатов, но я не хочу примазаться к ним, делая вид, что они - мои собственные. Я хочу добиться всего своими силами.

Отец вздохнул:

- Тебе все то слишком мало, то слишком много. Почему бы тебе не присоединиться ко мне? Здесь хватит славы и достижений на пятерых. Остается еще так много работы. Или ты хочешь сжечь весь свой творческий потенциал в чреве Сары Фрей?

Я перешел на крик:

- Не трогай Сару! То, чем я с ней занимаюсь, мое дело, черт побери! И в нем гораздо больше любви, человечности и смысла, чем во всей твоей озабоченности золотыми медалями и аплодисментами.

- Ну, будь по-твоему, - сказал отец.

Я в ярости выбежал из его кабинета и вернулся к себе. Сидя в

своем кабинете, я осознал, каким ребячеством были все мои слова и поступки. Отец был прав, и мне следовало бы присоединиться к нему. Но я не мог этого сделать. Я был похож на неподвижно стоящие песочные часы, весь песок в которых ссыпался вниз. Никто не может перевернуть меня, чтобы я получил возможность начать все сначала.

Я провел ночь с Сарой. Я позвонил домой и сказал жене, как уже много раз до того, что я буду работать допоздна и останусь в лаборатории на ночь. И, как всегда, Альма вздохнула и сделала вид, что поверила.

Утром я сказал Саре, что намерен развестись с женой. Она сидела перед зеркалом, расчесывая волосы плавными спокойными движениями, наполняя комнату густым ароматом своих иссиня-черных локонов. От моих слов ее рука задрожала.

Однако она не сказала ничего. Поверила ли она мне? Клянусь, что я не лгал, но она не поверила. Или, может быть, все дело заключалось в двадцатилетней разнице в возрасте? Я ушел от нее с тяжелым сердцем и с тех пор не отвечал на ее попытки заговорить со мной.

Отец вел себя более откровенно. Если он встречал меня в коридоре, то отворачивался. Я знал, что он продолжает вести работу, может быть, именно те эксперименты, от которых отказался я. Но я не мог унизиться до такой степени.

Однажды вечером, когда я заставил себя задержаться в лаборатории, чтобы поработать над нудным докладом, который я должен был сделать на весенней конференции, отец ворвался в мой кабинет в бурном восторге. У него была упругая поступь и он прямо-таки источал энергию, что явно не соответствовало его возрасту.

- Пойдем со мной, - сказал он.

Я последовал за ним, чувствуя, как меня постепенно охватывает ужас. Мы вернулись в комнату с капуцинами и клеткой с Джинджер. Отец жестом показал на клетку, и я взглянул внутрь. Она вновь помолодела.

- Поздравляю, - сказал я, хотя внутренне я был близок к полному

отчаянию. Это могло быть моим достижением. Затем все смутные мысли и чувства, вертевшиеся в мозгу, внезапно четко оформились.

- Я знаю, что ты еще не испытал этот способ на человеке, - сказал я. - Я хочу испробовать его на себе.

- Очень смело с твоей стороны, - сказал отец. - Но риск слишком велик. Потребуется чрезвычайная осторожность и длительное время, чтобы избежать слишком резкого поворота вспять всех метаболических процессов.

- Это не смелость, - сказал я. - Я хочу получить еще один шанс начать все сначала. Двадцать лет дадут мне его. Может быть, тогда я смогу избежать тупика.

- Слишком поздно, - возразил отец. - У тебя есть жена и трое прекрасных сыновей. Ты не можешь вернуться назад.

- Я принял решение, - настаивал я. - Если ты не поможешь мне, то знай, что я сам добьюсь этого.

- Я знаю, - сказал он. - Но ты глуп. Перед тобой уже есть прецедент.

Он подошел к лабораторной раковине и энергично вымыл лицо с мылом. Иссохшая, сморщенная кожа растаяла, как дым, и на ее месте появилась свежая и румяная.

- Это все маскарад, - сказал отец. Он поднял руку и снял парик из седых волос. Появилась густая каштановая шевелюра, точно такая же, как у меня.

- Как видишь, - сказал он, - я уже провел этот эксперимент.

Я посмотрел на него. Он был почти как мое зеркальное отражение.

- Ты свинья, - вскричал я. - Распутное животное. Ты отнял у меня работу, смысл жизни, жену и детей. Теперь ты и тело отбираешь у меня.

- Это вовсе не так, - пробормотал он. - Ты же знаешь, что все это логически вытекает из моих исследований.

- Правда? Следующим твоим логическим шагом будет постель Альмы?!

Он вспыхнул до корней волос.

- Я выторгую ее у тебя в обмен на эти двадцать лет, - сказал я. - По крайней мере, уж это ты можешь мне дать?

- С удовольствием, - мрачно произнес он. - И я буду гораздо лучше заботиться о твоей семье, чем ты сам. Но если я воспользуюсь твоим абсурдным предложением, то что станет со мной, с прежним мной?

- Это твои проблемы, - сказал я. - Хоть раз в жизни подумай сначала обо мне.

- Ты сошел с ума, - сказал отец. Он протянул руку, взял со стола седой парик и вновь аккуратно надел его. Потом он вышел из лаборатории.

В тот вечер я даже не позаботился о том, чтобы позвонить Альме. Я напился до умопомрачения, и не прекращал пить до тех пор, пока не потерял счет дням. Когда я наконец очнулся, то почувствовал себя уставшим до мозга костей. Голова раскалывалась, все тело неописуемо болело. Это было пострашнее, чем просто похмелье.

Я попытался поднять руку, и это потребовало от меня невероятных усилий. Наиболее странно было то, что я сидел за незнакомым столом. Я вытаращил глаза на стопку исписанных аккуратным почерком бумаг, на толстую тетрадь. Я посмотрел на свои руки. Они были грубы, эти руки семидесятилетнего старика, с морщинистой, жесткой, в следах от кислоты кожей. Я взял усыпанное пятнами от высохших водяных капель зеркало для бритья, лежавшее на столе сбоку от меня, и посмотрел в отражение. Это было лицо моего отца, точнее, его лицо до того, как он повернул вспять свои биологические часы. Или это в самом деле было мое собственное лицо.

Я был обескуражен. Это все от долгого сна, подумал я. Я находился еще в том полудремотном состоянии, когда трудно отличить сон от реальности. Сара Фрей бесшумно вошла и положила на стол отчет. Я потянул руку, чтобы погладить ее ниже спины, а она чуть было из кожи не выскочила. Она выбежала из комнаты так быстро, что я не успел вымолвить ни слова.

Я взглянул на тетрадь, затем открыл ее и лениво перелистал страницы. Это моя работа? Веки мои были невероятно тяжелыми. Я уже было начал засыпать и тут увидел краем глаза более молодого

себя, стоящего неподвижно в дверях и злобно глядящего на меня своими большими черными глазами. И в тот самый момент, когда я вновь погрузился в глубокий сон, я подумал: "Эх ты, дурачок, то, что ты получил, эфемерно. А я, в конце концов, Нобелевский лауреат".

ПОВИНОВЕНИЕ

Фредерик Браун

На крошечной планете далекой тусклой звезды, невидимой с Земли, на самом краю галактики, в пять раз более далекой, чем предел проникновения человечества в космос, находится статуя Землянина. Она огромна - целых десять дюймов в высоту, тонкой работы и сделана из драгоценного металла.

Насекомые ползают по ней...

* * *

Они выполняли обычное патрулирование в секторе 1534, в районе Собачьей звезды, за много парсеков от Солнца. Корабль был обычным двухместным разведчиком, всегда используемым при патрулировании за пределами Солнечной системы. Капитан Мэй и лейтенант Росс играли в шахматы, когда зазвучал сигнал тревоги.

- Отключи его, Дон, пока я не продумаю это до конца, - произнес капитан Мэй. Он даже не оторвал взгляда от шахматной доски, зная, что тревога не могла быть вызвана ничем иным, как пролетевшим мимо метеором. В этом секторе не было никаких кораблей. Человечество проникло в космос на тысячу парсеков, но так и не встретило иных форм жизни, достаточно разумных для общения, не говоря уже о строительстве космических кораблей.

Росс также не встал с места, но повернулся в своем кресле лицом к приборной доске и телеэкрану. Он мельком взглянул на экран и в

изумлении раскрыл рот - корабль! Он сумел лишь сказать: "Кэп!", затем шахматная доска очутилась на полу, и Мэй уже смотрел через его плечо.

Он слышал дыхание Мэя, затем его голос:

- Огонь, Дон!

- Но это же лайнер класса "Рочестер"! Один из наших. Я не знаю, что он здесь делает, но мы не можем...

- Взгляни снова.

Дон Росс не мог взглянуть снова, поскольку и так не отрывал глаз от экрана, однако он внезапно увидел, что имел в виду Мэй. Это был почти "Рочестер", но не совсем. В нем было что-то чужое. Чужое? Это и был чужак - имитация "Рочестера". И руки Росса устремились к кнопке ведения огня еще до того, как он полностью осознал, что же произошло.

Держа палец на кнопке, он посмотрел на циферблаты дальномет-ра Пикара и прибора Монолда. Они показывали ноль.

Он выругался.

- Он запутывает нас, кэп. Мы не можем определить ни расстояния до него, ни размеров или массы!

Капитан Мэй медленно кивнул. Его лицо было бледно.

Где-то внутри головы Дона Росса появилась мысль: "Успокойтесь, люди. Мы не враги".

Росс повернул голову и изумленно уставился на Мэя. Тот произнес:

- Да, я тоже почувствовал. Телепатия.

Росс вновь выругался.

- Если они - телепаты...

- Огонь, Дон. Прямой наводкой.

Росс нажал кнопку. Экран заполнила яркая энергетическая вспышка, а когда она пошла на убыль, не было видно никаких обломков корабля.

* * *

Адмирал Сазерленд повернулся спиной к звездной карте, висев-

шей на стене, и угрюмо взглянул на них из-под густых бровей.

- Мне не нужно, чтобы вы вновь пересказывали свой официальный отчет, Мэй, - сказал он. - Вас обоих обследовали психографом; мы извлекли из вашего сознания информацию о каждой минуте столкновения. Наши логики проанализировали ее. Вы здесь для того, чтобы понести наказание. Вы знаете меру наказания за неповиновение, капитан Мэй.

- Да, сэр, - с трудом произнес Мэй.

- Каково же оно?

- Смертная казнь, сэр.

- А какой приказ вы нарушили?

- Общий приказ 13-90, раздел 12, пункт 4-А. Любой земной корабль, военный или какой-либо другой, должен немедленно, без предупреждения уничтожить при встрече любой инопланетный корабль. В случае неудачи он должен направиться в открытый космос в направлении, прямо противоположном Земле, и продолжать полет до тех пор, пока не кончится топливо.

- А зачем это надо, капитан? Я спрашиваю лишь для того, чтобы выяснить, знаете ли вы. Впрочем, сейчас неважно и даже неуместно выяснять, понимаете вы или нет, на чем основывается любое постановление.

- Да, сэр. Для того, чтобы инопланетный корабль не смог последовать за ним к Солнцу и, тем самым, определить местоположение Земли.

- Тем не менее, вы нарушили это правило, капитан. Вы не были уверены, что уничтожили чужака. Что вы скажете в свое оправдание?

- Мы не думали, что это необходимо, сэр. Инопланетный корабль не проявлял признаков враждебности. Кроме того, сэр, они, должно быть, уже знают, откуда мы: они обращались к нам "люди".

- Ерунда! Телепатическое сообщение передавалось из инопланетного ума, но было получено вашими мозгами. Ваше сознание автоматически перевело послание. Вовсе необязательно, что они знают ваше происхождение или то, что вы являетесь людьми.

Лейтенант Росс не имел права вмешиваться в разговор, но все же не удержался от вопроса:

- Значит, сэр, имеются сомнения в их дружелюбии?

Адмирал фыркнул.

- Где вы обучались, лейтенант? Похоже, вы не усвоили важнейшую предпосылку наших планов обороны, причину, по которой мы патрулируем космос в течение четырехсот лет в поисках иной жизни. Каждый чужой - враг. Даже если он дружелюбно настроен сегодня, кто знает, будет ли он таким через год или через сто лет? А всякий потенциальный противник есть противник. Чем быстрее он будет уничтожен, тем безопаснее для Земли. Взгляните на мировую историю войн. Она доказывает именно это и ничего другого. Рим! Ради своей безопасности он не мог позволить себе иметь могущественных соседей. Александр Македонский! Наполеон!

- Сэр, - сказал капитал Мэй, - меня казнят?

- Да.

- Тогда позвольте мне тоже задать вопрос. Где сейчас Рим? Империя Александра Македонского или Наполеона? Нацистская Германия? Tukannosaurus rex?

- Кто?

- Предтеча человека, самый сильный из динозавров. Его имя означает "король ящеров-тиранов". Он тоже полагал, что любое другое живое существо является его врагом. И где же он сейчас?

- Вы все сказали, капитан?

- Да, сэр.

- Тогда считайте, что я пропустил это мимо ушей. Ошибочная сентиментальная аргументация. Вы не будете казнены, капитан. Я сказал это лишь для того, чтобы узнать, что вы скажете, как далеко вы пойдете. Вас помиловали не ради какого-нибудь филантропического вздора. Было найдено подлинное смягчающее обстоятельство.

- Могу ли я узнать, какое, сэр?

- Чужак был уничтожен. Наши специалисты выяснили это. Ваши приборы Пикара и Монолда работали исправно. Единственной причиной того, что они не зарегистрировали чужой корабль, было то,

что он оказался слишком маленьким. Приборы могут засечь метеорит, весящий всего пять фунтов. Инопланетный корабль был еще меньше.

- Меньше чем?..

- Разумеется. Вы рассматривали чужую жизнь, исходя из ваших собственных размеров. Однако это вовсе не обязательно. Она может быть даже субмикроскопической, невидимой невооруженным глазом. По-видимому, инопланетный корабль намеренно пошел на контакт с вами с расстояния всего в несколько футов. И ваш залп с такой дистанции полностью его уничтожил. Вот почему вы не наблюдали никаких обгорелых обломков, - улыбнулся он. - Благодарю вас за меткую стрельбу, лейтенант Росс. В будущем, однако, стрельба прямой наводкой не потребуется. Детекторы и измерительные приборы на кораблях всех классов будут немедленно усовершенствованы для того, чтобы можно было засекать объекты даже мельчайших размеров.

- Благодарю вас, сэр, - сказал Росс. - Однако не кажется ли вам, что факт сходства внеземного корабля с одним из наших кораблей класса "Рочестер", невзирая на размер, доказывает то, что инопланетяне знают о нас гораздо больше, чем мы о них, и, возможно, им даже известно местоположение нашей планеты? А также, даже если они настроены враждебно, разве крошечные размеры их космических кораблей не позволяют им вышвырнуть нас из Солнечной системы?

- Возможно. Либо вы правы в обоих случаях, либо ни в одном из них. Очевидно, однако, если отвлечься от их телепатических способностей, что они отстают от нас в техническом развитии. Иначе они бы не стали копировать наши конструкции космических кораблей. Видимо, они прочли мысли некоторых наших инженеров, чтобы продублировать эту конструкцию. Тем не менее, даже если это так и есть, они все же могут не знать местоположение Солнца. Космические координаты очень трудно расшифровать, а название "Солнце" ничего для них не значит. Даже приблизительное его описание подойдет к тысячам других звезд. В любом случае нам

необходимо найти и истребить их до того, как они обнаружат нас. Каждый корабль в космосе сейчас приведен в состояние боевой готовности и оборудуется специальными приборами для обнаружения мелких объектов. Идет война. Впрочем, об этом излишне говорить: с инопланетянами всегда идет война.

- Да, сэр.

- Ну, вот и все, господа. Можете быть свободны.

В коридоре их ждали двое вооруженных охранников. Они обступили Мэя с обеих сторон.

- Молчи, Дон, - быстро проговорил Мэй. - Я ждал этого. Не забудь, что я нарушил важный приказ, а также имей в виду, что адмирал сказал лишь, что меня не казнят. Не связывайся с этим делом.

Крепко сжав кулаки и стиснув зубы, Дон Росс смотрел, как охранники уводят его друга. Он знал, что Мэй был прав: ничего не оставалось делать, как только не впутываться в еще большую беду, чем та, в которую попал Мэй, и, тем самым, не усугубить его участь.

Почти не разбирая дороги, он вышел из здания Адмиралтейства. Затем он напился как следует, но это не помогло.

У него был обычный двухнедельный отпуск перед возвращением на космическое дежурство, и он решил использовать его для того, чтобы привести свои нервы в порядок. Он рассказал обо всем психиатру, позволив тому развеять большую часть охвативших его горечи и возмущения.

Он вновь достал свои школьные учебники и полностью погрузился в доказательства необходимости строгого и полного повиновения военным властям, наращивания бдительности по отношению к другим цивилизациям и их истребления при каждой встрече.

Он выкрутился; убедил себя в невообразимости того, что он мог поверить в возможность полного прощения капитана Мэя. Ведь тот нарушил приказ - неважно, по какой причине. Он даже ужаснулся при мысли о том, что сам оказался замешанным в этом неповиновении. Конечно, формально он был невиновен: Мэй отвечал за весь корабль и решение о возвращении на Землю вместо того, чтобы улететь в открытый космос - и погибнуть, исходило от Мэя. Будучи

подчиненным, он не разделял с ним ответственность. Но сейчас, по-человечески, он чувствовал угрызения совести от того, что даже не попытался переубедить Мэя подчиниться приказу.

Что станет с Космическим корпусом без повиновения?

Каким же образом он мог искупить то, что считал теперь нарушением своего долга, своей собственной провинностью? Он жадно смотрел выпуски теленовостей все это время и узнал, что во многих других секторах космоса были уничтожены еще четыре внеземных корабля. Благодаря усовершенствованным регистрирующим приборам они все были уничтожены сразу же, без контакта.

На десятый день он добровольно прервал свой отпуск. Он вернулся в здание Алмиралтейства и попросил аудиенции у адмирала Сазерленда. Конечно же, над ним посмеялись, но его это не удивило. Ему удалось передать адмиралу короткое устное сообщение: "У меня есть план, который может позволить нам найти планету чужаков без риска для себя".

Это и решило дело.

Он стоял в положении "смирно" перед столом адмирала.

- Сэр, инопланетяне пытались вступить с нами в контакт. Им это не удалось, так как мы уничтожили их еще до того, как мысль была полностью передана по телепатическим каналам. Если мы позволим им вступить с нами в общение, есть шанс, что они выдадут, неважно, случайно или нет, местоположение своей планеты.

- Неважно, пытались они или нет, но они могут найти нашу планету, если будут преследовать корабль, - холодно сказал адмирал.

- Сэр, мой план учитывает это. Я предлагаю отправить меня в тот же самый сектор, где произошел первый контакт, но в этот раз на одноместном корабле и без оружия. Известие об этом должно быть распространено как можно шире, так, чтобы каждый человек в космосе знал о моей миссии, знал, что я нахожусь в безоружном корабле для того, чтобы установить контакт с инопланетянами. Думаю, что они узнают об этом. Они должны уметь улавливать мысли на дальних расстояниях, но посылать их, по крайней мере в

умы землян, могут только на очень коротких дистанциях.

- Как вы пришли к такому выводу, лейтенант? Впрочем, неважно; к тому же пришли наши логики. Они считают, что сам факт заимствования наших научных достижений - как в случае копирования наших кораблей в уменьшенном масштабе еще до того, как мы узнали об их существовании, - доказывает их способность читать наши мысли на, скажем так, средних расстояниях.

- Да, сэр. Я надеюсь, что если новость о моей миссии станет известна всему флоту, она достигнет инопланетян. А зная о том, что мой корабль безоружен, они, несомненно, пойдут на контакт. Посмотрим, что у них есть сказать мне, всем нам и, возможно, сообщение будет содержать ключ к разгадке местоположения их планеты.

- В таком случае эта планета протянет не более суток. А что если все будет наоборот? Какова вероятность того, что они будут преследовать вас? - спросил адмирал Сазерленд.

- Как раз здесь нам нечего терять, сэр. Я вернусь на Землю лишь в том случае, если выясню, что они уже знают ее местоположение. Думаю, что с их телепатическими способностями они уже знают об этом и не напали на нас только потому, что не питают никакой вражды к нам или слишком слабы. В любом случае, если они знают, где находится Земля, они не будут отрицать этого в разговоре со мной, не так ли? Они сочтут, что это - очко в их пользу, думая, что мы торгуемся. Они могут солгать, что знают, но я откажусь верить им на слово, если они не представят доказательств.

Адмирал Сазерленд пристально посмотрел на него.

- Сынок, в этом что-то есть. Это может стоить тебе жизни, но если останешься в живых и вернешься со сведениями о том, откуда эти инопланетяне, ты станешь героем человечества. Может быть, ты в конце концов займешь мое место. По правде сказать, я чувствую соблазн украсть у тебя идею и самому совершить этот полет.

- Сэр, вы слишком ценны для нас. Мною же можно пожертвовать. Кроме того, сэр, я должен сделать это. Вовсе не ради почестей. На моей совести есть грех, который я должен искупить. Я должен был

постараться предотвратить нарушение приказа капитаном Мэем. Я не должен стоять здесь живым. Нам надо было устремиться в космос, поскольку мы не были уверены, что чужак уничтожен.

Адмирал откашлялся:

- Ты не виновен в этом, сынок. В подобных случаях ответственность несет только капитан корабля. Но я понимаю, что ты имеешь в виду. Ты чувствуешь, что в душе не повиновался приказу, так как в какой-то момент согласился с действиями капитана Мэя. Ну ладно, это все в прошлом, а твоя инициатива искупает все, даже если ты не будешь пилотировать корабль, идущий на контакт.

- Но могу ли я просить об этом одолжении, сэр?

- Можете, лейтенант. Точнее сказать, капитан.

- Благодарю вас, сэр.

- Корабль для тебя будет готов через три дня. Мы могли бы подготовить его раньше, но именно столько времени потребуется для того, чтобы весть о наших "переговорах" распространилась по флоту. Но вы, разумеется, понимаете, что ни при каких обстоятельствах не должны выходить по собственной инициативе за пределы, которые вы только что обрисовали.

- Да, сэр. Я вернусь на Землю, только если инопланетяне уже знают о ее местоположении и смогут доказать это. В противном случае я отправлюсь в открытый космос. Даю вам честное слово, сэр.

- Очень хорошо, капитан Росс.

* * *

Одноместный космический корабль находился вблизи центра сектора 1534, в районе Собачьей звезды. Больше ни один корабль не патрулировал этот сектор.

Капитан Дон Росс сидел тихо и ждал. Он смотрел на видеоэкран и вслушивался, не зазвучит ли голос внутри его головы.

Ему пришлось ждать менее трех часов. "Приветствую вас, Донросс", произнес голос, и в тот же самый момент на экране появились пять крошечных кораблей. Прибор Монолда показывал, что каж-

дый в отдельности весил не более унции.

- Мне говорить вслух или просто думать? - спросил Росс.

"Не имеет значения. Вы можете говорить, если хотите сосредоточиться на конкретной мысли, но сначала немного помолчите".

Через полминуты Россу показалось, что он слышит в своем мозгу некоторое подобие вздоха. Затем: "Прошу извинить меня. Боюсь, этот разговор не принесет пользы никому из нас. Видите ли, Донросс, мы не знаем местоположение вашей планеты. Возможно, мы могли бы узнать, но это нас не интересует. Мы не настроены враждебно, но, как мы узнали из мыслей землян, нам не стоит осмеливаться проявлять дружелюбие. Таким образом, вы никогда не сможете вернуться на Землю, не нарушив приказа".

Дон Росс на мгновение закрыл глаза. Это был конец; продолжать разговор не имело смысла. Он дал слово адмиралу Сазерленду, что будет подчиняться приказам в точности.

"Это так", произнес голос. "Мы с вами обречены, Донросс, и не имеет значения, что мы скажем вам. Мы не можем прорваться через кордон ваших кораблей; мы уже потеряли половину нашего рода".

- Половину! Вы имеете в виду...

"Да. Нас только тысяча. Мы построили десять кораблей, каждый на сотню пассажиров. Пять кораблей были уничтожены землянами. Осталось только пять, - те, которые вы видите. Это весь наш род. Вам интересно узнать о нас что-либо, даже если вы погибнете?"

Он кивнул, забыв, что они не могли его видеть, однако подтверждение в его мозгу было прочитано.

"Мы - старая цивилизация, гораздо старше вашей. Наш дом находится, точнее, находился, на крошечной планете темного спутника Сириуса. Она имела диаметр всего в сотню миль. Ваши корабли пока не обнаружили ее, но это всего лишь вопрос времени. Мы были разумными в течение многих, многих тысячелетий, но так и не вышли в космос. У нас не было в этом нужды.

"Прощайте, Донросс. Что это за странная эмоция в вашем мозгу и сокращение ваших мышц? Я не понимаю этого. Но постойте - это признак того, что вы ощущаете что-то неподдающееся нашему пониманию. Мысль слишком сложна, слишком противоречива. Что это?"

Дон Росс наконец перестал смеяться.

- Послушайте, мой инопланетный друг, который не может убивать, - сказал он. - Я выручу вас из этой беды. Я позабочусь о том, чтобы вы миновали наш кордон и ушли туда, где вам не угрожает опасность. Смешно лишь то, как я собираюсь сделать это, - повинуясь приказам и идя на собственную смерть. Я направляюсь в открытый космос, чтобы погибнуть там. Вы же, все вы можете присоединиться ко мне и выжить. Это как путешествие автостопом. Ваши крохотные корабли не будут замечены приборами патруля, если будут касаться моего корабля. И это еще не все: сила тяготения моего корабля будет увлекать вас за собой и вам не нужно будет расходовать топливо до тех пор, пока вы не удалитесь от кордона за пределы досягаемости приборов. Сто тысяч парсеков, по меньшей мере, до того, как у меня кончится горючее.

Пауза была долгой, затем голос в сознании Дона Росса произнес: "Спасибо". Еле слышно. Нежно.

Он подождал, пока пять кораблей исчезли с экрана и послышались пять слабых звуков от их соприкосновения с корпусом его корабля. Затем он рассмеялся снова. И повиновался приказам, отправляясь в открытый космос навстречу своей смерти.

* * *

На крошечной планете далекой тусклой звезды, невидимой с Земли, на самом краю галактики, в пять раз более далекой, чем предел проникновения человечества в космос, находится статуя Землянина. Она огромна - целых десять дюймов в высоту, тонкой работы и сделана из драгоценного металла.

Насекомые ползают по ней, но они имеют на это право: они воздвигли ее и чтут ее. Статуя выполнена из очень твердого металла. В безвоздушном пространстве она просуществует вечно - или до того, как земляне найдут ее и уничтожат. Если, конечно, к тому времени земляне не изменятся коренным образом.

ПРИМА БЕЛЛАДОННА

Дж.Г. Баллард

Я встретил Джейн Сирасилайдз во время Большого Перерыва, этого всемирного прилива скуки, летаргии, этого знойного лета, этого блаженства, длившегося целых десять незабываемых лет, и, я думаю, именно он явился основным виновником всего того, что произошло между нами. Конечно, сейчас мне не верится, что я мог вести себя столь нелепо, но тогда мне казалось, что причиной всего была сама Джейн.

Что бы о ней ни говорили, но с одним все дружно соглашались - она была красивая девушка, хотя и с противоречивыми генетическими данными. Сплетники в Вермиллион-Сэндз скоро пришли к выводу, что она очень похожа на мутанта: роскошная, с оттенком червонного золота, кожа и глаза, напоминавшие каких-то насекомых; но это ничуть не беспокоило ни меня, ни моих друзей, например, Тони Майлза и Гарри Девайна, которые с тех пор уже не могут по-прежнему относиться к своим женам.

В то лето мы, в основном, проводили время на просторном прохладном балконе моей квартиры, неподалеку от Бич-Драйв, потягивая пиво, приличный запас которого всегда имелся в холодильнике на первом этаже моего цветочно-музыкального магазина, забавляясь "и-го", популярной тогда игрой, напоминавшей шахматы, и вели бесконечные пустые разговоры. Никто из нас, кроме меня, никогда не занимался серьезным делом; Гарри был архитектор, Тони Майлзу

иногда удавалось продать туристам керамику, я же, обычно, проводил каждое утро пару часов в магазине, отправляя зарубежные заказы и время от времени прикладываясь к банке с пивом.

Вот в такой особенно жаркий и ленивый день, когда я только что кончил упаковывать нежную сопрано-мимозу для Гамбургского хорового общества, раздался звонок с балкона.

- Магазин музыкальной флоры Паркера? - спросил Гарри. - Вы обвиняетесь в перепроизводстве. Поднимайся, мы с Тони хотим показать тебе кое-что.

Когда я оказался наверху, они оба скалили зубы, словно собаки, наткнувшиеся на интересующее их дерево.

- Ну и где же это "кое-что"? - поинтересовался я.

Тони чуть приподнял голову.

- Вон там, - слегка кивнул он в сторону жилого дома.

- Осторожно, - предупредил он меня, - не заглядись.

Я медленно опустился в плетеное кресло и, вытянув шею, огляделся.

- Пятый этаж, - сквозь зубы процедил Гарри, почти не разжимая губ. - Налево от балкона, напротив. Ну как, доволен?

- Фантастика...- ответил я, не спеша разглядывая ее. - Интересно, что еще она умеет делать?

Гарри и Тони благодарно вздохнули. - Ну как? - спросил Тони.

- Она не для меня, но вам явно нечего бояться. Пойдите и скажите ей, что не можете жить без нее.

Гарри тяжело вздохнул. - Разве ты не понимаешь, что она - поэтичная, нежданная, как будто вышедшая из древнего апокалиптического моря. Может быть, она божественного происхождения.

Женщина прохаживалась по комнате, переставляя мебель. Кроме большой металлической шляпы абстрактной формы на ней почти ничего не было. Даже в полумраке удлиненные волнообразные очертания ее бедер отливали золотом и сияли. Она была как живая плеяда ярко светящихся огней. Вермиллион-Сэндз никогда не видел ничего подобного.

- С ней надо обращаться осторожно, - продолжал Гарри, уставив-

шись в свою банку с пивом. - Застенчиво, почти таинственно. Никакой назойливости и хватательных движений.

Женщина нагнулась, чтобы распаковать чемодан, и металлические поля шляпы затрепетали над ее лицом. Я не стал напоминать Гарри, что его жена Бетти, женщина крутого нрава, непременно бы удержала мужа от любых беззастенчивых поступков.

- Она, должно быть, потребляет не меньше киловатта, - подсчитал я. - Как вы считаете, какой у нее химический состав?

- Кто знает, - сказал Гарри. - Лично мне все равно, даже если она состоит из кремнийорганических соединений.

- При такой-то жаре? - сказал я. - Да она воспламенится.

Женщина вышла на балкон, заметила, что мы наблюдаем за ней, поглядела по сторонам и вернулась в комнату.

Мы поглубже уселись в своих креслах и многозначительно переглянулись, словно триумвиры, решающие, как поделить между собой империю; немногословные, мы искоса наблюдали друг за другом: не намерен ли кто-нибудь сжульничать.

Через пять минут началось пение.

Сначала я подумал, что это трио азалий внизу почувствовало неудобства в своей щелочной среде, но частоты были слишком высокими. Звук был почти за пределами диапазона слухового восприятия и напоминал тонкое тремоло, исходящее ниоткуда и отдающееся в затылке.

Гарри и Тони хмуро посмотрели на меня.

- Твоя скотинка чем-то недовольна, - сказал мне Тони. - Ты не мог бы ее утихомирить?

- Это не растения, - сказал я ему. - На них это непохоже.

Громкость звука все нарастала, пока у меня в затылке что-то не заскрипело и не затрещало. Я уже собрался было спуститься в магазин, когда Гарри и Тони вдруг вскочили с мест и прижались к стене.

- Боже мой, Стив, смотри! - закричал Тони, в ужасе указывая пальцем на стол, на который я облокотился. Он схватил кресло и вдребезги разнес им стеклянную столешницу.

Я встал и извлек запутавшиеся в волосах осколки.

- В чем дело, черт побери? - удивился я.

Тони смотрел вниз на сплетение прутьев, охватывающих металлические ножки стола. Гарри подошел ко мне и осторожно взял меня за руку.

- Он был совсем рядом. С тобой все в порядке?

- Он исчез, - уныло произнес Тони. Он внимательно осмотрел пол на балконе, затем перевесился через перила и заглянул вниз.

- Что это было? - спросил я.

Гарри пристально посмотрел на меня.

- Разве ты не видел? Он был примерно в трех дюймах от тебя. Императорский скорпион, не меньше омара, - он устало присел на ящик из-под пива. - Должно быть, акустический. Звук совсем исчез.

После того, как они ушли, я привел все в порядок и взял себе пива. Я готов был поклясться, что на стол никто не забирался.

С балкона напротив за мной наблюдала женщина в халате из мерцающей ионизированной ткани.

На следующее утро я узнал, кто она. Тони и Гарри с женами были на пляже, возможно, обсуждая вчерашний случай со скорпионом, а я работал в своем магазине, настраивая с помощью ультрафиолетовой лампы гигантскую Паучью орхидею. Это был трудный цветок с нормальным голосовым диапазоном в двадцать четыре октавы, но как и все терракотовые хоротропы вида К3+ 25 С5А9, без интенсивных упражнений она легко впадала в невротические минорные транспонировки, которые крайне трудно поддавались исправлению. А6, являясь самым старым цветком в магазине, естественно, отрицательно влияла на остальные растения. Каждое утро, когда я открывал магазин, там неизменно стоял шум, как в сумасшедшем доме, но как только я подкармливал Паучью орхидею и приводил в норму один из двух градиентов pH, все остальные растения улавливали ее сигналы, и постепенно успокаивались в своих баках. Одна вторая, три четверти, многозвучия - все приходило в совершенную гармонию.

В неволе содержались не более десятка настоящих Паучьих орхи-

дей; остальные, в большинстве своем, были либо "немыми", либо привоями от двудольных растений, так что мне, можно сказать, крупно повезло. За пять лет до описываемых событий я купил этот магазин у полуглухого старика по фамилии Сайерс, и за день до того, как уехать, он выбросил растения, проявлявшие признаки дегенерации, в мусорный контейнер позади дома. Опорожняя несколько мусорных бачков, я наткнулся на Паучью орхидею, бурно разросшуюся на субстрате из морских водорослей и испорченных резиновых трубок.

Почему Сайерс решил ее выбросить, я так никогда и не узнал. До своего приезда в Вермиллион-Сэндз он был куратором старой консерватории в Кью, где впервые были выведены поющие растения, и работал там под руководством доктора Манделя, который обнаружил первую Паучью орхидею в лесах Гайаны, когда был еще двадцатипятилетним начинающим ботаником. Орхидея получила свое название от гигантского паука, который опыляет ее цветки и одновременно откладывает яйца в их мясистые семяпочки. При этом его привлекают или, как всегда утверждал Мандель, гипнотизируют звуковые колебания, испускаемые чашечкой ее цветка в период опыления. Первые Паучьи орхидеи излучали всего несколько случайных частот, однако путем гибридизации и искусственного поддерживания их в стадии опыления Манделю удалось получить штамм, который максимально брал двадцать четыре октавы.

Но в самый разгар основного труда своей жизни Мандель, подобно Бетховену, совершенно оглох, и потерял возможность их услышать. Несмотря на это, он мог слышать музыку цветка, когда просто глядел на него. Однако, как ни странно, оглохнув, он перестал смотреть на Паучью орхидею.

В то утро я почти понял, почему. Орхидея пылала злобой. Вначале она отказывалась от подкормки, и мне пришлось промыть ее струей фторальдегида; потом она начала испускать ультразвуковые колебания, означающие многочисленные жалобы хозяев собак всей округи. В конце концов, она попыталась разрушить бак с помощью резонанса.

В магазине стоял шум и гам, и я чуть было не решил закрыть все растения, а потом поодиночке разбудить (тяжелая работа, если учесть, что в магазине было восемьдесят баков), когда внезапно все стихло до едва уловимого шелеста.

Я оглянулся и увидел, что в магазин вошла золотокожая женщина.

- Доброе утро, - приветствовал я ее. - Должно быть, вы им понравились.

Она довольно рассмеялась.

- Здравствуйте. Разве они плохо себя вели?

Под черным пляжным халатом ее кожа имела более мягкий, более нежный оттенок, но что приковало мое внимание, так это ее глаза. Они были еле видны из-под широких полей шляпы. Ее ресницы, как лапки насекомых, трепетали вокруг светящихся фиолетовых зрачков.

Она подошла к вазону с гибридными папоротниками и, качнув полными бедрами, встала рядом, глядя на них.

Папоротники потянулись к ней, их светящиеся плавные голоса страстно запели.

- Ну разве они не прелесть? - сказала она, нежно поглаживая листья. - Они так нуждаются в любви.

Низкий регистр ее голоса, дыхание, напоминающее шорох пересыпаемого прохладного песка, придавали речи женщины какой-то музыкальный ритм.

- Я только что приехала в Вермиллион-Сэндз, - сказала она, - и в моем номере ужасно тихо. Может быть, если бы у меня был цветок, хотя бы один, мне не было бы так одиноко.

Я не мог отвести от нее взгляда.

- Да, конечно, - ответил я отрывисто и с деловым видом. - Может быть, что-нибудь яркое? Скажем, вот этот морской критмум с Суматры? Это - породистое меццо-сопрано из того же стручка, что и Прима белладонна с Байрейтского фестиваля.

- Нет, - сказала она, - он выглядит слишком бессердечным.

- Может быть, эта луизианская лютневая лилия? Если вы умень-

шите подачу сернистого газа, она заиграет прелестные мадригалы. Я покажу, как это делается.

Она не слушала меня. Сложив перед грудью руки, словно в молитве, она шагнула к прилавку, на котором стояла Паучья орхидея.

- Как она прекрасна, - промолвила она, не отрывая глаз от пышных, желтых и пурпурных листьев, свешивающихся из чашечки цветка, украшенного алыми полосками.

Я прошел с ней к прилавку и включил усилитель так, чтобы был слышен голос орхидеи. Растение тут же ожило. Листья стали жесткими и яркими, чашечка цветка раздулась, лепестки ее туго натянулись. Орхидея испустила несколько резких бессвязных звуков.

- Прекрасная, но зловещая, - сказал я.

- Зловещая? - повторила за мной она. - Нет, гордая. - Она подошла поближе и заглянула в злобно шевелящуюся, огромную головку цветка. Орхидея затрепетала, колючки на стебле угрожающе изогнулись.

- Осторожно, - предостерег я ее. - Она чувствует даже самые слабые звуковые колебания.

- Тихо, - сказала она, делая знак рукой. - Мне кажется, она хочет петь.

- Это всего лишь обрывки тональностей, - объяснил я. - Она не исполняет музыкальных номеров. Я использую ее в качестве частотного...

- Слушайте! - она схватила мою руку и крепко сжала ее. Голоса всех растений в магазине низкой ритмичной мелодией слились в один поток, но один, более сильный голос, слышался над всеми: сначала он звучал тонко и пронзительно, как свирель, потом постепенно звук начал пульсировать, стал глубже и, в конце концов, разросся до мощного баритона, ведущего за собой хор других растений.

Я никогда раньше не слышал, как поет Паучья орхидея, и внимательно слушал ее. Вдруг я почувствовал что-то вроде легкого солнечного ожога, и обернувшись увидел, что женщина пристально смотрит на растение, кожа ее накалилась, а насекомые в глазах

судорожно корчатся. Орхидея вытянулась в ее сторону, чашечка цветка поднялась, листья стали похожи на окровавленные сабли.

Я быстро обошел вокруг бака и выключил подачу аргона. Орхидея захныкала, в магазине начался кошмарный галдеж: оборванные ноты и голоса, срывающиеся с высоких "до" и "ля", слились в диссонанс. Вскоре тишину нарушал лишь едва уловимый шорох листьев.

Женщина схватила край бака и перевела дух. Ее кожа потускнела, существа в глазах перестали бесноваться и лишь слегка шевелились.

- Зачем вы ее выключили? - спросила она, тяжело дыша.

- Простите меня, - сказал я, - но у меня здесь товара на десять тысяч долларов, и подобный эмоциональный шторм в двенадцати тональностях может запросто выбить множество вентилей. Большая часть этих растений не приспособлена для оперы.

Она наблюдала, как газ сочился из цветочной чашечки, а листья один за другим опускались и теряли свой цвет.

- Сколько я вам должна? - спросила она, открывая сумочку.

- Она не продается, - ответил я. - Честно говоря, я совсем не понимаю, как она взяла эти октавы...

- Тысячи долларов достаточно? - спросила она, не отрывая от меня глаз.

- Не могу, - сказал я. - Без нее невозможно настроить другие растения. Кроме того, - добавил я, стараясь улыбнуться, - эта орхидея погибнет через десять минут, если вытащить ее из вивария. Да и все эти цилиндры и трубопроводы будут смотреться весьма странно в вашей комнате.

- Да, конечно, - согласилась она, внезапно улыбнувшись в ответ. - Я вела себя глупо. - Она в последний раз взглянула на орхидею и не спеша направилась к секции напротив, где продавались произведения Чайковского, весьма популярные среди туристов.

- "Патетическая", - наугад прочитала она на ярлыке. - Я возьму ее.

Я завернул скабию и вложил в коробку буклет с инструкцией, все еще глядя на женщину.

- Не волнуйтесь так, - сказала она весело. - Я никогда не слышала ничего подобного.

Я не волновался. Просто тридцать лет, прожитые в Вермиллион-Сэндз, сузили мой кругозор.

- Вы надолго в Вермиллион-Сэндз? - поинтересовался я.

- У меня сегодня первый концерт в клубе "Казино", - ответила она. Она рассказала, что зовут ее Джейн Сирасилайдз и что она - певица оригинального жанра.

- Почему бы вам не придти посмотреть на меня? - предложила она, и озорной огонек пробежал в ее глазах. - Я начинаю в одиннадцать. Может быть, вам понравится.

Я пришел на концерт. На следующее утро весь Вермиллион-Сэндз гудел от пересудов. Джейн произвела сенсацию. После представления триста человек клялись, что услышали все - от хора ангелов, поющих под музыку небесных сфер, до джаза. Что же касается лично меня, то, может быть, из-за того, что я слышал слишком много поющих цветов, я относился к этому более спокойно. Но теперь я знал, откуда появился на моем балконе скорпион.

Тони Майлз слушал "Сен-Луи блюз" в исполнении Софи Такер, а Гарри - Мессу си минор Баха-отца.

Они зашли в магазин и, пока я возился с цветами, делились впечатлениями от концерта.

- Изумительно, - воскликнул Тони. - Как ей это удается? Скажи мне.

- Гейдельбергская партитура, - восторгался Гарри. - Величественная, неподдельная. - Он с раздражением посмотрел на цветы. - Ты не мог бы утихомирить их? Они тут подняли адский шум.

Шум действительно стоял адский и, поразмыслив, я понял, отчего. Паучья орхидея полностью вышла из-под контроля и к тому времени, как я смог успокоить ее, окунув в слабый соляной раствор, она уже успела погубить кустарников более чем на триста долларов.

- Вчерашнее представление в "Казино" было ничто по сравнению с тем, что она устроила здесь, - рассказал я им. - "Кольцо Нибелунгов"

в исполнении Стана Кентона. Эта орхидея сошла с ума. Я уверен, она хотела убить ее.

Гарри смотрел, как растение потрясает своими листьями, делая угловатые судорожные движения.

- Мне кажется, она настроена очень воинственно. Но зачем ей убивать Джейн?

- Ну не буквально, конечно. Ее голос, по-видимому, имеет обертоны, раздражающие чашечку цветка. У других растений такой реакции не наблюдалось. Они ворковали, как голуби, когда она трогала их.

Тони внезапно вздрогнул от радости.

На улице блеснула ярким солнцем пышная огненно-желтая юбка Джейн.

Я представил ее Гарри и Тони.

- Цветы, похоже, сегодня молчат, - сказала она. - Что с ними случилось?

- Я чищу баки, - объяснил я. - Кстати, мы все хотим поблагодарить вас за вчерашний концерт. Как вам понравился наш город?

Она смущенно улыбнулась и не спеша стала прогуливаться по магазину. Как я и думал, она остановилась у орхидеи и устремила на нее свой взор.

Я ждал, что она скажет, но Гарри и Тони окружили ее и скоро заставили подняться на второй этаж в мою квартиру, где все утро они валяли дурака и опустошали мои запасы виски.

- Не хотите ли составить нам компанию после сегодняшнего концерта? Мы могли бы пойти потанцевать во "Фламинго", - предложил Тони.

- Но вы оба женаты, - застенчиво возразила Джейн. - Разве вас не волнует ваша репутация?

- А мы прихватим с собой жен, - беззаботно произнес Гарри. - А Стив будет держать ваш жакет.

Мы поиграли в "и-го". Джейн сказала, что раньше никогда не играла в эту игру, но она без труда разобралась в правилах, а когда начала нас обыгрывать, я понял, что она мошенничает. Разумеется,

не каждый день выпадает случай поиграть в "и-го" со златокожей женщиной с глазами, похожими на насекомых, но, тем не менее, это меня раздражало. Гарри и Тони, конечно, ничуть этому не противились.

- Она очаровательная, - сказал Гарри после ее ухода. - Кого это волнует? Все равно это глупая игра.

- Меня волнует, - возразил я. - Она мошенничает.

Следующие три или четыре дня в магазине происходило великое цветочно-звуковое побоище. Джейн приходила каждое утро взглянуть на Паучью орхидею, и ее присутствие было слишком невыносимо для растения. К сожалению, я не мог держать цветы на голодном пайке: для каждодневных упражнений орхидея была просто необходима. Но вместо гармоничных гамм Паучья орхидея испускала лишь скрипы и завывания. Меня беспокоил не сам шум, на который жаловалось не более двадцати человек, а вред, наносимый им колебательным связкам растений. Те, которые исполняли музыку XVII века, стойко переносили напряжение; цветы, предназначенные для современных композиторов, оказались к нему вообще невосприимчивы, однако у двух десятков романтиков полопались цветочные чашечки. К началу третьего дня после приезда Джейн я потерял исполнителей Бетховена и страшно подумать сколько - Мендельсона и Шуберта.

Джейн как будто совсем не обращала внимания на причиняемые мне неприятности.

- Что с ними всеми случилось? - спросила она меня, осматривая беспорядочно разбросанные на полу газовые баллоны и капельницы.

- Мне кажется, вы пришлись им не по вкусу, - ответил я. - По крайней мере, Паучьей орхидее. Ваш голос может вызывать у мужчин странные и причудливые видения, но у этой орхидеи он вызывает черную меланхолию.

- Ерунда, - сказала она, смеясь мне в лицо. - Отдайте ее мне, и я покажу вам, как за ней надо ухаживать.

- Тони и Гарри развлекают вас? - поинтересовался я. Меня раздражало то, что я не могу пойти с ними на пляж, а вместо этого вынужден тратить время на опорожнение баков и приготовление растворов, ни один из которых не помогал.

- Они очень забавны, - сказала она. - Мы играем в "и-го" и я пою для них. Но мне кажется, вы могли бы почаще выбираться отсюда.

Спустя еще две недели я был вынужден сдаться. Я решил законсервировать растения до тех пор, пока Джейн не уедет из Вермиллион-Сэндз. Я знал, что на восстановление ассортимента мне потребуется, по крайней мере, три месяца, но другого выхода у меня не было.

На следующий день я получил крупный заказ на поставку колоратурной травосмеси для садового хора в Сантьяго. Они хотели получить ее через три недели.

- Простите меня, пожалуйста, - сказала Джейн, когда узнала, что я не смогу выполнить заказ. - Вы, очевидно, считаете, что лучше бы я никогда не приезжала в Вермиллион-Сэндз.

Она задумчиво заглянула в один из темных баков.

- Не могу ли я помочь вам в оркестровке? - предложила она.

- Нет уж, спасибо, - сказал я, смеясь, - я сыт этим по горло.

- Не упрямьтесь, мне это не составит труда.

Я отрицательно покачал головой.

Тони и Гарри назвали меня сумасшедшим.

- У нее достаточно широкий диапазон голоса, - сказал Тони. - Ты же сам это признал.

- Что ты имеешь против нее? - спросил Гарри. - Она мошенничает в "и-го"?

- Вовсе не это, - ответил я. - Но диапазон ее голоса куда шире, чем вы думаете.

Мы играли в "и-го" в номере Джейн. Она выиграла у каждого из нас по десять долларов.

- Мне везет, - сказала она, весьма довольная собой. - Похоже, я никогда не проигрываю. - Она пересчитала деньги и, сияя золотой кожей, аккуратно положила их в сумочку.

Вскоре из Сантьяго пришел повторный заказ.

Я нашел Джейн в кафе в окружении поклонников.

- Вы еще не сдались? - спросила она меня, бросая улыбку молодым людям.

- Не знаю, чего вы добиваетесь, - сказал я, - но стоит попробовать.

Когда мы вместе вернулись в магазин, я достал лоток с многолетними растениями. Джейн помогла мне наладить подачу газа и жидкостей.

- Давайте начнем с этих, - сказал я. - Частоты 543-785. Вот партитура.

Джейн сняла шляпу и чистым голосом начала петь гамму. Сначала водосбор заколебался, и Джейн вернулась в нижний регистр и снова начала выводить гамму, увлекая за собой растения. Они вместе прошли пару октав, затем растения споткнулись, прервав стройную последовательность аккордов.

- Попробуйте полутоном выше, - посоветовал я. Добавил в бак немного хлористой кислоты и - водосбор энергично последовал за ней, издавая своими цветочными чашечками нежные дискантовые вариации.

- Великолепно, - сказал я.

На выполнение заказа у нас ушло всего четыре часа.

- У вас получается лучше, чем у орхидеи, - похвалил я ее. - На каких условиях вы желаете работать? Могу предложить вам большой прохладный бак и сколько угодно хлора.

- Будьте осторожны, - предупредила она. - Я могу согласиться. Почему бы нам не настроить еще несколько растений, раз уж мы принялись за это дело?

- Вы устали, - сказал я. - Давайте пойдем отсюда и выпьем что-нибудь.

- Можно мне попробовать с орхидеей, - предложила она. - Эта задача более трудная.

Она не спускала глаз с цветка. Я подумал, что они будут делать, если останутся наедине. Может быть, до смерти замучают друг друга своим пением?

- Нет, - сказал я. - Давайте завтра.

Мы поднялись на балкон, налили себе по бокалу и весь остаток дня проговорили.

Она немного рассказала о себе, но все же я выяснил, что отец ее был горным инженером в Перу, а мать - танцовщицей в захудалой таверне в Лиме. Они переезжали из одного места в другое, отец разрабатывал свои концессии, а мать пела в ближайшем борделе, чтобы уплатить за жилье.

- Она, конечно, только пела, - добавила Джейн, - до того, как умер отец. На кончике соломинки в ее бокале забурлили пузырьки. - Итак, вы полагаете, что на моем концерте каждый видит и слышит то, что он хочет. Кстати, а что видели вы?

- Боюсь, со мной вы потерпели неудачу, - сказал я. - Ничего не видел. Кроме вас.

Она опустила глаза.

- Такое иногда случается, - сказала она. - Но на этот раз я рада.

Миллион солнц зажглись внутри меня. До этого момента я еще как-то сохранял рассудительность.

* * *

Тони и Гарри были вежливы, хотя и явно расстроены.

- Я не могу поверить в это,- печально сказал Гарри. - Не могу. Как тебе это удалось?

- Конечно же, благодаря мистическому и лицемерному подходу, - ответил я. - Все древние моря, да темные колодцы.

- А какая она? - нетерпеливо спросил Тони. - Я имею в виду, она огненная или просто горячая?

Каждый вечер Джейн пела в казино с одиннадцати до трех часов ночи, а остальное время мы, как мне казалось, всегда были вместе. Иногда на закате дня мы уезжали в Ароматную пустыню и, сидя вдвоем у водоема, наблюдали, как солнце заходит за рифы и горы, вдыхали тяжелый воздух, насыщенный приторным ароматом роз, и чувствовали, как нами овладевает покой. А когда начинал дуть прохладный ветерок, мы бросались в воду, купались, и после этого

возвращались, наполняя городские улицы и веранды кафе запахом жасмина, мускусной розы и гелиантемума.

Порой мы отправлялись в Лагун-Вест в какой-нибудь тихий бар и ужинали там, сидя на отмели, Джейн подшучивала над официантами и подражала пению птиц к удовольствию детей, прибегавших, чтобы посмотреть на нее.

Сейчас я понимаю, что тогда я, очевидно, приобрел в городке дурную славу, но я был не против того, чтобы дать старухам - а рядом с Джейн все женщины выглядели старухами - очередной повод для сплетен. Во время Большого Перерыва все мало о чем беспокоились, а потому и я не очень-то стремился анализировать мои отношения с Джейн Сирасилайдз. Когда мы вдвоем сидели прохладным ранним вечером на балконе, или когда я чувствовал в ночной темноте рядом с собой ее тело, меня вообще мало что волновало.

Как это ни глупо звучит, но единственной причиной для разногласий было ее мошенничество в "и-го".

Помнится, однажды я упрекнул ее в этом.

- Знаешь ли, Джейн, что ты обманом вытянула из меня более пятисот долларов? И ты до сих пор продолжаешь обманывать. Даже сейчас!

Она ехидно рассмеялась.

- Разве я обманываю? Когда-нибудь я дам тебе возможность выиграть.

- Но зачем ты это делаешь? - настаивал я.

- Так интереснее, - сказала она. - В противном случае играть было бы слишком скучно.

- Куда ты поедешь из Вермиллион-Сэндз? - спросил я ее.

Она посмотрела на меня с удивлением.

- Почему ты об этом спрашиваешь? Я думаю, что я никуда отсюда не уеду.

- Не дразни меня, Джейн. Ты родилась в ином мире.

- Мой отец родом из Перу, - напомнила она.

- Но не от него же ты унаследовала свой голос, - сказал я. -

Интересно было бы послушать, как поет твоя мать. У нее был лучше голос, чем у тебя, Джейн?

- Она думала, что лучше. Но отец терпеть не мог нас обеих.

В тот вечер я в последний раз видел Джейн. Перед тем, как ей отправиться в казино, мы переоделись и полчаса провели на балконе: я слушал ее голос, который подобно спектральному источнику наполнял воздух золотыми переливающимися звуками. Даже после того, как Джейн ушла, музыка осталась со мной, еле слышно кружась в темноте вокруг ее стула.

После ее ухода мне почему-то страшно захотелось спать, и в половине двенадцатого, когда она должна была появиться на сцене казино, я вышел из дома, чтобы прогуляться вдоль пляжа и выпить где-нибудь чашечку кофе.

Как только я спустился вниз, сразу услышал музыку, звучащую в магазине.

Сначала я решил, что забыл выключить один из усилителей, но я слишком хорошо знал этот голос.

Жалюзи на окнах магазина были плотно закрыты, поэтому я пошел в обход, вдоль задней стены жилого дома, и вошел внутрь через проход из гаражного дворика.

Свет был выключен, но магазин наполняло алмазное сияние, отбрасывавшее золотые огни на баки, стоявшие на прилавках. По потолку плясали струящиеся разноцветные отблески.

Я уже слышал эту музыку, но только в увертюре.

Паучья орхидея увеличилась раза в три, вылезла из-под крышки бака, листья ее распухли и свирепо шевелились.

Повернувшись в ее сторону и запрокинув голову, стояла Джейн.

Почти ослепленный светом, я подбежал к ней, схватил за руку и попытался оттащить от растения.

- Джейн! - закричал я сквозь шум. - Уходи отсюда!

Она оттолкнула мою руку. В ее глазах промелькнула тень стыда.

...Я сидел на ступеньках лестницы у входа, когда подъехали Тони и Гарри.

- Где Джейн? - спросил Гарри. - С ней что-нибудь случилось? Мы были в казино. - Они повернули головы на звуки музыки. - Что здесь происходит, черт побери?

Больше я никогда не видел Джейн. Мы втроем ждали в моей квартире. Когда музыка совсем утихла, мы спустились вниз в темный магазин. Паучья орхидея уменьшилась до обычного размера.

На следующий день она погибла.

Куда исчезла Джейн, я так и не знаю. Вскоре после этих событий Большой Перерыв закончился и началась реализация Больших Правительственных программ. Вновь пустили часы и всех заставили отрабатывать потерянное время, так что нам было не до жалости к нескольким помятым листочкам. Гарри рассказал мне, что Джейн видели по дороге на Ред-Бич, а я недавно слышал, что какая-то женщина, очень похожая на Джейн, выступает в ночных клубах по эту сторону от Пернамбуку.

Так что, если кто-нибудь из вас держит цветочно-музыкальный магазин и имеет в нем Паучью орхидею, - берегитесь златокожей женщины с глазами, похожими на насекомых. Возможно, она сыграет с вами в "и-го" и, к сожалению, обязательно смошенничает.

СПАСИТЕЛЬ

Артур Порджес

Это была самая большая и сложная машина изо всех, когда-либо созданных человеком, только комплекс - вспомогательные сооружения - занимал целых два квартала, уходя на сотни футов в глубь земли. В сердце находились пятьдесят огромных электронно-вычислительных машин. Каждую тысячную долю секунды они должны были решать тридцать тысяч частных дифференциальных уравнений. Энергия, которая требовалась этой машине, чтобы успешно работать с массой в М фунтов, определялась широко известной формулой: $E=MK^2$.

И при этом не была, как в уравнении Энштейна, скоростью света; но она, тем не менее, составляла настолько большую величину, что только один источник энергии мог использоваться в данном случае - термоядерная реакция, основанная на слиянии ядер водорода.

Проектирование машины и разработка теории ее эксплуатации заняли тридцать лет, сооружение - еще десять. Она обошлась в три миллиарда долларов, и эта сумма должна была быть погашена тринадцатью странами в течение ста лет.

Как и атомную бомбу, эту машину нельзя было испытать по частям; лишь полная, окончательная сборка позволила бы установить, чем закончится все предприятие: успехом или провалом.

В нужный момент планировалось использовать образец массой в 1 миллиграмм. Это была самая большая, сложная, дорогостоящая,

очаровательная и опасная машина, которая когда-либо была построена. А двое людей решили разрушить ее. Для этого им пришлось бы высвободить большое количество термоядерной энергии. Это был единственный выход в сложившихся обстоятельствах. Решение было принято скрепя сердце. Возможно, следовало бы связаться с властями в Вашингтоне, поскольку машина, хотя и была продуктом международного сотрудничества, территориально размещалась в Калифорнии; однако это было опасно, учитывая острую нехватку времени. Бюрократическая робость вполне могла бы послужить причиной роковой задержки. Поэтому, зная все возможные последствия, двое ученых сделали то, что, по их мнению, следовало сделать. Машина вместе с несколькими блоками вспомогательного оборудования, включая уникальные компьютеры, испарилась. Сами они спаслись на скоростном самолете.

Стенограмма предварительного слушания

Соединенные Штаты против д-ра Карнота
Соединенные Штаты против д-ра Кента
14 апреля 2015 г.
(выдержка)

Судья Кларк. Откуда этот человек мог знать правила эксплуатации машины, в то время как она никогда не испытывалась?

Доктор Карнот. Теория широко обсуждалась во многих научных изданиях и даже в научно-популярных журналах. Он же был разносторонним специалистом. Кроме того, вовсе не обязательно было понимать теорию; в ней могли разобраться не более 40-50 человек во всей стране. Он, должно быть, видел многочисленные фотографии приборов управления. Процедура запуска машины очень проста; любой инженер может управлять нониусом.

Судья Кларк. Думаю, вам следует рассказать суду обо всем, что произошло, с самого начала. Ваша непонятная скрытность вызвала множество домыслов. Вы понимаете, что, если будете признаны виновным, то предстанете перед уголовным судом ООН.

Доктор Карнот. Да, Ваша честь. Я понимаю.

Судья Кларк. Очень хорошо. Продолжайте.

Доктор Карнот. В тот вечер на объекте не было никого, кроме нас с доктором Кентом. Совершенно случайно мы решили проверить кое-какие мелкие неполадки в токоподводящих шинах. К нашему удивлению, когда мы зашли на пост управления, машина работала.

Судья Кларк. Как вы определили, что машину кто-то использует?

Доктор Карнот. Мы с доктором Кентом были невероятно поражены. Из показаний приборов мы поняли, что этот человек, кто бы он ни был, задействовал колоссальное количество эргов - то есть, энергии. Во много раз больше, чем осмелились бы использовать мы за многие месяцы. (В этот момент вставил свой вопрос сенатор Кинг.)

Сенатор Кинг. Как он попал на объект? Как насчет системы безопасности?

Доктор Карнот. Как вам известно, машина находится под международной юрисдикцией, и работы над ней финансируются ООН. Поскольку между участниками нет никакой конкуренции в военной области, работа носит чисто научный характер и ни одна страна не может быть лишена права доступа. Конечно, комплекс защищен от психически ненормальных; но этот человек работал на нем в должности техника 5-го класса и должен был знать, как обмануть инфракрасные и другие системы сигнализации.

Судья Кларк. Давайте не будем уклоняться от сути дела. То, как он попал туда, не столь уж важно в данный момент. Важно то, что вы хорошо знаете, кто он такой. Раньше же вы утверждали, что не имеете на этот счет никаких сведений. Как это прикажете понимать?

Доктор Карнот. Я был вынужден лгать.

Судья Кларк. Вынуждены?

Д о к т о р К а р н о т. Да, Ваша честь. Я надеюсь, что все прояснится чуть позднее в ходе моих показаний. Сейчас же разрешите мне объяснить, в какое затруднительное положение мы попали. Машина определенно работала, и причем с момента пуска прошло уже около 8 минут. Мы не могли быть уверены в том, что она сработает, - я имею в виду, в том объеме, который был запрограммирован незваным гостем; но теория разрабатывалась весьма тщательно, и все расчеты, на которые, как вам известно, ушли многие годы, были как следует проверены. Особенностью машины, связанной с необходимостью решения тысяч сложнейших дифференциальных уравнений, является невозможность прекращения или поворота вспять ее работы без опасности для целого штата, а возможно, еще большей территории. Сочетание колоссальных энергий и поворота пространственно-временного континуума, которое должно иметь место по теории, может уничтожить все живое на сотнях квадратных миль. По этой и другим причинам мы никогда не планировали проведение экспериментов с массами более 1 грамма.

С у д ь я К л а р к. Разъясните нам, пожалуйста. Разве нельзя было просто выключить машину? Отключить энергопитание?

Д о к т о р К а р н о т. Если теория верна, то да. Но я позволю себе провести аналогию с размыканием электрической цепи, по которой протекает ток силой в миллионы ампер: ток пробивает зазор, образуя вольтову дугу, которую очень трудно бывает погасить. В данном же случае речь идет не о миллионах ампер, а об энергии, сопоставимой с той, которую испускает большая масса солнечного вещества. Короче говоря, единственным способом предотвратить завершение этой операции было высвобождение такого количества этой энергии, которой оказалось бы достаточно для разрушения большей части комплекса. Это, по крайней мере, могло спасти населенные районы. Не забывайте, что в нашем распоряжении было всего 12 минут, чтобы выбрать направление действий.

С у д ь я К л а р к. Но вы даже не были уверены в том, что машина сработает, то есть, что он останется в живых. Тем не менее, вы намеренно стерли с лица Земли объект стоимостью три миллиарда долларов.

Д о к т о р К а р н о т. Мы просто не могли рисковать, Ваша честь. Если бы он остался в живых и успешно завершил намеченное, - всему миру грозила бы невообразимая опасность. Даже с философской точки зрения она была бы больше, чем может охватить ум человека.

С у д ь я К л а р к. Но до сих пор никто из вас обоих не разъяснил этот вопрос. Суд все еще находится в полном неведении. Кто был этот человек и что он пытался сделать?

Д о к т о р К а р н о т. До настоящего времени мы не были готовы давать показания. Но если из зала будут удалены все, кроме вас, президента и нескольких высокопоставленных официальных лиц, я постараюсь ответить на все вопросы. Все дело в том, что, как вы увидите в дальнейшем, значительная часть общественности может вполне одобрить то, что попытался совершить этот человек. Неизвестно, удастся ли убедить непрофессионалов - людей, не привыкших к научным абстракциям, - в том, какая опасность заключалась в его намерениях. Я могу лишь надеяться, что суд примет это к сведению. Я должен также дополнительно сообщить, что мы с доктором Кентом всерьез задумывались над тем, чтобы вообще отказаться от дачи дальнейших показаний, а просто-напросто признать себя виновными в умышленном разрушении машины. В таком случае, если бы вы решили передать нас для уголовного расследования в ООН, нам, возможно, пришлось бы поступить точно так же, значит ваши записи пришлось бы уничтожить. Единственной причиной, побуждающей нас давать показания, является отнюдь не стремление спасти свою жизнь, а надежда на то, что мы сможем внести свой вклад в конструирование новой машины. А также в дальнейшую разработку проблем, связанных с ее эксплуатацией. Широкой общественностью, я имею в виду.

С у д ь я К л а р к. Я должен принять вашу позицию со всей серьезностью, это очевидно. Итак, вы настаиваете на том, чтобы зал был освобожден от большинства присутствующих, а трансляция заседания прекращена? Пресса, выдающиеся ученые, сенаторы -

разве они недостаточно подготовлены для того, чтобы выслушать ваши показания?

Доктор Карнот. Я имею в виду, что чем меньше людей будут слышать меня, тем меньше вероятность нежелательной утечки информации. Я уверен, что суд придет к такому же заключению, когда выслушает мои показания до конца.

Судья Кларк. Ну, хорошо. Пусть выведут из зала суда всех присутствующих, кроме президента, членов Совета национальной безопасности и председателя Исследовательского комитета Конгресса. Все электронное оборудование будет отключено; зал будет окружен электронной завесой. Объявляется перерыв на 2 часа, до 15.00.

Предварительное слушание
(продолжение)

Судья Кларк. Мы готовы выслушать ваши показания, доктор Карнот.

Доктор Карнот. Ваша честь, могу ли я получить от вас стопроцентную гарантию, что никто за пределами этого зала не может услышать нас?

Судья Кларк. Да. Электронный занавес, который, как утверждают ваши коллеги-ученые, подавляет радиоволны любой длины, включен на полную мощность.

Доктор Карнот. Если я в ваших глазах выгляжу чрезмерно осторожным, то, как вы впоследствии убедитесь, тому есть серьезные причины.

Судья Кларк. Надеюсь. А теперь не соблаговолите ли сообщить нам, что вы на самом деле имеете в виду? Кто был этот человек? Кстати, еще не выяснили, кто он такой? Нет? И что же он такое замышлял, что вы так перепугались?

Доктор Карнот. Его имя не имеет значения; оно было в записке, которую он оставил.

Судья Кларк. В какой записке? Вы ничего не говорили о

записке. Суд старается установить личность этого человека, и все время...

Доктор Карнот. Простите меня, Ваша честь. Мы считали, что эту часть наших показаний следовало придержать до настоящего момента. Этот человек оставил записку, в которой объяснялось, что он собирался сделать с машиной времени.

Судья Кларк. Так что же?

Доктор Карнот. Он настроил машину на перемещение на две тысячи лет назад. Это потребовало огромного количества энергии. Видите ли, это зависит не только от массы, но и от времени.

Судья Кларк. Две тысячи лет!

Доктор Карнот. Совершенно верно, Ваша честь. Это само по себе очень плохо. Одно дело послать назад во времени небольшую массу или стерильное насекомое, но даже в данном случае есть трудно предсказуемые опасности. Настоящее сложнейшим образом связано с прошлым - вытекает из него, по сути дела. Это все равно, что изменить истоки реки: небольшие изменения в истоке могут повлечь за собой колоссальные последствия в устье. Даже переместить его миль на пятьдесят. А тут современный человек в мире двухтысячной давности - откровенно говоря, мы просто не можем себе представить, что он мог натворить. Кажется невероятным, что он мог изменить ваше сиюминутное бытие, и тем не менее, по теории вся наша Вселенная могла бы стать совершенно другой или просто прекратить существование. Не спрашивайте меня, где и как.

(В этот момент свой вопрос задал профессор Пирениан из Совета национальной безопасности.)

Пирениан. Почему вы с доктором Кентом не послали другого человека наперехват? Ваш посланник, несомненно, мог настроить машину так, чтобы попасть туда первым и убрать нарушителя до того, как он сможет что-либо сделать.

Доктор Карнот. Мы думали об этом даже в те несколько минут, которые были в нашем распоряжении. Но мы боялись, что весь этот мир может исчезнуть до того, как мы остановим безумца. Поверьте мне: здесь кроются умопомрачительные парадоксы; никакие матема-

тические споры не могут разрешить их, только эксперимент. Мы не могли рисковать, вот и все.

П и р е н и а н. Вы, конечно, правы. Господа, может быть, нам следует порадоваться тому, что вместо нас там оказались доктор Карнот и доктор Кент.

Д о к т о р К а р н о т. Вы до сих пор еще не представляете подлинной опасности. Все, что я изложил, применимо лишь к случайному путешествию в далекое прошлое, совершаемому из внезапного побуждения, когда у человека нет конкретных намерений. А у Майкла Наусса был свой особый план - дикий, безумный и, тем не менее, в своем роде изумительный. Такой, который безрассудно, не задумываясь о последствиях, поддержала бы мировая общественность, или, по крайней мере, значительная ее часть. Я имею в виду эту страну и государства Европы, но не Азию, в большей ее части. Кроме того, он установил нониус с абсолютной точностью, что делало его план еще более реальным.

С у д ь я К л а р к. Что же он намеревался сделать?

Д о к т о р К а р н о т. Согласно записке, этот человек захватил с собой магазинную винтовку и пять тысяч патронов. Он собирался, не более и не менее, а именно освободить Иисуса Христа из рук римских легионеров. Короче говоря, предотвратить распятие. И кто скажет, что он не добился бы своего, имея при себе современное оружие? А что тогда? Последствия могли быть ошеломляющими. Если отбросить христианскую догму, утверждающую, что Иисус должен был умереть за наши грехи, какое воздействие это оказало бы на будущее, на весь ход истории, как светской, так и религиозной? Может быть, Иисус сам не дал бы этому безумцу спасти себя, но разве можно быть уверенным в этом? Если вы спросите первого встречного сейчас, в 2015 году: надо ли нам спасти Иисуса Христа от распятия, то что он ответит? На чьей стороне он окажется? На нашей или на стороне Майкла Наусса? Вот почему мы с доктором Кентом разрушили машину, и вот почему мы сейчас стоим перед этим судом. Мы полагаем, что слушание не должно быть предано гласности. Решение за вами. Мы уже приняли свое в тот вечер.

МАРИОНЕТТ ИНКОРПОРЕЙТИД

Рэй Брэдбери

Двое мужчин среднего возраста медленно шли по вечерней улице.

- Домой? В такую рань? - удивился Смит. - Еще нет и десяти.

- Так надо, - ответил Брейлинг.

- Впервые за много лет вырвался из дому и уже не терпится обратно?

- Видишь ли...

- Все-таки как тебе удалось удрать? Десять лет я пытался вытащить тебя. Думал, посидим за бутылочкой вина, поговорим... И вот, не успели встретиться, а ты бежать!

- Не хочу искушать судьбу.

- Ты что, подсыпал жене в кофе снотворное? - не унимался Смит.

- Ну что ты! Это было бы неэтично. Подожди. Скоро все узнаешь.

Они свернули за угол.

- Не хотелось бы ворошить старое, но я, Брейлинг, честное слово, удивляюсь твоему терпению. Ты, конечно, скажешь, что я неправ, но с женой тебе явно не повезло. Что, разве не так?

- Не так.

- Но всем прекрасно известно, как она женила тебя перед самым отлетом в Рио-де-Жанейро...

- Рио... Рио... Сколько с ним было связано надежд!

- ...и как она разорвала на себе одежду, растрепала волосы и грозилась позвонить в полицию, если ты на ней не женишься.

- Она всегда была немного нервной, понимаешь, Смит.

- Но это, по меньшей мере, нечестно. Ты же не любил ее. Ты хотя бы сказал ей об этом?

- Припоминаю, что я решительно стоял на своем.

- И тем не менее женился.

- Ничего не поделаешь, нужно было думать о работе. Потом мать...отец... Они не вынесли бы скандала.

- Подумать только - десять лет! - вырвалось у Смита.

- Да... - серые глаза Брейлинга задумчиво глядели вдаль. - Но многое теперь изменится. Кажется, я дождался своего часа. Вот, смотри. - Он вытащил длинный голубой конверт.

- Что?! Билет в Рио?

- Да, наконец-то я лечу. Во вторник на ракете улетаю в Бразилию.

- Поздравляю. Слушай, а как она отнесется к этому? Вдруг поднимет хай?

- Даже не догадается, что я летал туда. Через месяц я вернусь, и никто, кроме тебя, не узнает, что я побывал в Рио.

Смит тяжело вздохнул.

- Как бы я хотел полететь с тобой.

- Смит, бедняга, видимо, и у тебя не все гладко на семейном фронте.

- Какое там гладко! Ты даже не представляешь, что значит иметь жену, для которой любовь - это все на свете. Вот уж никогда не думал, что после десяти лет замужества можно по двадцать раз звонить мужу на работу, а вечерами часами сидеть у него на коленях. В последнее время она стала совсем невыносимой. Я иногда думаю, уж не дурочка ли она у меня?

- Ты всегда был консерватором, Смит. Ну вот, мы пришли. Слушай, хочешь узнать, как мне удалось удрать?

- Как?

- Взгляни-ка вон туда.

Глядя вверх, они сквозь вечерний полумрак увидели чью-то тень в окне третьего этажа: на них смотрел мужчина лет тридцати пяти с печальными серыми глазами.

- Постой! Да ведь он как две капли воды похож на тебя! - изумился Смит.

- Шшш... - не так громко. - Брейлинг помахал ему. В ответ на это человек в окне подал рукой условный знак и исчез.

- Кажется, я схожу с ума... - начал было Смит, но Брейлинг остановил его.

- Подождем немного здесь.

Через минуту парадная дверь отворилась, и из нее вышел высокий худощавый джентльмен с усиками и тронутыми сединой висками.

- Привет, Брейлинг.

- Привет, Брейлинг.

Их сходство было просто поразительное.

Смит не верил своим глазам.

- Э...я...вы что, близнецы?

- Не совсем, - спокойно ответил Брейлинг. - Наклонись и послушай, как бьется сердце.

Смит заколебался, но потом все же приложил ухо к груди Брейлинга Второго, который безропотно стоял на месте.

ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК.

- Как? Разве это возможно?

- Как видишь.

- Разреши послушать еще раз?

ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК.

Смит в ужасе отшатнулся и заморгал глазами. Затем осторожно протянул руку и потрогал ладони и щеки искусственного человека. Они были теплые.

- Где ты его раздобыл?

- Отличная штука, а?

- Даже не верится. Так где же ты его раздобыл?

- Брейлинг Второй, дайте этому человеку свою визитную карточку.

Магическое движение - и в руке Брейлинга Второго оказалась белая карточка.

МАРИОНЕТТ ИНКОРПОРЕЙТИД ДУБЛИРУЕТ ВАС И ВА-

ШИХ ДРУЗЕЙ. НОВЫЕ ПЛАСТИКОВЫЕ МОДЕЛИ - ГУМАНОИДЫ ОБРАЗЦА 1990 ГОДА. ГАРАНТИЯ ОТ ЛЮБОГО ФИЗИЧЕСКОГО ИЗНОСА. ПРОСТЫЕ МОДЕЛИ И МОДЕЛИ ЛЮКС ПО ЦЕНЕ ОТ 7600 ДО 15000 ДОЛЛАРОВ.

- Невероятно, - прошептал Смит. - Просто невероятно!

- Все очень просто, - сказал Брейлинг.

- Конечно, - поддержал его Брейлинг Второй.

- И давно ...это у тебя?

- С месяц. Я храню его в подвале, в ящике для инструментов. Жена туда никогда не заглядывает, но на всякий случай я заказал специальный замок и ключ. С наступлением темноты я говорю жене, что у меня кончились сигареты. Спускаюсь в подвал, вытаскиваю Брейлинга Второго и отсылаю его наверх, чтобы он посидел с ней часок-другой, а сам иду гулять, как, например, сегодня.

- Потрясающе! От него даже пахнет твоими любимыми сигаретами и одеколоном.

- Ты знаешь, по-моему, все в высшей степени этично. В конце концов, что жене надо? Чтобы я всегда был при ней. Марионетку-робота невозможно отличить от живого человека, значит, я все время дома. И весь следующий месяц я буду с ней. А тем временем исполнится моя заветная мечта, и я побываю в Рио. Потом я вернусь, а Брейлинга Второго - обратно в ящик.

С минуту-другую Смит о чем-то размышлял.

- Как долго он может тебя подменять? - наконец спросил он.

- Шесть месяцев. Он сконструирован таким образом, что может делать абсолютно все - есть, спать, ходить, - все, что присуще живому человску. Ты будешь заботиться о моей жене, не правда ли, Брейлинг Второй?

- Ваша жена очень милая женщина, - ответил тот, - она мне очень нравится.

- И давно, - тут Смит почему-то весь затрясся, - ими торгуют?

- Два года, но только между нами.

- Нельзя ли... я хочу узнать, - Смит с серьезным видом взял друга

за руку. - Ты можешь сказать, где достать такого робота? Ты же не откажешь своему другу, старина?

- Пожалуйста.

Смит взял карточку и повертел ее в руке. - Спасибо. Ты не представляешь, как это много для меня значит. Теперь хотя бы деньдругой можно будет свободно вздохнуть. Моя жена так сильно меня любит, что и часа не может прожить без меня. Я сам нежно ее люблю, но кто-то хорошо сказал: "Ты неси любовь по жизни, согревая на груди. Только в страсти слишком пылкой не придет она - не жди". Вот я и хочу, чтобы ее любовь была не столь пылкой.

- Тебе повезло, по крайней мере, она тебя любит. Моя вот меня ненавидит. Думаешь, легко, когда тебя ненавидят?

- О, Нетти меня безумно любит. Я просто обязан сделать ее счастливой.

- Желаю тебе удачи, Смит. Не забывай нас, заходи, иначе у жены могут возникнуть подозрения. Да, помни, что Брейлинг Второй - это я.

- Хорошо. До свидания. И спасибо тебе. - Смит, улыбаясь, ушел.

Оба Брейлинга повернулись и вошли в дом.

* * *

Сидя в автобусе и тихонько насвистывая, Смит решил еще раз взглянуть на карточку.

В СВЯЗИ С ТЕМ, ЧТО КОНГРЕССОМ ЕЩЕ НЕ ПРИНЯТ ЗАКОН О ЛЕГАЛИЗАЦИИ МАРИОНЕТТ ИНКОРПОРЕЙТИД, УБЕДИТЕЛЬНО ПРОСИМ НАШИХ КЛИЕНТОВ ДЕРЖАТЬ ВСЕ В ТАЙНЕ, ТАК КАК ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОДУКЦИИ НАШЕЙ ФИРМЫ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ОНО БУДЕТ РАСКРЫТО

- Дела! - удивился Смит и принялся читать дальше.

КЛИЕНТЫ ДОЛЖНЫ ПРЕДСТАВИТЬ ТОЧНЫЕ РАЗМЕРЫ СВОЕГО ТЕЛА И УКАЗАТЬ ПО КОНТРОЛЬНОМУ ИНДЕКСУ

ЦВЕТ СВОИХ ГЛАЗ, ГУБ, ВОЛОС, КОЖИ И Т.Д. ВРЕМЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ВАШЕЙ МОДЕЛИ - ДВА МЕСЯЦА

- Не так уж долго, - подумал Смит. - Есть шанс, что через два месяца мои ребра и руки будут в полном порядке, и я не окажусь неблагодарным... Он перевернул карточку:

МАРИОНЕТТ ИНКОРПОРЕЙТИД СУЩЕСТВУЕТ ДВА ГОДА И ПОЛЬЗУЕТСЯ ПРЕКРАСНОЙ РЕПУТАЦИЕЙ СРЕДИ СВОИХ КЛИЕНТОВ. В НАШЕЙ РАБОТЕ МЫ РУКОВОДСТВУЕМСЯ ПРИНЦИПОМ: ЖЕЛАНИЕ КЛИЕНТА - ЗАКОН ДЛЯ НАС.

НАШ АДРЕС: САУС УЭСЛИ ДРАЙВ, 43

Автобус подъехал к остановке. Смит вышел, и, что-то мурлыча себе под нос, стал подниматься по лестнице, обдумывая на ходу план действий. "У нас с Нетти в банке лежит 15000 долларов. Я снимаю восемь тысяч, скажем...ну, не важно для чего... Марионетка-робот с лихвой отработает их. Нетти ни слова". Он отпер дверь и через минуту был уже в спальне. Там, с выражением благочестия на бледном лице, занимая собой почти всю кровать, спала Нетти.

- Нетти, дорогая, - Смит смотрел на скрытую полумраком и ничего не подозревающую жену, терзаясь угрызениями совести. - Проснись ты сейчас, и не было бы конца нашим поцелуям и воркованию. Нет, какая я все-таки свинья! Ты всегда была мне хорошей, любящей женой. Порой мне даже не верится, что ты вышла замуж за меня, а не за этого Бада Чемпена, который тебе одно время нравился. Мне даже кажется, что последнее время ты любишь меня еще больше.

На глазах у расчувствовавшегося Смита выступили слезы. Внезапно ему захотелось броситься к жене, осыпать ее поцелуями, наговорить всяких ласковых слов, а потом разорвать эту проклятую карточку и забыть...забыть обо всем. Он шагнул было вперед, но этот шаг резкой болью отозвался в боку. Смит остановился, повернулся и вышел из комнаты. Посвистывая, он вошел в библиотеку, открыл письменный стол и вытащил оттуда банковскую книжку. "Итак, восемь тысяч", - мысленно повторил он, - "...и ни цента боль... Что такое? Куда девались остальные десять тысяч?". Он

судорожно стал перелистывать книжку. "Здесь только пять. Где остальные? Хотя, кажется, я знаю, куда они ушли. Вот почему три месяца подряд она твердила мне о маленьком домике на Гудзоне. Так!.. Купила! Нетти! Проснись!"

Молчание.

- Где деньги?! - заорал он над самым ухом жены. Она порывисто дернулась во сне. Свет рекламы, вспыхнувшей за окном, осветил ее красивое лицо.

Было в ней что-то такое, что заставило сердце Смита бешено забиться. Во рту у него все пересохло. Ноги подкосились, и он рухнул на пол. "Нетти, Нетти? Где же деньги...", - и в следующую секунду страшная мысль обожгла его - она мертва, он остался один, теперь у него нет больше жены. Смиту стало страшно. Голова невольно опустилась на ее большую розовую грудь и из горла вырвался стон: "Нетти!"

ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК-ТИК

* * *

- Я рад, что он тоже будет счастлив, - произнес Брейлинг, направляясь со своим двойником к подвалу.

- Да... - рассеянно протянул Брейлинг Второй.

- А вот и твой подвал, Б-В, - Брейлинг взял его за руку и они стали спускаться по лестнице.

- Кстати, о подвале, - заметил Брейлинг Второй, когда они ступили на бетонный пол. - Я от него не в восторге, да и от этого ящика тоже.

- Ну что же. Я попытаюсь придумать для тебя что-нибудь более комфортабельное.

- Мы, марионетки, сконструированы таким образом, что постоянно должны находиться в движении, а не лежать в ящике. Вам понравилось бы все время лежать в нем?

- Э...

- Очень сомневаюсь. Вот и мне необходимо двигаться. И учтите,

меня нельзя выключить - я не какой-нибудь автомат, а самое настоящее живое существо, которое к тому же наделено чувствами.

- Но это вопрос лишь нескольких дней. Скоро я улетаю в Рио и тебе не придется лежать в ящике - ты сможешь жить наверху.

Брейлинг Второй раздраженно махнул рукой. - Но когда вы вернетесь, неплохо проведя время, мне снова туда?

- В магазине мне говорили, что я буду иметь дело с трудным экземпляром, - не выдержал Брейлинг.

- Нас еще недостаточно хорошо изучили, - заявил Брейлинг Второй. - Мы недавно поступили в продажу. И поскольку мы наделены чувствами, то мне ненавистна мысль, что в то время, как вы будете отдыхать в теплых краях, другим придется дрожать от холода.

- Я всю жизнь мечтал об этом, - прошептал Брейлинг. Он закрыл глаза и представил себе море, горы, желтый песок...волны, с шумом накатывающиеся на берег...жаркое бразильское солнце, ласкающее его голые плечи...знаменитое вино...

- Но я никогда не попаду туда, - прервал его размышления Брейлинг Второй. - Вы подумали об этом?

- Нет, я...

- Потом, вот еще что - ваша жена...

- Что моя жена? - спросил Брейлинг, стараясь незаметно приблизиться к двери.

- Она мне нравится.

- Я рад, что работа пришлась тебе по вкусу, - Брейлинг облизнул губы.

- Боюсь, вы не так меня поняли. Я думаю... я люблю ее.

Брейлинг замер на месте. - Что?!

- Я думаю, - мечтательно продолжал Брейлинг Второй, - как было бы здорово побывать в Бразилии, но я никогда не попаду туда. Но больше всего я думаю о вашей жене - я думаю, мы были бы счастливы.

- Очень...мило, - Брейлинг с невозмутимым видом направился к выходу. - Подожди здесь, пожалуйста, а? Мне нужно позвонить.

- Кому? - Брейлинг Второй нахмурился.

- Да так, ничего важного.

- "Марионетт Инкорпорейтид?" Хочешь, чтобы они приехали и забрали меня?

- Нет, нет. Ну что ты... - Брейлинг бросился к двери, но тут же двойник схватил его мертвой хваткой.

- Не двигаться!

- Убери руки!

- Ни за что.

- Ага! Так это она научила тебя этому?

- Нет.

- Но она догадалась обо всем? Она говорила с тобой? Она все знает? Отвечай?! - заорал Брейлинг, но рука двойника зажала ему рот.

- Тебе никогда этого не узнать. - Брейлинг Второй усмехнулся. - Никогда.

Брейлинг вырвался и продолжал. - Так и знай, она обо всем догадалась и обвела тебя вокруг пальца как мальчишку!

- Брейлинг, хочешь знать, что с тобой будет? Я положу тебя в этот ящик, запру его, а ключ брошу куда-нибудь подальше. Потом куплю еще один билет до Рио - для твоей жены, - невозмутимо произнес Брейлинг Второй, направляясь к двери.

- Стой! Не уходи. Давай все обсудим спокойно.

- Прощай, Брейлинг!

У Брейлинга все похолодело внутри. - Прощай? Что ты хочешь этим сказать?

* * *

Спустя десять минут миссис Брейлинг проснулась. Провела рукой по щеке, ощутив легкое прикосновение. Она вздрогнула и открыла глаза. - О, дорогой! Ты давно меня так не целовал...

- Ну что же, - послышалось тихо в ответ, - попытаюсь наверстать упущенное.

ГИПНОГЛИФ

Джон Антони

Джарис держал предмет на ладони, поглаживая большим пальцем небольшую ложбинку на полированной грани.

- Вот, - произнес он, - жемчужина моей коллекции. Для нее нет классического определения, поэтому я назвал ее гипноглифом.

- Гипноглифом? - удивился Маддик, кладя на место превосходно обработанный опал с Венеры размером с гусиное яйцо.

Джарис с улыбкой взглянул на молодого человека.

- Да, гипноглифом. Взгляните сами.

Маддик взял предмет в руку и осторожно большим пальцем провел по ложбинке.

- И это ваша жемчужина? - еще больше удивился он. - Да это же кусок дерева.

- Человека тоже можно было бы назвать куском мяса, если бы он не обладал необычными свойствами, - возразил Джарис.

Маддик, гладя ложбинку, обвел взглядом несметные богатства и восхищенно прошептал:

- Разумеется, разумеется... Тут столько всего... В жизни не видел ничего подобного!

Джарис, уловив нотки жадности в голосе молодого человека, мягко проговорил:

- Ну, вам еще жить да жить. Может и наберетесь ума-разума.

Маддик на мгновение покраснел, потом пожал плечами.

- Для чего он предназначается? - спросил он, держа предмет перед собой и наблюдая за тем, как пальцы начинают поглаживать дерево.

- Как раз для того, чем вы сейчас занимаетесь. От этой вещи невозможно оторваться. Берешь в руки и большой палец сам начинает гладить вот эту ложбинку. Просто невозможно оторваться.

- Забавная безделушка, - согласился Маддик. - Но почему такое претенциозное название?

- Претенциозное? - Скорее познавательное. Вещица, в самом деле, гипнотизирует, - он улыбнулся, наблюдая, как пальцы Маддика играют с нею. - Взять хотя бы Гейнздела, который забавлялся с подобными игрушками в конце двадцатого века. Он даже основал такую школу ваяния - "Тропизм".

Маддик опять пожал плечами, увлеченный предметом, и ответил:

- В то время каждый встречный и поперечный основывал школу...все равно чего. Боюсь, я не слышал о такой.

- Он выдвинул любопытную теорию, - продолжал Джарис, - беря в руки космический кристалл с планеты Арктур и любуясь его игрой, - утверждая, как мне кажется, не без оснований, что поверхность любого организма соответствующим образом реагирует на прикосновение. Так, кошка любит, когда ее гладят. Цветок гелиотропа поворачивается к свету...

- ...а язык любит, когда за него тянут, - съязвил Маддик. - В общем и целом, я понял, что представляет из себя тропизм. Ну и что из этого следует?

- Любопытна не сама теория, а ее приложение, - ответил Джарис, пропуская мимо ушей плоскую шутку. - Гейнздел пошел дальше других в понимании тропизма. По крайней мере, на Земле. Он доказал, что поверхность тела, любого тела, определенным образом реагирует на конфигурацию и фактуру предметов, и стал экспериментировать с малыми формами, которые, как он выразился, "призваны осчастливить многих". Таким образом, он вырезал формы для массирования шеи, лба... других частей тела. По его словам, они помогали избавиться даже от головной боли.

- Так это всего лишь древнее китайское средство, - заметил Маддик. - На прошлой неделе я как раз приобрел талисман восьмого века от ревматизма. Настоящий антиквариат.

- Гейнздел знал не только восточную клиптику, а проще говоря, - резьбу, - согласился Джарис. - Он попытался представить ее в виде ряда принципов. Он взялся за возрождение нэцкэ - полированных статуэток, которые самураи носили на поясе. Потом перешел к разным формам человека. Даже пытался изготовить воздействующие на психику ювелирные украшения и придумал браслет, который невозможно было не носить на руке, а затем перешел на конструирование кресел, невообразимо приятных для сидения.

- Целое искусство... - отозвался Маддик, не переставая крутить в руке предмет и водить по ложбинке пальцем. - И он не стал возвращаться назад? - Он улыбнулся, надеясь, что собеседник оценит его шутку, но тот никак не отреагировал.

- Это был настоящий мужчина, - серьезно произнес Джарис. - Пожалуй, именно кресла натолкнули его на хитроумные приспособления, повышающие потенцию. Правда, под давлением какой-то лиги он прекратил свои опыты, но, видите ли, у него появился младший ребенок, когда ему было уже 84 года.

- По крайней мере, практическое применение, - усмехнулся Маддик.

Джарис посмотрел на его ладонь, неотрывно гладящую гипноглиф. Казалось, что пальцы двигаются сами по себе.

- Далее, - продолжал он свой рассказ, не замечая ухмыляющегося взгляда Маддика, - настал черед спальных блоков - деревянных валиков, чем-то похожих на те, что японцы кладут под голову. По его утверждению они навевают приятные сны. Но больше всего он занимался предметами для рук, подобно тому, как японские резчики в конце концов остановились на нэцкэ. Это и понятно, - ведь рука не только простой орган осязания, данный нам природой. Она еще передает множество самых приятных ощущений через фактуру и массу предметов.

Джарис положил на место космический кристалл и встал, продолжая наблюдать за Маддиком.

- Подобно тому, чем вы сейчас занимаетесь, Гейнздел стремился найти такую форму, перед которой не смогла бы устоять рука человека.

Маддик взглянул еще раз на предмет, лежащий у него на руке. Не останавливаясь ни на секунду и словно уже не подчиняясь мозгу, пальцы все гладили и гладили гипноглиф.

- Должен признаться, что мне приятно, хотя сказано слишком сильно. Вы же не будете утверждать, что удовольствие абсолютно не преодолимо. Не управляй мы нашими страстями и желаниями, сейчас вцепились бы друг другу в горло ради этой штуковины, а?

- Может быть, это потому, что он мне нужен меньше, чем вам, - тихо ответил Джарис.

Маддик медленно оглядел комнату, забитую сокровищами со всех уголков Галактики.

- Скорее, это потому, что вы, черт возьми, можете себе позволить такое, - резко ответил он, но, почувствовав свою нетактичность, тут же переменил тему разговора.

- Как вышло, что вы стали коллекционировать только вещи внеземного происхождения?

- По странному совпадению, - ответил Джарис. - Вернее, по одному из странных совпадений. То, что у вас в руке, действительно внеземного происхождения.

Джарис закурил отвратительную манильскую сигару и, выпустив струйку дыма, сказал:

- Пожалуй, лучше всего начать с самого начала.

- Я так и знал, - улыбнулся Маддик. - Вы, коллекционеры, все одинаковы. Я не встречал еще такого, который бы не любил рассказывать байки. Может, этим объясняется страсть к коллекционированию?

- Профессиональное заболевание, - усмехнулся Джарис. - Мы коллекционируем, чтобы рассказывать байки, или рассказываем байки, чтобы коллекционировать? Вдруг вы заслушаетесь, и я при-

общу вас к своей коллекции? Но, прошу, садитесь, я с удовольствием расскажу. Знаете, новые слушатели - новые возможности.

Он жестом указал на кресло, украшенное искусной резьбой по кости, поставил перед Маддиком коробку с сигарами, нюхательный табак и графин дунайского коньяка, а сам уселся за письменный стол.

- Думаю, - начал он после традиционной паузы, без которой никогда не обходился ни один рассказчик, - эта вещь дорога мне тем, что я привез ее из последнего полета в глубины космоса. Нетрудно заметить, - беспечно добавил он, махнув рукой, - я сделал ошибку, вернувшись домой богатым. Я убил в себе жажду странствий, и вот теперь прикован к Земле собственной жадностью.

Маддик слушал, не переставая поглаживать гладкую ложбинку.

- Мне кажется, быть чудовищно богатым - не самая плохая участь, которую можно вообразить.

Но Джарис его уже не слышал, находясь во власти повествования. - Я искал космические кристаллы в районе звезды Денеб Кайтос и наткнулся на настоящее "золотое дно" - пояс астероидов, прямо-таки заваленный первоклассным материалом. Мы нагрузили наш корабль так, что могли бы купить две Земли, и хотели было лететь обратно, но обнаружили у Денеба Кайтос планетную систему. До нас в этом районе побывали и другие экспедиции, но ни одна не обнаружила эту систему. А мы только думали о том, чтобы набить кристаллами трюмы, и не очень-то глазели по сторонам. Потом, однако, я понял, что пояс астероидов - никакой не пояс, а разрушенная на куски планета, вращающаяся вокруг Солнца. Да еще какие куски! На 8% - чистые алмазы! Мы попали на основной пласт.

Быстро проведя топографическую съемку, мы решили высадиться на ДК-8, чтобы взять образцы пород и собрать данные о формах жизни. На ДК-6 имелись определенные признаки зарождения жизни - и только, тогда как на ДК-8 вероятность обнаружения жизни могла оказаться очень высокой. Настолько высокой, что мы могли бы претендовать на премию Федерации, хотя о какой премии может идти речь, если мы запаслись алмазами. Впрочем, дело не в кри-

сталлах, а в том, что после нашего сообщения туда можно было бы отправить "Колумба". Короче говоря, мы очутились на ДК-8. Предмет, который вы держите, оттуда. Между прочим, он для охоты.

- Охоты? - удивился Маддик. - Своего рода камень для пращи, из которой Давид убил Голиафа?

- Нет. Это силок. Туземцы ими ловят животных.

Продолжая гладить безделушку, Маддик недоуменно уставился на него.

- Не может быть? То есть их оставляют и ждут, пока не облепят термиты, а потом поедают насекомых? Правильно?

- В космосе происходят странные вещи, - несколько жестко произнес Джарис. - Вы еще молоды. У вас все впереди. Взять к примеру эту игрушку. Вы не поверите - она основа целой культуры. Вы просто не сможете поверить.

Маддик улыбнулся, как бы говоря: "Кто поверит в такую ерунду". Вслух же он сказал:

- Рассказ есть рассказ. Выслушаю охотно.

- Да... - задумчиво протянул Джарис, - он кажется невероятным... В некотором роде в нем отразился весь космос: невероятное поджидает на каждом шагу, и ты потом забываешь, что такое норма. Вот тогда и становишься настоящим космонавтом.

На секунду он замолчал, любуясь переливающейся всеми цветами радуги коллекцией.

- Но давайте вернемся к ДК-8. Как только приборы указали, что на этой планете есть разумная жизнь, мы сразу представили себе подобных. Раньше было принято считать, что разум проявляется лишь у приматов и им подобных. Если у существ нет рук, приспособленных для хватания, и надбровных дуг, то разум не будет развиваться. Обезьяне нижние и верхние конечности потребовались для прыжков с ветки на ветку, а глаза - для измерения расстояния между ними; таким образом, она приспособилась к окружающей среде. Постепенно рука стала брать предметы, а глаз разглядывать их вблизи, потом обезьяна начала их хватать и рассматривать. Так у нее возникла мысль. На следующем этапе разви-

тия были применены орудия. Копытные не смогли ими воспользоваться в течение миллиарда лет, так как не могли это сделать. Отсюда, тем не менее, вытекает, что могли появиться разумные ящерицы, но не появились. Наверное, у них нервная система оказалась недостаточно развита.

Джарис остановился, чувствуя, что в пылу полемики отвлекся.

- Вот что значит долго не быть дома, - улыбаясь произнес он. - Именно такие дискуссии разгораются в космосе, - его голос вновь смягчился. - Да...так я говорил о том, что мы ожидали встретить себе подобных, раз появились такие данные...

- Странно, я никогда не слышал об этом, - перебил его Маддик. - Хотя внимательно слежу за периодикой. Такое событие и...

- Дело в том, - в свою очередь перебил собеседника Джарис, - что мы ничего не сообщали.

Маддик даже вскрикнул от удивления.

- Боже мой! И вы так спокойно говорите об этом? Да мне ничего не стоит сообщить о вашем поступке на космическую базу Федерации. Уж там вам прочистят мозги, - он еще раз окинул взглядом комнату, как бы прицениваясь к ее сокровищам, и поспешно добавил, - если, конечно, вам можно верить.

Джарис откинулся в кресле и долго так сидел, погрузившись в размышления. Наконец, он приглушенно произнес:

- Это уже не имеет значения. А потом, - он хитро сощурился, - вы же сами заявили, что не верите мне.

Маддик взглянул на свою руку, неустанно поглаживающую полированные грани гипноглифа. Большой палец, ни на секунду не останавливаясь, скользил взад-вперед по гладкой выемке. Исподлобья он посмотрел прямо в глаза Джарису.

- Разве? - спросил он, в который раз оглядывая богатую коллекцию и останавливаясь на стеллаже с кристаллами из далеких миров.

Джарис заметил это и улыбнулся.

- Я часто задумываюсь, почему меня никто не шантажирует. Для них - это прекрасная возможность.

Маддик быстро отвел взгляд в сторону.

- Не хотят, скорее всего, верить.

- О, эти вечные сомнения! - воскликнул Джарис. - А как вы отнесетесь к тому, если я сообщу, что сходство землян с жителями ДК-8 настолько велико, что они могут вступать в брак?

Маддик замолчал, не сводя глаз с пальцев, поглаживающих со всех сторон магический предмет. Потом тряхнул головой, стараясь отогнать какую-то навязчивую мысль, и ответил:

- Вот сейчас верю. Странно... но верю, хотя должен доказывать невозможность этого. Послушайте, - внезапно вспылил он, - к чему вся эта болтовня, - но тут же взял себя в руки и спокойно продолжал. - Ну, хорошо... да, конечно... Я верю... Боже мой! Наверное, я схожу с ума... но верю...

- Настолько, чтобы выдать меня полиции?

Маддик густо покраснел и промолчал.

- Учтите, там тоже заявят, что это невозможно. На этом все дело и закончится, - улыбнулся Джарис. - Жаль, правда? - устало спросил он. - Да... такая великолепная возможность для шантажа, - он замолчал, потом мягко добавил. - Впрочем, к тебе это не относится, сынок.

Совершенно спокойным и даже безразличным тоном Маддик спросил, привычно поглаживая гипноглиф:

- Вы угрожаете?

Джарис покачал головой.

- Сожалею, - он выпустил облачко дыма и энергично продолжал. - Потом еще учтите, аргументы против такой возможности слишком весомы. Формы жизни, относящиеся к расходящимся ветвям эволюции, могут скрещиваться только в том случае, если они располагают не слишком отдаленным предком. Лев и тигр, например, или лошадь и осел. Это условие не распространяется на конвергентные формы... Где-то в космосе могли появиться виды, напоминающие человека с совершенно другой физиологией и биохимией, но потом оказалось, что земляне могут вступать в брак с женщинами

ДК-8. В это трудно поверить, сидя здесь, в этой комнате, но в глубоком космосе, повторяю, всякое возможно.

- Всякое возможно... - тихо повторил Маддик, продолжая плавно и с наслаждением поглаживать отполированный предмет.

Джарис понимающе кивнул.

- У вас все впереди. Если успеете прежде побывать... Но вернемся к нашей планете. В сущности, ее жители отличаются от землян только отсутствием волосяного покрова и особым строением кожи, поскольку там очень плотная и горячая атмосфера с высоким содержанием СО и вечными туманами, сквозь которые редко пробиваются солнечные лучи. В общем плане - сплошные тропики. Следовательно, фауне, из которой развились разумные существа, не требовались волосы. Они просто неизвестны там. Взамен у этих существ появилась кожа, чрезвычайно чувствительная даже к самым слабым лучам солнца. У них такая нежная и бледная кожа, что на Земле они погибли бы от ожогов через несколько минут.

Джарис сделал несколько затяжек и стал рассказывать дальше:

- Природа всегда стремится убить одним выстрелом сразу двух зайцев. К примеру, рука, приспособленная для хватания, может найти совершенно другое применение. Вот и чрезвычайно чувствительная кожа обитателей ДК-8 первоначально предназначалась для того, чтобы поглощать как можно больше света, но со временем у них выработалось исключительно обостренное чувство осязания. Это справедливо и в отношении животных. Их тропизм фантастическим образом доминирует над всеми остальными рефлексами. Начни какое-нибудь животное гладить одну вот такую безделушку, которая у вас в руке, и его уже не остановить.

Маддик улыбнулся, уставившись вдаль, мягко водя большим пальцем по выемке вверх-вниз, вверх-вниз.

- Можно сказать, - продолжал Джарис, - что туземцы развили науку осязания до невообразимых высот. Энергию, которую мы затратили на совершенствование орудий труда, они вложили в эту науку. По нашим меркам это довольно отсталое общество: косный племенной матриархат...всего несколько простейших орудий,

пользоваться которыми могут только женщины, да и то лишь из особого клана. Остальные женщины отдыхают на искусно устроенных горных террасах, где они лежат, впитывая солнечную энергию, или изготавливают амулеты, предназначенные для гипноза и удовлетворения осязательных ощущений.

- От такой жизни, - голос Джариса звучал мягко, как бы издалека, - они делаются невероятно тучными. Сперва мы испытывали к ним отвращение, но потом поняли, что иначе там не выживешь. Таким образом больше поглощается солнечной энергии. Они так умело регулируют процессы, происходящие в коже, что, как это ни покажется странным, сохраняют привлекательность.

Он откинулся назад и, прикрыв глаза, прошептал:

- Просто изумительно, - затем неожиданно усмехнулся, - вы спросите, каким образом практически голыми руками они обрабатывают такое твердое дерево. Если присмотреться, то можно обнаружить, что предмет совершенно лишен текстуры. Фактически это не дерево, а огромное семя, что-то вроде ореха авокадо. Как известно, сорванный авокадо мять так же легко, как глину, но когда он засохнет, становится чрезвычайно твердым. Чрезвычайно.

- ... Чрезвычайно, - согласился Маддик.

- Как я говорил, женщины клана изготавливают эти предметы, а мужчины ставят в лесу. Конечно, сильный пол там весьма тщедушный, и погиб бы с голоду, если бы полагался во время охоты только на свои мускулы и отвагу, не будь этих хитроумных приспособлений. Животные, в которых очень сильно развита способность к осязанию, бродят по лесу, натыкаются на них, начинают гладить, и потом больше не могут остановиться. Мужчинам даже не надо их убивать. Этим занимается высшая каста женщин. Они просто ждут, когда животное дойдет до кондиции, а затем ведут на бойню, под гипнозом, конечно.

- Конечно, - отозвался Маддик, ритмично и плавно водя пальцем по граням и ложбинке.

- Вам следует знать, - заметил Джарис с оттенком триумфа в голосе, скрытого за безукоризненной вежливостью, - что на мужчин

время от времени находят необъяснимые приступы непокорности. Вот почему их гипнотизируют почти с самого рождения. Эта традиция насчитывает много веков. К несчастью, природа и здесь сыграла злую шутку. Если биологический вид находится в состоянии бездеятельности слишком долго, он перестает развиваться. Гипноз на протяжении нескольких поколений почти вытравил у мужчин желание продолжения рода. Это подобно медленному исчезновению генов. Когда мы высадились на ДК-8, там едва хватало мужчин, чтобы расставлять силки.

Он наклонился вперед и, улыбнувшись, доверительно сообщил:

- Можете представить, каким бесценным подарком оказался наш экипаж для вождей племени, когда стало ясно, что мы можем скрещиваться с местными женщинами - новое начало... новая кровь...

Наступила небольшая пауза, потом Джарис продолжал ровным сухим голосом.

- Думаю, вы поймете, почему я вернулся один... единственный мужчина, который вырвался с ДК-8. Впрочем, - прибавил он, - в некотором роде и не вырвался.

- ... и... не... вырвался... - выдавил из себя Маддик.

Джарис удовлетворенно кивнул, обогнул стол и, подойдя к Маддику, выпустил клубы дыма в его широко раскрытые глаза. Тот даже не шелохнулся, уставившись в одну точку. Лишь пальцы правой руки продолжали двигаться, любовно гладя полированный предмет, а большой палец плавно скользил по ложбинке.

Джарис выпрямился, с грустной улыбкой на губах достал из стола колокольчик и позвонил.

Через минуту дверь полутемного алькова отворилась, и в проеме возникло нечто огромное и бледное.

- Он готов, дорогая.

ЧУЖАЯ АГОНИЯ

Гарри Гаррисон

Где-то вверху, в вечных облаках планеты Вескеров, загрохотал гром, который постепенно усиливался. Услышав его, коммивояжер Джон Гарт остановился; пока его ботинки погружались в грязь, он приложил руку к здоровому уху, чтобы получше слышать. Звук то затухал в плотной атмосфере, то нарастал, постепенно становясь все громче.

- Этот звук точно такой же, как у твоего космического корабля, - сказал Итин с бесстрастной вескерской логикой, медленно разделяя мысль на части и тщательно анализируя их по отдельности. - Но твой корабль все еще стоит там, где ты его оставил. Должен стоять, даже если мы не видим его, поскольку ты один умеешь им управлять. Даже если бы кто-нибудь еще умел управлять им, мы бы услышали шум от звездолета. Поскольку мы его не слышали, и если этот звук есть звук космического корабля, это должно означать...

- Да, еще один корабль, - сказал Гарт, будучи слишком поглощенным собственными мыслями, чтобы ждать завершения тяжелой цепи вескерской логики. Конечно же, это был еще один космический корабль. Появление нового корабля было делом времени. Этот же, несомненно, совершал посадку, ориентируясь по радарному отражателю, как и его собственный корабль, который, должно быть, четко выделялся на экране пришельца; возможно, тот сядет как можно ближе к нему.

- Отправляйся к своим, Итин, - сказал Гарт. - Лучше по воде, чтобы побыстрее добраться до деревни. Скажи всем, чтобы спрятались в болотах, подальше от твердой почвы. Этот корабль садится по приборам, и тот, кто окажется под ним, изжарится живьем.

Грозящая опасность была вполне понятна маленькой вескерской амфибии. Не успел Гарт договорить до конца, как перепончатые уши Итина сложились, подобно крыльям летучей мыши, и он молча скользнул в ближайший канал. Гарт захлюпал дальше по вязкой грязи, стараясь передвигаться как можно быстрее. Только он добрался до края деревни, как громыхание перешло в оглушительный рев и из нависающих над землей облаков появился космический корабль. Гарт прикрыл глаза от нисходящего яркого языка пламени и всмотрелся в увеличивающиеся контуры корабля со смешанным чувством.

Прожив почти целый земной год на планете Вескер, он почувствовал, что ему приходится перебарывать в себе тоску по хоть какому-нибудь человеческому общению. Пока этот давно похороненный отголосок стадного чувства звал его присоединиться к другим членам обезьяньего племени, ум торговца деловито подводил черту под колонкой цифр и подсчитывал итог. Это вполне мог быть корабль другого торговца; в таком случае его монополии на торговлю на Вескере пришел конец. Однако это мог оказаться вовсе не коммивояжер, и потому Гарт остался в тени гигантского папоротника и расстегнул кобуру пистолета.

Корабль подсушил сотню квадратных метров грязи, рев затих и посадочные опоры с треском проломили хрустящую грязевую корку. Металл заскрипел и встал на место; облако дыма и пара медленно поплыло во влажном воздухе.

- Эй, Гарт, обманщик туземцев и вымогатель, где ты? - проревел громкоговоритель корабля. Очертания аппарата были едва знакомы, но скрежещущие нотки в голосе узнавались безошибочно. Выходя из-под папоротника, Гарт изобразил на лице улыбку и пронзительно свистнул, положив два пальца в рот. Из кожуха на

стабилизаторе корабля появился направленный микрофон и повернулся в его сторону.

- Что тебе здесь надо, Сингх? - прокричал он в сторону микрофона. - Ты что, совсем потерял совесть? Не можешь найти себе планету и прилетаешь сюда, чтобы присвоить прибыль честного торговца?

- Честного?! - взревел усиленный голос. - И это я слышу от человека, который во всех тюрьмах побывал. Прости, друг детства, но я не могу составить тебе компанию по эксплуатации этого источника заразы. Я направляюсь в мир с более приятной атмосферой, где меня ждет удача. Я остановился здесь лишь потому, что представилась возможность сделать доброе дело - подвезти пассажира. Я привез тебе друга, прекрасного товарища, человека, занимающегося совсем другим делом, но могущего оказать тебе помощь и в твоем занятии. Я бы вышел сам поприветствовать тебя, если бы потом не пришлось дезинфицироваться. Я выпускаю пассажира через шлюз и потому надеюсь, что ты поможешь ему с багажом.

"По крайней мере, на планете не будет еще одного торговца, - об этом можно не беспокоиться", - подумал Гарт. Однако он все равно хотел узнать, что за человек может лететь в один конец на безлюдную планету. И что скрывалось за сдержанной насмешкой в голосе Сингха? Он обошел корабль, подошел к спущенному трапу и взглянул вверх на мужчину в грузовом шлюзе, который неуклюже возился с громоздким ящиком. Человек обернулся, Гарт увидел высокий жесткий воротник священника и тут же понял, почему насмехался Сингх.

- Что Вам здесь нужно? - спросил Гарт. Хотя он и старался сдерживать себя, эта фраза вырвалась у него непроизвольно.

Человек, даже если и заметил это, то не подал виду, так как продолжал доброжелательно улыбаться, и протянул руку, спускаясь по трапу.

- Отец Марк, - представился он, - из миссионерского общества Братьев. Очень рад...

- Я спрашиваю, что Вам здесь нужно? - сейчас голос Гарта был

холоден и спокоен. Он знал, что надо было делать. Сейчас или никогда.

- По-моему, это очевидно, - все еще добродушно сказал отец Марк. - Наше миссионерское общество впервые собрало средства на посылку духовных эмиссаров в другие миры. Мне повезло...

- Собирайте свой багаж и возвращайтесь на корабль. Вы здесь не нужны и у Вас нет разрешения на посадку. Вы станете здесь помехой; кроме того, на Вескере нет никого, кто мог бы позаботиться о Вас. Возвращайтесь на корабль.

- Я не знаю, кто Вы такой, сэр, и почему Вы мне лжете, - произнес священник. Он все еще выглядел спокойным, но улыбка исчезла с его лица. - Я хорошо изучил галактическое право и историю этой планеты. Здесь нет болезней и животных, которых следует опасаться. Кроме того, это открытая планета, и пока Космическая инспекция не изменит ее статус, я буду иметь такое же право находиться здесь, как и Вы.

Священник, конечно, был прав, но Гарт не мог позволить ему воспользоваться своими правами. Он блефовал, надеясь на неосведомленность священника. Однако тот хорошо знал свои права. Гарту оставалась единственная возможность, причем самая неприятная, и он решил, пока не поздно, воспользоваться ею.

- Возвращайтесь на корабль! - прокричал он, не скрывая на этот раз своего гнева. Спокойным движением он вынул из кобуры пистолет и направил изъеденный коррозией черный ствол так, что он оказался всего в нескольких дюймах от живота священника. Тот побелел, но не двинулся с места.

- Что ты делаешь, Гарт, черт побери! - заскрежетал из динамика ошарашенный голос Сингха. - Парень оплатил проезд, и ты не имеешь никакого права прогонять его с планеты.

- У меня есть такое право, - произнес Гарт, поднимая пистолет и целясь в переносицу священника. - Даю ему 30 секунд, чтобы вернуться на корабль, или я нажимаю на спусковой крючок.

- Ну, я думаю, что ты либо сошел с ума, либо шутишь, - проскрежетал над ними голос Сингха. - Если это шутка, то плохая, но в

любом случае у тебя ничего не выйдет. В эту игру можно играть вдвоем, но у меня лучше получится.

Раздалось урчание тяжелых подшипников и четырехствольная турель, размещенная на боку корабля, повернулась и нацелилась на Гарта.

- А сейчас опусти оружие и помоги отцу Марку с багажом, - скомандовал громкоговоритель, и в голосе Сингха вновь зазвучали нотки юмора. - Даже если бы я хотел помочь тебе, старый друг, то не смог бы. Думаю, тебе пора поговорить со святым отцом; в конце концов, у меня-то была возможность беседовать с ним всю дорогу от самой Земли.

Гарт засунул пистолет обратно в кобуру со жгучим чувством поражения. Отец Марк шагнул вперед, на его лице вновь вспыхнула победная улыбка, он вынул из кармана сутаны библию и поднял руку для благословения.

- Сын мой, - изрек он.

- Я не твой сын, - только и смог выдавить из себя Гарт, в то время как досада от понесенного поражения захлестнула его. В гневе он занес кулак и не успел сделать ничего, кроме как разжать его; в результате у него получился удар ладонью. Тем не менее, священник упал наземь, а книга, шурша страницами, шлепнулась в густую грязь.

Итин и другие вескеры наблюдали за происходящим с внешне бесстрастным спокойствием, и Гарт даже не пытался отвечать на их безмолвные вопросы. Он направился к дому, но, заметив, что они не двигаются с места, обернулся.

- Прилетел новый человек, - сказал он им. - Ему надо помочь с вещами, которые он привез с собой. Если у него не найдется для них помещения, положите их в большой склад, пока он не соорудит себе жилище.

Он смотрел, как они шли вперевалку через пустошь к кораблю, потом зашел в дом и от злости хлопнул дверью с такой силой, что дверная коробка треснула; это принесло ему некоторое удовлетворение. Не меньшее удовольствие он получил после того, как открыл

одну из оставшихся бутылок ирландского виски, которые он приберегал для особого случая. Впрочем, этот случай был особым, хотя и не совсем в том смысле, как он предполагал ранее. Виски был неплохим и частично смыл горечь во рту, хотя и не всю. Если бы его тактика сработала, успех бы оправдал все. Но он потерпел неудачу и, кроме боли неудачи, остро переживал, что остался в дураках. Сингх улетел не попрощавшись. Он не сказал, что уяснил из всего происшедшего, хотя, несомненно, не преминет рассказать несколько необычных историй своим коллегам. Впрочем, об этом можно побеспокоиться, когда он в следующий раз будет наниматься на работу. Сейчас же следует уладить отношения с миссионером. Взглянув сквозь толщу падающего дождя, он увидел, как тот пытается поставить разборную палатку, в то время как все население деревни стоит ровными рядами и наблюдает. Естественно, никто из них не предложил свою помощь.

Когда палатка была, наконец, поставлена, а ящики и коробки уложены внутри, дождь прошел. Уровень жидкости в бутылке существенно понизился, и посему Гарт чувствовал себя более подготовленным к неминуемой встрече. По правде говоря, он с нетерпением ждал возможности объясниться с этим человеком. Если отвлечься от этого грязного инцидента, после целого года одиночества любое человеческое общение покажется хорошим. "Не хотите ли отобедать со мной сейчас? Джон Гарт", - написал он на оборотной стороне старого счета. Но, может быть, миссионер слишком перепугался, чтобы осмелиться придти? В таком случае завязать какие-нибудь отношения будет вовсе невозможно. Порывшись под койкой, он нашел достаточно вместительную коробку и положил в нее пистолет. Итин, конечно же, ждал за дверью, поскольку сегодня была его очередь дежурить собирателем знаний. Гарт передал ему записку и коробку.

- Передай, пожалуйста, эти вещи новому человеку.

- Нового человека зовут Новый Человек? - спросил Итин.

- Нет, конечно! - раздраженно произнес Гарт. - Его зовут Марк.

Но я прошу тебя всего-навсего доставить это, но не вступать в разговор.

Как бывало всегда, когда Гарт терял самообладание, понимающие все буквально вескеры перехватили инициативу.

- Ты просишь не вступать в разговор, - медленно сказал Итин, - но Марк может захотеть вступить в разговор. Кроме того, другие спросят у меня его имя, а если я не знаю его и.., - голос оборвался, когда Гарт захлопнул дверь. Это, однако, не помогало в долгосрочном плане, поскольку когда он видел Итина в следующий раз, монолог начинался с того самого слова, на котором он закончился в предыдущий раз, и мысль с грехом пополам доползала до своего конца. Гарт выругался про себя и налил воды в две банки с наиболее вкусными концентратами, которые он оставил на столе.

- Войдите, - сказал он, когда в дверь негромко постучали. Вошел священник и протянул ему коробку с пистолетом.

- Спасибо Вам за это, мистер Гарт, я ценю Вашу доброту. Я не имею понятия о том, что вызвало этот несчастный инцидент, но думаю, что о нем лучше позабыть, раз уж мы собираемся жить вместе на этой планете.

- Хотите выпить? - предложил Гарт, беря коробку и указывая на стоящую на столе бутылку. Он налил два бокала до краев. - Я тоже так думаю, но все же должен объяснить, что произошло там. - Он сердито заглянул в бокал, потом поднял его. - Вселенная велика, и нам следует изо всех сил стремиться разобраться в ней. За здравый смысл.

- Да поможет Вам Бог, - сказал отец Марк, также поднимая бокал.

- Только не мне и не этой планете, - твердо возразил Гарт. - В этом-то вся сложность, - он наполовину осушил бокал и вздохнул.

- Вы это говорите, чтобы шокировать меня? - с улыбкой спросил священник. - Уверяю Вас, что ничего не выйдет.

- Я не собираюсь Вас шокировать. Я имел в виду буквальное значение. Я тот, кого бы Вы назвали атеистом, причем такой убежденный, что религия меня вовсе не интересует. До сих пор эти туземцы, простые и неграмотные существа из каменного века, ус-

пешно обходились без суеверий или даже следов деизма. Я надеялся, что они так и будут жить дальше.

- Что вы говорите? - нахмурился священник. - Вы имеете в виду, что у них нет ни богов, ни веры в загробную жизнь? Они умирают?..

- Они умирают и обращаются в прах, как и все другие живые существа. У них есть гром, деревья и вода без богов-громовержцев, ни духов деревьев, ни русалок. У них нет безобразных божков, табу или заклинаний, мучающих их и укорачивающих им жизнь. Они - единственный примитивный народ из когда-либо встреченных мною, который совершенно свободен от предрассудков и поэтому гораздо более счастлив и разумен. Я просто хотел оставить все как есть.

- Вы хотели не допустить их к Богу?.. к спасению? - глаза священника округлились, и он слегка отпрянул назад.

- Нет, - сказал Гарт. - Я хотел удержать их в стороне от предрассудков до тех пор, пока они не накопят побольше знаний и не смогут реалистично обдумать все без опасности быть охваченными или даже уничтоженными суевериями.

- Вы оскорбляете церковь, сэр, приравнивая ее к предрассудкам...

- Пожалуйста, не надо теологических споров, - сказал Гарт, поднимая руку. - Не думаю, что ваше общество оплатило счет за эту поездку лишь для того, чтобы попытаться обратить в веру меня. Примите как данное то, что мои убеждения являются результатом многолетних размышлений, и никакая школярская метафизика не изменит их. Я обещаю не пытаться разубедить Вас, если Вы не будете разубеждать меня.

- Хорошо, мистер Гарт. Как вы напомнили мне, моя миссия заключается в спасении этих душ, и именно это я должен делать. Но почему моя работа так раздражает вас, что вы пытаетесь помешать моей посадке? Даже угрожаете мне пистолетом, и... - священник замялся и уткнулся в бокал.

- И даже бью Вас? - закончил за него Гарт, внезапно помрачнев. - Этому действительно нет оправдания, и я прошу простить меня. Это все дурные манеры и еще более дурной характер. Поживете

достаточно долго в одиночестве и сами будете поступать точно так же, - он задумчиво склонился над своими руками, лежащими на столе, словно изучая прошлое по шрамам и мозолям на них. - Назовем это разочарованием за неимением лучшего слова. В Вашем деле, должно быть, приходится частенько заглядывать в темные уголки человеческого сознания, и Вы должны знать кое-что о таких вещах, как мотивы поведения и счастье. Всю жизнь я был слишком занят, не мог даже подумать о том, чтобы остепениться, завести семью, и до настоящего времени я совсем не жалел об этом. Может быть, рассеянная радиация размягчает мои мозги, но я начал считать этих покрытых мехом рыбообразных существ кем-то вроде собственных детей и чувствовать свою ответственность за них.

- Мы все дети Всевышнего, - тихо произнес отец Марк.

- Ну, некоторые из его детей даже не подозревают о его существовании, - сказал Гарт, внезапно рассердившись на самого себя за то, что позволил овладеть собой нежным чувствам. Впрочем, он сразу же забыл о себе, наклонившись вперед в порыве гнева. - Как Вы не можете понять, насколько все это важно. Поживите немного с этими вескерами и обнаружите простую и счастливую жизнь, которая вполне соответствует тому состоянию благочестия, о котором Вы все время говорите. Они получают удовольствие от жизни, не нанося никому вреда. По стечению обстоятельств они развивались на почти бесплодной планете, и поэтому у них не было возможности создавать материальную культуру каменного века. Но умственно они столь же развиты, как и мы, а может быть даже превосходят нас. Все они выучили наш язык, так что я могу запросто объяснить им многое из того, что они желают знать. Знание и получение знаний доставляет им настоящее удовлетворение. Порой у них появляется склонность донимать вас расспросами, поскольку каждый новый факт, узнаваемый ими, должен быть привязан к общей системе знаний, но чем больше они узнают, тем быстрее идет этот процесс. Когда-нибудь они сравняются с людьми во всех отношениях, может быть, даже превзойдут нас. Если...Не окажете ли мне одну услугу?

- Все, что в моих силах.

- Оставьте их в покое. Или обучите их, если вы обязаны заниматься этим, истории и естественным наукам, философии, юриспруденции, - всему, что поможет им при встрече с реальностями большой Вселенной, о существовании которой они даже не подозревали. Но не запутывайте их вашими рассуждениями о ненависти, боли, вине, грехе и наказаниях. Кто знает, какой вред...

- Вы оскорбляете меня, сэр! - оборвал его священник, вскакивая из-за стола. Его седая макушка еле-еле доходила до массивного подбородка Гарта, но он бесстрашно бросился защищать свои убеждения. Гарт, тоже встав на ноги, перестал изображать из себя кающегося грешника. Они в исступленном упрямстве стояли друг против друга, как всегда поступали люди, защищающие то, что, по их мнению, является правым делом.

- Это Вы меня оскорбляете! - вскричал Гарт. - Что за самомнение - верить в то, что ваша несчастная вторичная мифология, чуть-чуть отличающаяся от многих тысяч ей подобных, все еще отягощающая людей, может сделать что-нибудь, кроме внесения путаницы в их пока еще свежее сознание! Разве Вы не понимаете, что они верят в правду и никогда не слышали о такой вещи, как ложь. Им еще не внушили понимание того, что другие умы могут думать иначе, нежели они. Оставьте им это...

- Я исполняю свою обязанность, которая есть воля Всевышнего, мистер Гарт. Здесь есть божьи твари, и у них есть души. Я не могу уклоняться от исполнения своего долга, который заключается в том, чтобы нести им слово божье, дабы они могли получить спасение и достичь царствия небесного.

Священник приоткрыл дверь, та порывом ветра широко распахнулась. Когда он исчез в бушующей темноте, дверь осталась раскачиваться из стороны в сторону, и с ветром в комнату залетали дождевые капли. Сапоги Гарта оставили на полу грязные следы, когда он подошел, чтобы закрыть дверь. За дверью он увидел Итина, который терпеливо и безропотно сидел на ветру, надеясь, что Гарт

задержится на минуту и поделится с ним крупицей чудесных знаний, которых у него так много.

По молчаливому согласию они больше не упоминали о том самом первом вечере. После нескольких дней в одиночестве, особенно тяжелых из-за того, что оба знали о близости друг друга, они обнаружили, что разговаривают на тщательно выбранные нейтральные темы. Гарт медленно упаковывал и прятал свои запасы, так и не признавшись, что работа была закончена, и он может улетать. У него было достаточно собрано лекарственных трав и других растений, которые можно было бы неплохо продать. А вескерские ремесленные изделия, несомненно, произведут сенсацию на взыскательном галактическом рынке. Ремесла на планете до его прибытия были развиты слабо и ограничивались, в основном, резными узорами, мучительно процарапываемыми на твердом дереве с помощью каменных обломков. Он обеспечил их инструментами и металлом из собственных запасов, только и всего. Через несколько месяцев вескеры не только научились работать с новым материалом, но и перевоплотили собственные узоры и формы в самые необычные и самые прекрасные изделия, которые ему когда-либо приходилось видеть. Все, что оставалось сделать,- это реализовать их на рынке, чтобы создать первичный спрос, а затем вернуться за новой партией товара. Взамен вескеры хотели получить только книги и знания, и он понимал, что они собственными силами станут членами галактического сообщества.

Раньше Гарт надеялся на это. Но ветер перемен подул на поселение, выросшее вокруг его корабля. Коммивояжер перестал быть центром всеобщего внимания и занимать основное место в жизни деревни. Он усмехнулся, подумав о потере своего влияния, но в этой усмешке было очень мало юмора. Серьезные и внимательные вескеры по-прежнему по очереди выходили на дежурство для сбора знаний, но эта регистрация сухих фактов резко отличалась от интеллектуального урагана, окружающего священника.

Если Гарт заставлял их отрабатывать каждую книгу или прибор, то священник раздавал знания бесплатно. Гарт стремился быть

прогрессивным в распространении информации и относился к ним как к сообразительным, но не умеющим читать и писать детям. Он хотел, чтобы они до конца освоили один этап, перед тем как перейти к следующему.

Отец Марк просто-напросто поднес им блага христианства на блюдечке. Единственной физической работой, которую он требовал от них, было строительство храма - места поклонения и обучения. Из бескрайних болот планеты выходили все новые вескеры, и через несколько дней уже была поставлена крыша, опирающаяся на конструкцию из шестов. Каждое утро прихожане немного работали над возведением стен, а потом спешили внутрь церкви, чтобы узнать всеохватные, всезначимые, всеобъемлющие факты о Вселенной.

Гарт никогда не говорил вескерам, что он думал об их новых интересах. Это объяснялось, главным образом, тем, что они его не спрашивали об этом. Гордость и самолюбие не позволяли ему поймать какого-нибудь внимательного слушателя и излить ему свои обиды. Может быть, все было бы по-другому, если бы на дежурстве оказался Итин; он был самый умный, но Итина сменили на следующий день после прибытия миссионера, и с тех пор Гарт не разговаривал с ним.

Через семнадцать втройне долгих вескерианских дней он с удивлением обнаружил у своих дверей делегацию, когда вышел на порог после завтрака. Возглавлял их Итин, и его рот был слегка приоткрыт. У многих других вескеров рот также был открыт, один из них, казалось, даже зевал, четко обнажая двойной ряд острых зубов и багрово-красное горло. Открытые рты означали серьезность встречи: это было единственным вескерским выражением, которое Гарт научился понимать. Открытый рот свидетельствовал о сильном чувстве: счастья, печали, гнева; он никак не мог разобрать, о каком точно. Обычно вескеры были спокойны, и он видел слишком мало открытых ртов, чтобы распознавать, что за ними скрывалось. Но сейчас они окружили его.

- Помоги нам, Гарт, - сказал Итин. - У нас есть вопрос.

- Я отвечу вам на любой вопрос, - сказал Гарт с явным предчувствием чего-то дурного. - Что у вас за вопрос?

- Есть ли Бог?

- Что вы имеете в виду под словом "бог"? - в свою очередь спросил Гарт. Что ему следует говорить?

- Бог - это наш отец на небеси, который создал нас всех и защищает нас. Ему мы молимся о помощи, и если будем спасены, мы найдем место...

- Довольно, - перебил его Гарт. - Бога нет.

Теперь они все, даже Итин, раскрыли рты, глядя на Гарта и обдумывая его ответ. Ряды розовых зубов выглядели устрашающе, но он слишком хорошо знал этих существ. На мгновение ему показалось, что они уже обращены в христианство, и сейчас считают его еретиком, но он отбросил эту мысль.

- Спасибо, - сказал Итин, они повернулись и ушли.

Хотя утро все еще было прохладным, Гарт почувствовал, что обливается потом и удивился, отчего бы это.

Реакции долго ждать не пришлось. После полудня Итин возвратился.

- Не мог бы ты прийти в церковь? - попросил он. - Многое из того, что мы изучаем, очень трудно понять, но нет ничего труднее этого. Нам нужна твоя помощь, так как мы должны выслушать, как вы будете разговаривать вдвоем с отцом Марком. Дело в том, что он говорит, что истинно одно, а ты - другое, но то и другое не могут быть истинными одновременно. Мы должны выяснить, что истинно на самом деле.

- Конечно же, я приду, - сказал Гарт, стараясь скрыть внезапный восторг. Он ничего не сделал, но вескеры все равно пришли к нему. Пока есть основания надеяться, что они еще свободны.

В церкви было жарко, и Гарт с удивлением увидел огромное количество вескеров; их было больше, чем ему когда-либо приходилось видеть в одном месте. Было много открытых ртов. Отец Марк сидел за столом, заваленным книгами. У него был грустный вид, но

он не сказал ничего, когда вошел Гарт. Гарт первым нарушил молчание.

- Надеюсь, Вы понимаете, что это их идея - по собственной воле прийти ко мне и пригласить меня прийти сюда?

- Я знаю, - покорно согласился священник. - Порой с ними бывает очень тяжело. Но они учатся и хотят верить, а это самое главное.

- Отец Марк, коммивояжер Гарт, нам нужна ваша помощь, - сказал Итин. - Вы оба знаете много того, чего не знаем мы. Вы должны помочь нам прийти к религии, что очень непросто сделать.

Гарт сперва хотел было что-то сказать, но потом передумал. Итин продолжал. - Мы прочли Библию и все книги, которые дал нам отец Марк, и нам ясно одно. Мы обсудили это и пришли к единому мнению. Эти книги очень отличаются от тех, что дал нам коммивояжер Гарт. По книгам коммивояжера Гарта выходит, что существует Вселенная, которую мы не видели, и она развивается без Бога, так как он нигде не упомянут: мы искали очень тщательно. По книгам отца Марка, Бог везде и ничто не может произойти без него. Одно из этих утверждений должно быть истинным, а другое - ложным. Мы не знаем, как это может быть, но, возможно, после того, как мы выясним, что является истинным, мы все поймем. Если Бог не существует...

- Конечно, он существует, дети мои, - сказал отец Марк с жаром в голосе. - Он наш отец на небеси, который создал всех нас...

- А кто создал Бога? - задал вопрос Итин; бормотание прекратилось и все вескеры внимательно посмотрели на отца Марка. Тот слегка отшатнулся под их взглядами, потом произнес с улыбкой:

- Никто не создавал Бога, потому что он и есть Создатель. Он был всегда...

- Если он всегда существовал, то почему Вселенная не может существовать всегда? Не имея создателя? - Итин разразился потоком слов. Важность вопроса была очевидной. Священник отвечал медленно, необычайно терпеливо.

- Было бы хорошо, если бы ответы на все вопросы были столь же

просты, дети мои. Но даже ученые не пришли к единому мнению о сотворении Вселенной. Пока же они сомневаются, мы, увидевшие свет, знаем твердо. Мы видим чудо сотворения вокруг себя. А как может существовать творение без творцов? Это Он, наш Отец, наш Бог на небеси. Я знаю, что вы сомневаетесь; это потому, что у вас есть души и свободная воля. Тем не менее, ответ очень прост. Вера - вот все, что вам нужно. Просто поверьте.

- Как мы можем поверить, не имея доказательств?

- Если вы не видите, что этот мир сам по себе является доказательством бытия божия, тогда я говорю вам, что убеждения не нуждаются в обосновании, если у вас есть вера!

В помещении поднялся гвалт и число открытых ртов заметно прибавилось, как будто вескеры хотели процедить свои мысли через запутанный клубок слов и отделить ниточку правды.

- Что скажешь нам ты, Гарт? - задал вопрос Итин, и звук его голоса утихомирил шум и гам.

- Я могу посоветовать вам воспользоваться научным методом, с помощью которого можно исследовать все, что угодно, включая его самого, и получить ответы, могущие доказать истинность или ложность любого утверждения.

- Именно это мы и должны сделать, - сказал Итин, - мы пришли к такому же выводу. - Он взял толстую книгу и зрители дружно закивали. - Мы изучали Библию, как советовал отец Марк, и нашли в ней ответ. Бог совершит для нас чудо, тем самым доказывая, что следит за нами. По этому знаку мы признаем его и пойдем за ним.

- Это грех гордыни, - произнес отец Марк. - Богу не нужно совершать чудеса для подтверждения собственного существования.

- Но чудо нужно нам! - вскричал Итин, и хотя он не был человеком, в его голосе чувствовалась тревога. - Мы прочли здесь о многих небольших чудесах, хлебах, рыбах, вине, змеях, - многих, совершенных по гораздо менее важным поводам. Сейчас же все, что ему нужно - совершить чудо, и мы все пойдем за ним. Это будет чудо поклонения его престолу целого нового мира, как ты сказал нам,

отец Марк. Мы обсудили это и решили, что есть только одно чудо, которое лучше всего подходит для данного случая.

Скука, навеянная теологическим спором, мгновенно покинула Гарта. Раньше он не задумывался и не мог осознать, к чему все клонится. Он видел иллюстрацию в Библии, которую держал Итин, и заранее знал, что было изображено на картинке. Он медленно поднялся со стула, как бы потягиваясь, и обернулся к священнику, сидевшему сзади.

- Приготовьтесь, - прошептал он. - Выходите через задний ход и бегите к кораблю; я задержу их здесь. Думаю, они не причинят мне вреда.

- О чем это Вы?.. - спросил отец Марк, хлопая глазами от удивления.

- Беги, дурак! - прошипел Гарт. - Какое, по-твоему, чудо они имеют в виду? Какое чудо, по-твоему, обратило мир в христианство?

- Нет! - испуганно произнес отец Марк. - Не может быть. Этого просто не может быть!..

- Беги! - прокричал Гарт, стаскивая священника со стула и толкая его к задней стене. Отец Марк споткнулся и оглянулся назад. Гарт бросился к нему, но было уже поздно. Амфибии были невелики по размеру, но их было слишком много. Гарт изловчился и ударил кулаком Итина, отшвырнув его в толпу. На Гарта накинулись другие, когда он стал пробиваться к священнику. Он колотил их, но это напоминало борьбу с волнами. Покрытые шерстью, пахнущие мускусом тела накрыли его с головой и поглотили. Он боролся, пока не был связан. Он пытался освободиться от пут, пока его не ударили по голове. Потом его вытащили наружу, где ему оставалось лишь браниться и наблюдать за происходящим, лежа под дождем.

Вескеры, несомненно, были искусными мастерами, и все было сделано, как на иллюстрации в Библии, вплоть до мельчайших деталей. Был крест, водруженный на вершине небольшого холма, были блестящие металлические гвозди и кувалда. Отца Марка раз-

дели донага и облачили в тщательно присобранную набедренную повязку. Его вывели из церкви.

При виде креста он чуть было не упал в обморок. Потом он высоко поднял голову и твердо решил умереть, как и жил, с верой в Бога.

Тем не менее, это было тяжело. Это было невыносимо даже для Гарта, который только наблюдал за происходящим. Одно дело говорить о распятии и смотреть на искусно вырезанные тела в полумраке храма. Совсем другое - видеть обнаженного человека, свешивающегося с деревянного бруса, когда веревки врезаются в его кожу. Видеть, как берут заостренный гвоздь и прикладывают его к мягкой плоти ладони, видеть, как поднимается кувалда со спокойной неторопливостью обдуманного удара мастера. Слышать глухой звук металла, пронзающего тело.

Потом слышать вопли.

Немногие люди рождены, чтобы стать мучениками; отец Марк не принадлежал к их числу. С первыми ударами кувалды кровь хлынула у него изо рта, где сходились его стиснутые зубы. Потом его рот широко открылся, голова запрокинулась и ужасные гортанные вопли прорезались сквозь легкий шорох падающего дождя. Они отразились безмолвным эхом в массе наблюдавших вескеров, так как из-за волнения, заставившего их раскрыть рот, они сейчас изо всех сил вытягивали шею, и ряды открытых челюстей отражали агонию распятого священника.

К счастью тот потерял сознание, когда был забит последний гвоздь. Кровь сочилась из свежих ран, смешиваясь с дождем, стекала розовыми каплями с ног, по мере того, как жизнь покидала его. В это время, всхлипывая и пытаясь разорвать собственные путы, Гарт, онемевший от ударов по голове, потерял сознание.

Он очнулся внутри своего склада. Вокруг было темно. Кто-то резал туго свитые веревки, которыми он был связан. Снаружи все еще капал и брызгал дождь.

- Итин, - позвал он. Это не мог быть никто другой.

- Да, - прошептал позади нечеловеческий голос. - Остальные беседуют в церкви. Лин умер после того, как ты ударил его по

голове, а Инон очень болен. Некоторые говорят, что тебя также следует распять, и я думаю, что так оно и будет. Или тебя забросают камнями. Они нашли в Библии...

- Я знаю, - сказал Гарт с крайней усталостью в голосе. - Око за око. Ты найдешь там много такого, если начнешь искать. Это великолепная книга.

У него сильно болела голова.

- Ты должен бежать, ты можешь незаметно пробраться на корабль. Хватит убийств, - в голосе Итина также чувствовалась усталость.

Гарт попробовал подняться на ноги. Он прижался головой к неотесанному дереву стены и сидел так, пока не прекратилась тошнота.

- Он умер, - сказал Гарт тоном утверждения, а не вопроса.

- Да, не так давно. Иначе я бы не смог уйти, чтобы повидать тебя.

- И, разумеется, погребен, иначе они бы и не подумали сделать то же самое со мной.

- И погребен! - в голосе инопланетянина чувствовалось нечто похожее на душевное волнение - подражание мертвому священнику. - Он погребен и вознесется на небеса. Так написано и так будет. Отец Марк будет счастлив, что так вышло, - в конце его речи послышался звук, похожий на человеческий всхлип.

Превозмогая боль, Гарт пробирался к двери, опираясь о стену, чтобы не упасть.

ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИНКА

Ричард Вильсон

Голубой парень не выглядел слишком неуместно на вечеринке с коктейлями. Одет он был должным образом - твидовый пиджак, белая сорочка, галстук и все такое - но вот сам он *был* голубым.

Это была прощальная вечеринка, устроенная в честь Массиета из Франс-Суар. Не меньше сотни людей втиснулось в двухкомнатную квартиру. Здесь была Сьюзи, певичка, готовая в любую секунду впрыгнуть в ожидающий ее кадиллак и умчаться в зал Шуберт для исполнения заключительного номера. Здесь была натурщица в черном узком платье, из которого неудержимо выпирал бюст. Линдли попытался припомнить ее имя. Здесь был японец, кланявшийся с улыбкой всякий раз, когда кто-либо кидал на него взгляд, - все еще виноватый за вторую мировую войну.

Линдли пробирался сквозь толпу, улыбаясь, здороваясь и извиняясь на всем пути от холла до бара. Бармен в белом жакете бросил ему в бокал три кубика льда и наполнил его виски, а затем разбавил их содовой.

- Спасибо, - кивнул Линдли и собрался уходить. Голубой парень загораживал ему дорогу.

- Прошу прощения, - сказал Линдли.

Голубой парень держал бокал, лед в котором давно растаял. Он улыбнулся неуверенно, и Линдли поинтересовался: - Плеснуть еще?

Голубой позволил Линдли передать его бокал бармену, но ничего не сказал, продолжая улыбаться, - но не как если бы он испытывал удовольствие, и не извиняясь, как японец. Это была улыбка-маска, подумал Линдли, за которой, похоже, скрывалось отчаяние.

Неожиданно для себя он сказал бармену: - Сделай покрепче и побереги содовую, - и передал виски голубому парню.

- Вы друг Массиета? - спросил Линдли.

Тот закивал энергично, поднял свой бокал, но пить не стал.

Натурщица пробивала дорогу к бару. Она с трудом проскользнула мимо Линдли, бросив на ходу: - Привет. Не хочешь составить мне компанию?

Линдли был бы не прочь, но прежде неплохо вспомнить ее имя. - Увидимся позже, - сказал он девушке. - Будь поблизости.

Голубой парень смотрел на проходящую девушку. Он не сказал ничего, но глаза его следовали за ней с восхищением, за которым угадывалось желание.

- Ясно, - сказал Линдли. Он продолжал ненавязчиво изучать парня.

- Ничего штучка. Как она тебе?

Ему казалось, что голубой парень понимает английский язык, но не умеет говорить. Но, во всяком случае, у него должно быть имя. Хоть его-то он может сказать.

- Послушай, - сказал Линдли, - мы ведь не знакомы. Меня зовут Линдли. Язон Линдли. Кливлендский торговый агент. А ты кто?

Парень только тряхнул бокал так, что лед звякнул о стекло. Это был единственный звук, который он издал.

Натурщица - Линдли вспомнил наконец, что ее зовут Наоми - вернулась от стойки. Она ускользнула от кого-то из Рейтер, пытавшегося безуспешно вовлечь ее в беседу, и остановилась рядом с Линдли. - Найдется сигарета? - спросила она его.

Линдли предложил ей Лакки и Наоми соблазнительно изогнулась над спичкой. - К черту голубого, - сказала она, сделала рот красным колечком и пустила струю дыма ему в лицо. - Поищем тихий уголок, поговорим о политике.

- Кто он такой? - поинтересовался Линдли. - Ты его знаешь?

Она пожала плечами, очевидно, более с целью поиграть телом, нежели дать информацию. Она была крайне соблазнительна. - Я нашла местечко, где можно отдохнуть. Не задерживайся. - Наоми скрылась в толпе.

Линдли с сожалением перевел взгляд с ее исчезающих бедер на лицо голубого парня.

- Ты выступаешь в каком-нибудь шоу?- спросил он. Голубизна могла быть своеобразным гримом. Например, французская певица Сьюзи носила кричаще красные и зеленые цвета, смягчаемые освещением зала Шуберт.

Но голубизна лица парня казалась естественной, а сам он никак не отреагировал на вопрос Линдли. Его волосы также были голубыми, и Линдли только сейчас заметил, что его уши заострялись кверху.

Массиет, почетный гость, прошел сквозь столпотворение, держа в руках два пустых бокала.

- А, привет, - бросил Массиет Линдли. - Как ты насчет выпить?

- Только не сейчас, - ответил Линдли. - Познакомь меня со своим другом.

- Моим другом? - Массиет посмотрел на голубого парня. - А, привет, mon ami. Надеюсь, тут есть кому о тебе позаботиться?

Голубой парень поднял бокал, о наполнении которого позаботился Линдли. Затем он улыбнулся и сделал глоток. Линдли отметил, что и зубы у него были странные. Они не располагались в ряд, с промежутками между ними, но, казалось, представляли собой единое целое.

Массиет отошел и стоял сейчас позади Линдли у бара. Линдли спросил через плечо: - Как его имя? Откуда он? Он может сказать хоть что-нибудь?

- Кто? - спросил Массиет. - Не так много льда. Вот так лучше. А, этот, голубой. Не знаю. Прибило его сюда. Ты знаешь, как это бывает. Наоми спрашивала тебя, Линдли. - Он подмигнул. - Предпочел бы, чтобы она интересовалась мною.

- Послушай, - Линдли обратился к голубому парню. - Я должен идти. Не хочу быть грубым, но ты можешь ответить на один вопрос?

Тот улыбнулся сплошными зубами и покачал головой. Линдли опять обратил внимание на его уши. Растущие на них волосы чем-то напомнили ему крошечные проводки - как антенны.

- Это, возможно, прозвучит дико, - сказал Линдли, - но ты - землянин?

Голубой парень продолжал улыбаться, но его взгляд более не был сфокусирован на Линдли. Казалось, он высматривал то, чего не было здесь. Он посмотрел на свои часы. Для Линдли было достаточно мельком на них взглянуть, чтобы засечь отсутствие привычного 12-часового циферблата. Был ли циферблат 24-часовой? Или что-то совершенно другое? Он не мог определенно сказать.

Голубой парень отвернулся от Линдли и поставил свой бокал. Затем нашел стул и встал на него. Поднял руку и вытянул ее, ладонью вниз, на уровне груди.

- Ш-ш, - раздались возгласы и присутствующие повернулись к нему. Прекратились десятки разговоров и в комнате стало тихо.

Голубой парень стоял, глядя перед собой. Но ни на кого конкретно, отметил Линдли. Его взгляд был устремлен на дальнюю стену. Он улыбался с оттенком настойчивости, вытянув руку. Затем повернул руку ладонью вверх.

Кто-то потянул Линдли за локоть. Это была Наоми.

- Эй, - сказала она, - как насчет того, чтобы смыться отсюда?

- Тихо. Он собирается что-то сказать. Наконец.

- Нет, не собирается, - сказала Наоми. - Пойдем. У меня от дыма начинает болеть голова.

- Нет, он будет говорить, - сказал Линдли. - Подожди минуту.

Голубой парень все еще стоял на стуле, улыбаясь почти с отчаянием, продолжая смотреть на противоположную стену. Он жестикулировал, но не произносил ни слова.

Постепенно шум от разговоров возобновился, гости отворачивались от него.

- Ты полагаешь, он ничего не скажет? - спросил Линдли.

- Ну да. Он никогда не говорит.

- Так ты видела его раньше?

- Конечно, он посещает все вечеринки.

- *Я* не видел его никогда, - сказал Линдли.

- Мы с тобой не всегда ходим на одни и те же вечеринки, что очень жаль, - сказала она. - Он чокнутый, вот и все.

- Я так не думаю. Я думаю, он действительно с кем-то связывается каким-то способом, но не принимает сигнал. Я думаю, он чужестранец.

- Разумеется, - ответила Наоми. - Эти вечеринки кишат чужестранцами. Космополиты чертовы.

- Я не имел в виду - иностранец. Я полагаю некто, не с Земли.

- Брось, Линд. Ты смотришь слишком много фильмов ужасов. - Она соблазнительно повела плечами. - Так ты идешь, или я пойду домой одна?

- Ладно, - он в последний раз посмотрел на голубого парня. Тот все еще молча стоял на стуле. Сейчас уже никто не обращал на него ни малейшего внимания. - Может быть, ты и права, - сказал Линдли. - В конце концов, это мой выходной.

Он вышел с Наоми. Возможно, тут не было никакой истории, а если и была, то газета может ее получить по телефону. Когда Наоми взяла его под руку и сжала ее в лифте, он подумал со слабым угрызением совести, что может быть тут очень большая история. Он ответил на пожатие Наоми.

Да, но если бы это была голубая девушка...

КАК ВАЖНО БЫТЬ ВАЖНЫМ

Кэлвин В.Дэммон

Много лет назад в Большом Городе жил-был маленький мальчик - сам по себе. Он жил в квартире с окнами, выходящими на Очень Занятую Улицу, и у него были телевизор, проигрыватель и голубые занавески на окнах.

Звали его Стэнли Шир и было ему лет восемь или девять.

Стэнли Шир твердо верил в то, что он самая важная в мире персона. Он верил, что все остальные во всем мире живут только для того, чтобы помогать ему, Стэнли Ширу. Но самое интересное было то, что он верил, будто все они знают об этом. Ибо Стэнли Шир думал, что все, случавшееся с ним, крайне важно и для других, и что очень многое из случившегося с ним было спланировано кем-то еще. Он верил, что весь мир - это сцена, с которой он произносит важный монолог под Их руководством.

Например, Стэнли Шир твердо верил в то, что если ему понадобится что-то сделать, Они предпримут соответствующие меры. Он верил, что если ему быстро понадобится лифт, чтобы спуститься в гараж, Они позаботятся, чтобы лифт ждал его на этаже. Он верил в то, что если ему захочется брокколи в кафетерии, и в этом кафетерии будет только одна порция брокколи, то Они оставят эту порцию для него. И он был уверен, что если ему понадобится место для парковки, то некто не очень важный получит от Них Сообщение или что-то в этом роде и освободит ему место.

Тот факт, что не всегда были: лифт на этаже, свободное место для парковки, его брокколи в кафетерии, - казалось, доказывал Стэнли Ширу существование у Них некоторого Таинственного Плана относительно него. Поскольку он был самым важным человеком в мире, Они должны оберегать его и делать все, чтобы он исполнил свое предназначение. В этом Стэнли Шир был уверен, в это он верил до конца. Они держали в уме его Предназначение, и на Них лежала ответственность за то, чтобы с ним ничего не случилось до тех пор, пока он не выполнит его, поскольку он был Самым Важным Человеком на Земле.

Стэнли Шир изобретал маленькие ловушки для Них. То возьмет банковскую книжку и поедет на машине в город, а затем пешком направится в банк, и тут, вместо того, чтобы зайти в банк, неожиданно заскочит в кафе рядом с целью захватить Их врасплох, пока они не опомнились и не засновали вновь деловито вокруг. То неожиданно по пути на работу свернет не влево, а вправо, надеясь поймать Их - в остановившихся автомашинах с погашенными фарами. То вдруг в середине телевизионной программы переключится на другой канал, надеясь увидеть то, что Они смотрят вечерами. Он так ни разу и не поймал Их, что, однако, не пошатнуло его уверенности. "Радиоволны тоже нельзя увидеть", - говорил он себе.

Однажды Стэнли Шир взял банковскую книжку, вошел в ожидающий его лифт, спустился вниз и поехал на машине в банк. Когда он въезжал на забитую стоянку, машина отъехала прямо перед ним, освобождая ему место. Это было единственное свободное место. Стэнли Шир улыбнулся, занял это место, остановил машину и вышел. Он зашел в банк, депонировал чек, сел в машину и включил зажигание. Затем он подал ее назад и выехал со стоянки, едва разминувшись с машиной, которая стояла в ожидании сзади. Он надавил до отказа на акселлератор, машина с ревом вырвалась вперед и, опасно накренившись на повороте, ракетой помчалась вниз по улице, оставляя за собой струю дыма, вытекающую из выхлопной трубы.

На стоянке машина, ожидавшая Стэнли Шира, заняла освободив-

шееся место. Самый Важный Человек в мире вышел из нее, тряхнул головой, печально улыбнулся и направился к дверям банка.

Стэнли Шир, убитый в лобовом столкновении на пути домой, выполнил свое Предназначение.

ПУТЬ ДЕЛЬФИНА

Гордон Диксон

Разумеется, не было причины, по которой женщина, посетившая путь Дельфина, - так покойный д-р Эдвин Найт назвал островную исследовательскую станцию, - не могла быть красивой. Просто Мэл совсем не ожидал, что такое могло случиться.

Кастор и Поллукс не появились в бассейне станции этим утром. Возможно, они покинули станцию, как это сделали в прошлом другие дикие дельфины, а Мэл последнее время испытывал страх, что фонд Виллерни воспользуется любым подвернувшимся поводом для прекращения финансирования дальнейших исследований. С момента прихода к руководству Корвина Брейта этот страх не отпускал Мэла, хотя Брейт ничего не говорил. Собственно, это ощущение возникало просто от присутствия этого высокого, с холодным выражением лица мужчины. И так получилось, что, когда Мэл наблюдал за океаном, морское такси доставило с материка посетительницу.

Он смотрел, как она сошла на пирс, затем помахала ему рукой, как старому знакомому, и быстро поднялась по ступенькам на террасу перед дверью главного здания станции.

- Хелло, - сказала она, улыбаясь. - Вы Корвин Брейт?

Мэл как-то сразу почувствовал собственную худобу и ординарную внешность перед ее ошеломляющей красотой. Она была шатенкой и для девушки высокой - но не это было в ней главное.

Ощущение ее совершенства поражало, а ее улыбка странно волновала его.

- Нет, - ответил он. - Я - Малколм Синклер. Корвин внутри.

- Меня зовут Джейн Вилсон, - сказала она. - Бэкграунд Мансли ждет от меня интересной истории о дельфинах. Вы ведь работаете с ними?

- Да, - сказал Мэл. - А начинал вместе с доктором Найтом.

- О, отлично, - сказала она. - Тогда вы мне должны кое-что рассказать. Вы были здесь, когда д-р Брейт занял место д-ра Найта после его смерти?

- Мистер Брейт, - автоматически поправил Мэл. - Да.

Волнение, которое она возбудила в нем, было столь сильное и глубокое, что она должна была его почувствовать. Но она ничем этого не показала.

- М-р Брейт? - повторила она. - О! Как к нему относится персонал?

- Хорошо, - сказал Мэл, - все его любят.

- Понятно. Он хорошо себя проявил в роли руководителя исследованиями?

- Он хороший администратор, - ответил Мэл. - Он не занимается исследованиями.

- Нет? - Она удивленно посмотрела на него. - Разве он не замещает д-ра Найта?

- Нет, почему же, - ответил Мэл, с усилием концентрируя внимание на беседе. Никогда ни одна женщина не действовала на него так, как эта. - Но только в качестве администратора. Понимаете, большая часть средств, обеспечивающих проведение исследований, поступает из фонда Виллерни. Они верили в д-ра Найта, но когда он умер... им захотелось иметь здесь своего человека. Никто из нас, собственно, не имел ничего против.

- Фонд Виллерни, - сказала она. - Я ничего о нем не знаю.

- Он был основан человеком по имени Виллерни в Сент-Луисе, Миссури, - сообщил Мэл. - Он сколотил капитал на производстве кухонной утвари. После смерти он оставил завещание, согласно которому был создан фонд, предназначенный для поддержки фундаментальных исследований. - Мэл улыбнулся. - Не спрашивайте меня, какая здесь существует связь. Но вам не слишком интересно?

- Во всяком случае, теперь я знаю больше, чем минуту назад, - улыбнулась она в ответ. - Вы знали Корвина Брейта раньше, до его появления здесь?

- Нет, - Мэл покачал головой. - У меня мало знакомых вне круга людей, занятых биологическими и зоологическими проблемами.

- Думаю, теперь вы знаете его достаточно хорошо, после 6 месяцев его руководства.

- Ну, - заколебался Мэл, - не скажу, что *хорошо*. Понимаете, он весь день проводит в офисе, я - внизу с Поллуксом и Кастором - двумя дикими дельфинами, регулярно приплывающими на станцию. Мы с Корвином видимся не часто.

- На таком-то маленьком острове?

- Вероятно, это звучит забавно, но мы оба заняты по горло.

- Не сомневаюсь, - она улыбнулась снова. - Я хочу осмотреть весь остров.

- Хорошо. Я провожу вас в офис. Пойдемте.

Он провел ее по террасе и через дверь в прохладу оборудованного воздушными кондиционерами помещения. Корвин Брейт никогда не выключал кондиционеры, как будто его собственная холодноватая сущность требовала все время соответствующей обстановки. Мэл провел Джейн вниз по короткому коридору и, открыв еще одну дверь, пригласил в просторный офис с широкими окнами. Высокий, широкоплечий мужчина с черными волосами оторвал свой взгляд от бумаг на столе и поднялся навстречу Джейн.

- Корвин, - сказал Мэл. - Это мисс Джейн Вилсон из Бэкграунд Мансли.

- Да, - обратился Корвин к Джейн, выходя к ним из-за стола. - Меня известили вчера о вашем предполагаемом прибытии. - Он не ждал, пока Джейн подаст ему руку, но сам протянул свою. Их пальцы встретились.

- Мне надо спуститься к Кастору и Поллуксу, - пробормотал Мэл, поворачиваясь к выходу.

- Увидимся позже, - сказала ему Джейн.

- О, да. Может быть. - ответил Мэл и вышел. Закрыв за собой дверь, он на мгновение задержался в темном и прохладном холле и закрыл глаза. - Не будь дураком, - сказал он себе, - такая девушка уж найдет себе кого-нибудь получше тебя. Скорее всего, уже нашла.

Он открыл глаза и пошел назад к бассейну, расположенному позади станции, в мир дельфинов.

Когда он туда пришел, Кастор и Поллукс уже ждали. Их бассейн был открытым, с выходом в голубые воды Карибского моря. На начальном этапе работы станции дельфины находились в закрытом бассейне, как другие пойманные дикие животные. И только позднее, когда исследования столкнулись с препятствиями, характер которых д-р Найт определил как "барьер среды", восторжествовала концепция открытого бассейна, со свободным выходом в море, так, чтобы дельфины могли покидать станцию или оставаться по собственному усмотрению.

Они покидали станцию, затем возвращались. В конце концов они ушли навсегда. Но, странно, дикие дельфины время от времени приплывали на старое место, и практически всегда на станции кто-то из них был.

Кастор и Поллукс были последней парой. Они впервые появились месяца четыре назад, вскоре после того, как куда-то пропал дельфин-одиночка, часто до этого гостивший на станции. Свободные, независимые - они были наиболее коммуникабельны. Но барьер не был сломан.

Сейчас они скользили под водой в разных направлениях, используя всю 30-ярдовую длину бассейна, проходя рядом, выше и ниже один другого, при этом их семифутовые тела почти, но только почти, задевали друг друга. Магнитофонная лента свидетельствовала, что они разговаривали между собой в ультразвуковом диапазоне от 80 до 120 кГц. Такого их движения в воде ему еще не доводилось видеть. Оно было ритмичным и имело характер ритуального танца.

Он сел и надел наушники, подключенные к гидрофонам в воде с

каждой стороны бассейна. Он сказал в микрофон несколько слов, спросив дельфинов о характере их движений, но они проигнорировали его, продолжая танец.

Звук шагов за спиной заставил его повернуться. Он увидел Джейн Вилсон, спускающуюся по бетонным ступеням от задней двери в сопровождении грузного Пита Аданта, механика на станции.

- Вот и он, - сказал Пит, когда они подошли. - А я должен возвратиться.

- Спасибо, - она улыбнулась Питу той улыбкой, которая так взволновала Мэла перед этим. Пит развернулся и стал подниматься по ступенькам. Джейн повернулась к Мэлу. - Надеюсь, я вам не помешала?

- Нет. - Он снял наушники. - Я все равно не получил никакого ответа.

Она посмотрела на двух дельфинов, подводный танец которых образовывал водовороты на поверхности, когда они круто поворачивались.

- Ответа? - спросила она. Он улыбнулся слегка печально.

- Мы так это называем. - Он кивнул в сторону двух обтекаемых тел, кружащих под водой. - Иногда нам удается задавать вопросы и получать ответы.

- Информативные ответы?

- Иногда. Так о чем вам рассказать?

- Обо всем. Похоже, вы тот человек, с кем мне лучше всего поговорить, не с Брейтом. Он послал меня сюда. Насколько я могу судить, вы единственный, кто владеет теорией.

- Теорией? - спросил он разочарованно, чувствуя, как сердце у него опускается.

- Ну, концепцией, - сказала она. - Той идеей, что в случае существования межзвездной цивилизации людям, возможно, предстоит себя квалифицировать, прежде чем вступать в контакт. И соответствующий тест, вероятно, будет иметь не технологический характер, подобно развитию средств передвижения быстрее-света, а социологический...

- Подобный умению общаться с чужой культурой, скажем, дельфиньей, - прервал он ее грубо. - Вам это рассказал Корвин?

- Я слышала об этом раньше. Я полагала, что автором теории является Брейт.

- Нет, - ответил Мэл. - Это моя теория, - он посмотрел на нее. - Вы не смеетесь?

- А надо? - она внимательно следила за движениями дельфинов. Внезапно он ощутил острую ревность к дельфинам за то, что они удерживали ее внимание, и это чувство толкнуло его совершить действие, на которое иначе у него не хватило бы смелости.

- Слетаем вместе на материк, - сказал он, - и пообедаем. Я расскажу тебе о них все.

- О'кей, - она оторвалась от дельфинов и посмотрела наконец на него, и он был удивлен, увидев ее нахмуренной. - Я что-то многого не понимаю, - прошептала она. - Я полагала, что интересоваться мне следует Брейтом. А оказывается - вами и дельфинами.

- Может быть, мы проясним это за обедом, - сказал Мэл, не совсем понимая, что она имеет в виду, впрочем, не слишком огорчаясь. - Вертолетная площадка находится на северной стороне.

Перелетев на вертолете через Капурано, они зашли в кафе полюбоваться видом кораблей на фоне лазурного моря. Вокруг них за столами слышался вежливый испанский говор венесуэльцев.

- Почему я должна смеяться над твоей теорией? - спросила она вновь, когда они уселись и принялись за еду.

- Большинство людей видят в этом попытку прикрыть общую неудачу работы станции, - сказал он.

Ее круто изогнутые брови поднялись. - Неудачу? Я полагала, у вас тут устойчивый прогресс.

- И да, и нет. - ответил он. - Еще до смерти д-ра Найта мы столкнулись с явлением, названным им "барьером среды", или, проще, БС.

- БС? - переспросила она.

- Да. - Мэл потыкал вилкой креветку в своем морском коктейле.

- Вся эта наша работа вырастает из работы д-ра Джона Лилли. Ты читала его книгу "Человек и дельфин"?

- Нет, - ответила она, чем вызвала его удивленный взгляд.

- Он был пионером в области исследований, касающихся изучения дельфинов, - сказал Мэл. - По-моему, первое, что тебе надо было сделать, прежде чем ехать сюда, это прочесть эту книгу.

- Первое, что я сделала, - сказала она, - так это попыталась узнать хоть что-нибудь о Корвине Брейте. Откровенно говоря, без всякого успеха. Вот почему я здесь, полагая, что он, а не ты, тот человек, кто реально работает с дельфинами.

- Поэтому ты меня спросила, много ли я о нем знаю?

- Да, - ответила она. - Но расскажи мне лучше об этом барьере.

- Тут немного рассказывать, - сказал он. - Как и большинство других больших проблем, эту достаточно просто сформулировать. Первым исследователям, изучавшим дельфинов, показалось, что успех рядом, и до установления связи с дельфинами - рукой подать, надо только научиться интерпретировать издаваемые ими звуки в диапазоне восприятия человеком и выше, и научить дельфинов человеческой речи.

- И выяснилось, что этого-то и нельзя сделать?

- Они смогли. Они это сделали - или настолько близко, что практически нет разницы. Но тут они столкнулись с тем фактом, что наличие связи не означает понимание, - он посмотрел на нее. - Вы и я говорим на одном языке, но понимаем ли мы однозначно смысл, вкладываемый в слова другим?

Она смотрела на него секунду, затем медленно покачала головой, не отрывая глаз от его лица.

- Именно в этом, по сути, и состоит проблема общения с дельфинами, только все, конечно, серьезней. Дельфины могут разговаривать со мной, а я с ними, но мы не можем понять друг друга настолько, чтобы об этом стоило говорить.

- Ты имеешь в виду интеллектуальное понимание, да? - сказала Джейн. - Не просто механическое?

- Да, именно так, - ответил Мэл. - Мы договариваемся по поводу

обозначения слуховых или иных символов, но не об их смысле. Я могу сказать Кастору: "Гольфстрим является сильным океанским течением", и он согласится, но никто из нас не имеет ни малейшего понятия, какой же смысл реально другой вкладывает в сказанное. Мой образ Гольфстрима - это не образ Кастора. Мое понимание слова "сильный" связано с фактом, что мой рост 6 футов, вес 175 фунтов, и я могу поднять вес, равный моему собственному. Кастор соотносит его с тем, что длина его тела составляет 7 футов, он может развить скорость до 40 миль в час, а что такое вес он вообще не знает, поскольку его 400 фунтов полностью уравновешиваются весом вытесняемой им воды. И *поднимание* чего-либо также не входит в круг его понятий. Мой "океан" отличен от его, и наши понятия того, что представляет собой течение, могут совпадать, а могут и полностью отличаться в значении. И до сих пор мы не можем найти способов наведения мостов над пропастью, разделяющей нас.

- Дельфины столь же добросовестно ищут понимания, как и вы?

- Я верю, что да, - сказал Мэл. - Но я не могу этого доказать. Невозможно доказать что-либо убежденным скептикам, прежде чем я научусь у дельфинов тому, что до настоящего времени не было достоянием человеческого разума. Или прежде чем дельфины продемонстрируют, что они сумели овладеть некоторыми видами интеллектуальной деятельности человека. А вот здесь-то сплошные неудачи из-за, как считаю я и считал д-р Найт, смысловой бреши, которая является прямым результатом БС.

Она сидела и смотрела на него. Он был, вероятно, болваном, рассказывая ей все это, но уже давно, со времени сердечного приступа у д-ра Найта, случившегося 8 месяцев назад, ему не с кем было поговорить, и слова сами сыпались с языка.

- Мы должны научиться думать, как дельфины, - сказал он, - или дельфины должны научиться думать, как мы. Почти шесть лет усилий, но ни одна сторона не преуспела, - тут он добавил одну мысль, которую предполагал держать при себе. - Боюсь, финансирование будет прекращено в ближайшее время.

- Прекращено? Фондом Виллерни? - сказала она. - Но почему?

- Потому что мы топчемся на месте вот уже долгое время. Боюсь, время прошло и никогда не вернется. Шесть лет назад дельфины вызывали общий интерес. Сегодня они забыты.

- Вы не можете быть уверенными в том, что исследования никогда не возобновятся.

- Но я чувствую это, - сказал он. - Это часть моей концепции, что способность установить контакт с внеземной цивилизацией реальна для нас, людей. Мне кажется, мы получили этот единственный шанс, и если мы его упустим, то больше он нам не представится. - Он мягко стукнул кулаком по столу. - Хуже всего то, что я *знаю* - дельфины стараются изо всех сил пройти свою часть пути. Если бы я только мог понять, что они делают, как они пытаются заставить меня понять.

Джейн сидела, продолжая смотреть на него.

- Такая уверенность, она на чем-то основана?

- Вы когда-нибудь видели челюсти дельфина? - спросил он. - Они вот такие длинные. - Он развел руки в стороны для иллюстрации. - И каждая пара челюстей содержит 88 острых зуба. Более того, дельфин типа Кастора весит несколько сотен фунтов и способен плыть со скоростью, почти невероятной, с точки зрения человека. Он может с легкостью убить вас, размазав по борту бассейна, если не предпочтет разорвать зубами или переломать все кости ударами хвоста. - Он посмотрел на нее угрюмо. - Несмотря на все это, несмотря на то, что люди ловили и убивали дельфинов, даже мы убивали их на ранних этапах исследований, неизвестен ни один случай нападения дельфина на человека, а ведь дельфины с легкостью используют зубы и силу против врагов в море. Аристотель в IV веке до Рождества Христова говорил о "мягкой и доброй" натуре дельфинов.

Он замолчал и быстро взглянул на Джейн.

- Вы не верите мне, - сказал он.

- Нет, - ответила она. - Я верю. - Он глубоко вздохнул.

- Извините, - сказал он. - Я уже рассказывал все это другим, а потом жалел. Я рассказал это одному человеку, который ответил,

что дельфины инстинктивно признают превосходство человека и ценность его жизни. - Мэл улыбнулся с грустью. - Простой инстинкт. "Как у собак", - заявил он мне. "Собаки инстинктивно обожают людей, любят их", - и он собрался рассказать мне о своей таксе по кличке Пучи, которая читала утренние газеты и не приносила ему их, если там на первой странице рассказывалось о какой-нибудь трагедии. Он мог подтвердить это многочисленными случаями, когда ему приходилось самому идти за газетой.

Джейн засмеялась. Это был приглушенный веселый смех и он моментально снял горечь с души Мэла.

- Во всяком случае, - сказал Мэл, - сдержанность дельфинов по отношению к людям является одним из доказательств, которые, как и дельфины здесь на станции, убедили меня в том, что они пытаются тоже нас понять. И пытаются, может быть, целые века.

- Я не понимаю, почему вас беспокоит обстановка, сложившаяся вокруг исследований, - сказала она. - Зная все это, неужели вы не можете убедить людей...

- Убедить я должен одного человека - Корвина Брейта. И не похоже, что у меня это здорово получается. Я просто чувствую, чувствую, как он сидит и готовит приговор мне и моей работе. Я чувствую... - Мэл заколебался, - как будто у него в руках топор палача.

- У него его нет, - сказала Джейн. - И не может быть. Я это узнаю, если вы позволите. У меня уже был бы ответ, если бы я считала его с самого начала администратором, а не ученым.

Мэл нахмурился недоверчиво.

- Вы действительно хотите узнать это для меня? - спросил он.

Она улыбнулась.

- Подождите, и вы увидите, - ответила она. - Мне самой интересно, что у него на уме.

- Это может быть важно, - сказал он обеспокоенно. - Я понимаю, что это звучит фантастично, но если я прав, исследования с дельфинами могут оказаться очень важными, более важными, чем что-либо еще в мире.

Она неожиданно встала из-за стола.

- Я начну прямо сейчас, - сказала она. - Почему вы не возвращаетесь на остров? Через несколько часов я туда отправлюсь на водном такси.

- Но вы даже не закончили ланч, - возразил он. - В действительности вы даже к нему не приступали. Давайте сначала поедим, а уж затем займемся делами.

- Я хочу кое-кому позвонить и попробовать перехватить их, пока они еще на работе, - сказала она. - Надо учитывать разницу во времени. Извини, мы еще пообедаем вместе.

Она погасила его разочарование одной из своих очаровательных улыбок и направилась к выходу.

Когда она ушла, Мэл почувствовал, что, собственно, не голоден. Он позвал официанта и отменил основной заказ. Посидел еще, выпил два бокала, что случалось с ним довольно редко. Затем вышел и на вертолсте вернулся на остров.

* * *

Пит Адант повстречался с ним по дороге от вертолетной площадки к дельфиньему бассейну.

- А, вернулся, - сказал Пит. - Корвин хочет видеть тебя через час, - то есть, когда он вернется. Он тоже отправился на материк.

Обычно такая информация пробудила бы в нем предчувствие грядущего прекращения исследований. Но три тоника и отсутствие обеда притупили несколько его чувствительность. Он кивнул и отправился к бассейну. Дельфины все еще были там, продолжая свой танец. Или, быть может, ему только казалось, что в их движениях есть заданность? Мэл сел на стул рядом с бортиком бассейна перед магнитофоном, записывающим визуальный образ издаваемых дельфинами звуков. Он включил наушники гидрофонов.

Неожиданно его поразила мысль о тщетности всего этого. Он проделывал одно и то же вот уже 4 года. И какова сумма результатов, которую он может представить? Виток за витком магнитной

ленты с записью неудачи установить продуктивную беседу с дельфинами.

Он снял наушники и отложил их в сторону. Затем закурил и сел, наблюдая полуприкрытыми глазами подводный дельфиний балет. Движение дельфинов точнее всего было действительно определить как танец. По своему изяществу, целенаправленности движений, они, поддерживаемые соленой водой, превосходили все, что доступно человеку в воздухе или на земле. Мэл снова подумал о том, что он рассказал Джейн Вилсон об отказе дельфинов нападать на людей, даже когда те били или убивали их. Он думал о том установленном факте, что дельфины приходят на помощь в случае, если один из них будет ранен или потерял сознание, и поддерживают его на поверхности воды, чтобы он не утонул, - дыхательный процесс дельфинов требует контроля со стороны сознания, прекращаясь, если дельфин сознание теряет.

Он думал об их жизнерадостности, нежности, широком и сложном речевом диапазоне. В каждой из этих категорий обычный человек выглядел по сравнению с ними крайне бледно. В дельфиньей культуре не было видимых импульсов к войне, убийству, ненависти и злу. Ничего удивительного, думал Мэл, что нам так трудно понять друг друга.

В иной среде, в иных условиях они стали такими, какими стремятся стать люди. У нас технологии, способность использовать орудия труда, но при всем этом во многих отношениях мы больше животные, чем они. Можно ли судить о том, кто из нас лучше, думал он, глядя сквозь воду на их движения. Я мог быть счастливее, если бы был дельфином. На секунду идея показалась привлекательной: бескрайнее синее море, свобода, конец всей сложной структуре человеческой культуры на земле. Несколько поэтических строк пришли ему на ум.

- Плывите,ребята, быстрее сюда, - продекламировал он громко сам себе. - Умчимся в неведомый край!

Он увидел, что два дельфина приостановили свой подводный балет, и заметил, что микрофон перед ними был включен. Их головы

повернулись под водой в сторону микрофона. Он вспомнил следующие строки и громко произнес их для дельфинов.

Где в гавани плещутся наши друзья,
Где море штурмует в прилив берега,
Где белые кони грызут удила,
И ржут и резвятся средь брызг волшебства.

Внезапно он прервал декламацию, чувствуя неловкость, и посмотрел вниз на дельфинов. На мгновенье они просто зависли на месте лицом к микрофону. Затем Кастор развернулся и поднялся на поверхность. Его лоб с дыхалом, а затем и вся голова, показались над водой, и Мэл услышал, как Кастор квакающим голосом, формируемым чувствительными губами и мускулатурой дыхала, произносил слова на человеческом языке.

- Плыви, Мэл, - квакал он, - быстрее сюда! Умчимся в неведомый край!

Голова Поллукса показалась рядом с головой Кастора. Мэл ошеломленно смотрел на них. Затем он резко перевел взгляд на ленту магнитофона. На ней была видна ритмическая запись его собственного голоса, как он звучал в бассейне, и ниже, на двух отдельных дорожках выписывались параллельные ритмы дельфинов. Они копировали его речь в неслышимом диапазоне во время его декламации.

Мэл встал на ноги, не отрывая взгляда от дельфинов, дрожа от предположения столь невероятного, что не осмеливался его сформулировать явно. Словно оглушенный Мэл прошел к ближнему концу бассейна, где три ступеньки вели в неглубокую часть. Глубина здесь составляла только три фута.

- Плыви, Мэл, - квакал Кастор, пока они вдвоем сохраняли в воде свое положение, высунув головы из воды и глядя на него, - быстрее сюда! Умчимся в неведомый край!

Ступенька за ступенькой Мэл сошел в бассейн. Он ощутил прохладу воды, замочившей его брюки и достававшей до пояса, когда он встал, наконец, на дно бассейна. В нескольких футах прямо перед ним два дельфина смотрели на него в ожидании. Стоя в воде, слегка колышащейся несколько выше пряжки его ремня, Мэл смот-

рел на них, ожидая, в свою очередь, какого-нибудь сигнала, который бы подсказал ему, чего они от него хотят.

Они не сделали никакого намека. Они просто ждали. Инициатива была отдана ему.

Он шагнул с шумом вперед на глубину, опустил голову, задержал дыхание, и ушел под воду.

Прямо перед глазами у него были расплывчатые очертания зернистого бетонного дна бассейна, над которым он медленно плыл, слегка поднимаясь вверх. Неожиданно оба дельфина оказались совсем рядом, скользя над ним, снизу и сбоку его тела, слегка задевая его иногда, делая его участником подводного танца. Он услышал скрип среди других подводных звуков, издаваемых ими, и понял, что они, вероятно, переговаривались между собой в недоступном ему диапазоне. Он не мог знать, о чем они говорили, и не мог понимать смысл их движений вокруг себя, но чувство, что они старались передать ему какую-то информацию, было ясным. Он начал ощущать недостаток кислорода. Продержавшись сколько смог, он поднялся на поверхность. Две дельфиньи головы возникли рядом, наблюдая за ним. Он нырнул под воду снова. Я - дельфин, - говорил он себе почти с отчаяньем. - Я не человек, а дельфин, и для меня все это значит... что?

Несколько раз он нырял, и каждый раз настойчивые и дисциплинированные движения дельфинов убеждали его, что он был на верном пути. Вынырнув окончательно, он отдышался. Он не слишком переусердствовал в своих стараниях быть, как они, подумал Мэл. Развернувшись, он поплыл назад к ступеням, к мелкому концу бассейна, и начал выбираться.

- Плыви, Мэл, быстрее сюда! - заквакал голос дельфина сзади него, и он повернулся, чтобы увидеть головы Кастора и Поллукса над водой, следящие за ним с напряженно открытыми ртами.

- Плывите, ребята, умчимся в неведомый край! - повторил он успокаивающе, насколько это ему удалось.

Торопливо он поднялся наверх в шкаф-раздевалку в ближайшем конце бассейна и открыл дверцу секции оборудования для подводного плаванья. Ему необходимо было сделать себя более дельфиноподобным. Он осмотрел акваланги и маску дыхательного аппарата и отказался от них: дельфины не могли дышать под водой. В поисках нужного он стал выбрасывать вещи из шкафа.

Примерно через минуту он вернулся на ступени в плавках, со стеклянной маской и ластами, надетыми на ноги. В руке он держал два куска мягкой веревки. Он сел на ступени и веревкой связал колени и лодыжки вместе. Затем неуклюже с шумом упал в воду.

Лежа в бассейне лицом вниз и глядя на дно сквозь стекло, он попытался двигать связанными ногами, имитируя движения дельфиньего хвоста, и достичь при этом перемещения с небольшим наклоном по отношению к поверхности воды.

Через несколько мгновений ему это удалось. Через секунду дельфины были рядом с ним, пока он пробовал плыть под водой по-дельфиньи. Скоро у него кончился воздух, и он был вынужден вынырнуть на поверхность. Выплыв, как дельфин, он лежал на поверхности, наполняя воздухом легкие, прежде чем уйти под воду ударом хвостоподобных ласт.

- Думай, как дельфин, - повторял он себе снова и снова. - Я - дельфин. И это - мой мир.

... И Кастор, и Поллукс все время были рядом с ним. Солнце опускалось далеко в океан, когда он, наконец, взобрался по ступенькам вверх и сел на бортик бассейна. Его пропитанному водой телу вечерний бриз казался ледяным. Он освободил ноги, снял ласты и маску и устало поплелся в раздевалку. Из ближнего шкафчика он взял полотенце и вытерся досуха, затем напялил старый халат, который висел здесь же. Усевшись на алюминиевый стул рядом с раздевалкой, устало вздохнул.

Мэл посмотрел на красное солнце, погружающееся в море, и почувствовал теплую радость внутри себя. В бассейне стемнело, а два дельфина продолжали свое челночное плаванье. Он наблюдал заход солнца.

- Мэл!

Звук голоса Корвина Брейта заставил его повернуть голову. Уви-

дев высокого человека с холодным лицом, идущего к нему, а рядом с ним изящную фигуру Джейн, Мэл быстро встал со стула.

- Почему ты не зашел ко мне? - резко бросил Брейт. - Я просил Пита передать тебе это. Я даже не знал, что ты вернулся с материка, пока морское такси не доставило мисс Вилсон сюда, и она не сказала мне об этом.

- Извините, - сказал Мэл. - Я наткнулся на кое-что интересное...

- Не стоит мне сейчас что-либо рассказывать. - Тон Брейта был тороплив и резок от раздражения. - У меня к тебе серьезный разговор, но нет времени - я хочу успеть на самолет до Сент-Луиса, - он повернулся к Джейн. - Вы извините меня, мисс Вилсон? Частное дело. Если вы подождете несколько секунд...

- Конечно, - сказала она, развернулась и пошла от них вдоль бассейна в сгущающиеся сумерки. Солнце только что зашло, и с внезапным наступлением тропической ночи на небе стали видны звезды.

- Всего несколько слов, - начал Мэл. - Это по поводу исследований.

- Извини, - сказал Брейт. - Не стоит об этом сейчас. Меня не будет неделю и я хочу, чтобы ты присмотрел здесь за этой Джейн Вилсон, - он слегка понизил голос. - Я говорил с редактором Бэкграунд Мансли по телефону днем, и он сказал мне, что ничего не знает о статье и ему незнакомо ее имя...

- Может быть, новый, - возразил Мэл. - Кто-нибудь, кто ее не знает.

- Не имеет значения, - сказал Брейт. - Как я уже говорил, извини, что мне приходится говорить тебе об этом в такой обстановке, но Виллерни решил прекратить финансирование станции. Я лечу в Сент-Луис для уточнения деталей, - он заколебался. - Я уверен, что ты подозревал что-нибудь в этом роде, Мэл.

Мэл ошеломленно смотрел на него.

- Это было неизбежно, - отчеканил Брейт холодно. - Ты знал это, - он помолчал. - Извини.

- Но станция будет закрыта без поддержки фонда Виллерни! - сказал Мэл, вновь обретя голос. - Вы это понимаете. И только

сегодня я понял, где находится ответ. Именно сегодня. Послушайте, - он схватил Брейта за руку, когда тот начал отворачиваться. - Дельфины пытались вступить с нами в контакт. Не с самого начала, нет, не тогда, когда мы экспериментировали с пойманными, но после того, как мы сделали бассейн открытым. Единственное затруднение состояло в том, что мы пытались найти только звуковой контакт - но это оказалось для них просто невозможным.

- Прошу прощения, - бормотал Брейт, пытаясь освободить свою руку.

- Послушайте, - закричал Мэл в отчаяньи. - Они обладают исключительно богатыми коммуникативными способностями. Как если бы мы использовали при общении между собой все инструменты симфонического оркестра. Они не только используют звук в диапазоне от 4 до 150 килоциклов в секунду, они используют движения, прикосновения - и все это в соответствии с меняющимися условиями океанской среды.

- Я должен идти.

- Один момент. Вспомните гипотезу Лилли о дельфиньих методах навигации. Он предположил, что это метод многих переменных, учитывающий температуру, скорость и вкус воды, положение звезд, солнца и т.д., - и все это анализируется в их мозгу одновременно и мгновенно. Ясно, что это так, и ясно, что метод их общения также основан на учитывании многих переменных: звука, касаний, позиций, места и движения. И сейчас, когда мы это знаем, мы можем идти вместе с ними в море и пытаться прощупать весь коммуникативный спектр. Ничего удивительного, что до этого наши достижения ограничивались примитивным обменом, раз мы использовали только звук. Это все равно, что ограничивать речевые возможности человека, допуская в структуре предложения только существительные.

- Я очень прошу меня извинить, - сказал Брейт твердо. - Я уже сказал тебе, Мэл. Уже ничего не изменишь. Решение фонда обусловлено финансовыми причинами. Уже и так столько потрачено, да и деньги, предназначавшиеся станции, уже перераспределены.

Он освободил, наконец, руку.

- Прошу извинить, - вновь повторил он. - Я вернусь через неделю. Тебе следует заняться подготовкой к закрытию станции.

С этим он повернулся и ушел в направлении вертолетной площадки. Мэл, ошеломленный, смотрел вслед высокой стройной и широкоплечей фигуре, уходящей в темноту.

- Не стоит переживать, - произнес мягкий успокаивающий голос Джейн около его уха. Он посмотрел вбок и увидел ее рядом. - Тебе не нужен будет фонд Виллерни.

- Это он сказал? - Мэл увидел, как она покачала головой, улыбаясь в сгущающейся темноте. - Ты все слышала?

- Да, - ответила она. - И ты был прав насчет Брейта. Я узнала ответ. У него был топор - его послали люди Виллерни с целью узнать, следует ли продолжать финансирование.

- Но оно нам необходимо! - воскликнул Мэл. - И не на длительный период. Мы должны в море отработать способы общения с дельфинами в их режиме. Нам следует повышать наш коммуникативный уровень, а не снижать их до нашего. Пойми, днем мне удалось...

- Я знаю, - сказала она. - Я знаю все об этом.

- Ты знаешь? - он недоуменно смотрел на нее. - Что ты знаешь?

- Ты был под наблюдением весь день. И ты прав. Ты преодолел БС. Отныне вопрос только в методах.

- Под наблюдением? Но как? - внезапно это показалось ему совсем несущественным. - Но мне нужны деньги, - сказал он. - Понадобится время и снаряжение, а все это стоит денег...

- Нет, - ее голос звучал бесконечно мягко. - Тебе не потребуется вырабатывать собственные методы. Твоя работа завершена, Мэл. Сегодня днем ты и дельфины сломали барьеры, стоявшие на пути общения между двумя цивилизациями, - впервые в истории. Это была твоя работа и ты с ней справился. Ты должен быть счастлив.

- Счастлив? - он вдруг почти закричал на нее. - Я не понимаю, о чем ты говоришь.

- Извини, - до него донесся еле слышный вздох. - Мы научим тебя разговаривать с дельфинами, Мэл, если это нужно людям. Так же,

как и некоторым другим вещам, возможно. Ее лицо было поднято к нему под звездным небом с последней полоской света на западе. - Ты был прав кое в чем больше, чем дельфины, Мэл. Твоя идея о том, что способность общаться с другой разумной цивилизацией является тестом, который необходимо пройти, прежде чем произойдет контакт с наиболее выдающимися представителями этой планеты, - тоже правильна.

Он в оцепенении смотрел на нее. Она была совсем близко к нему, он мог чувствовать живое тепло ее тела, хотя тела их не соприкасались. Он видел ее, чувствовал ее, стоящую перед ним; и он чувствовал всю странную глубину эмоций, которые она породила в нем в момент, когда он впервые увидел ее. Глубину эмоций, которую он чувствовал до сих пор. Неожиданно понимание пришло к нему.

- Ты хочешь сказать, что ты не с Земли... - его голос был хриплым и неуверенным. - Но ты человек! - закричал он в отчаянии.

Она помолчала секунду, прежде чем ответить. Темнота могла его и обмануть, но ему почудился блеск слез в ее глазах.

- Да, - сказала она, наконец, медленно. - В том смысле, который ты вкладываешь, можно сказать, что я человек.

Огромная и почти непереносимая радость забурлила в нем. Радость человека, который в момент, как ему казалось, потери всего находит нечто, имеющее несравнимо большую ценность.

- Но как? - сказал он возбужденно, показывая пальцем на звезды. - Если ты пришла оттуда, как ты можешь быть человеком?

Она посмотрела в сторону.

- Прости, но я не могу сказать тебе этого.

- Не можешь мне сказать? О, - сказал он с легким смешком, - я что-то не пойму.

- Нет, - ее голос был почти не слышен. - Мне запрещено говорить тебе об этом.

- Запрещено... - он ощутил холодок у сердца. - Но, Джейн... - он лихорадочно искал слова. - Я не знаю, как это точно выразить, но мне важно знать. С первого момента, как я увидел тебя здесь, я...

может быть, ты не чувствуешь ничего похожего, не знаешь вообще, о чем это я тут говорю...

- Нет, - прошептала она. - Я знаю.

- Тогда... - он посмотрел на нее. - Ты можешь, по крайней мере, сказать что-нибудь, что успокоит меня. Я хочу сказать... это только вопрос времени. Мы ведь будем вместе, твой народ и я, не так ли?

Она посмотрела на него из темноты.

- Нет, - сказала она, - не будем, Мэл. Никогда. Именно поэтому я не могу тебе ничего сказать.

- Не будем? - вскричал он. - Не будем? Но ты пришла и увидела, как мы общаемся. Почему нет?

Она посмотрела на него в последний раз и все рассказала ему. Он, услышав сказанное ею, стоял неподвижно, как камень, поскольку ничего другого ему не оставалось. И она, медленно повернувшись к бортику бассейна, сошла по ступеням в мелкую воду, где дельфины встретили ее, оставляя пенный след, белый, как снег.

Затем все трое, как по волшебству, пересекли бассейн и покинули его, уходя в сторону океана, теряясь в темноте мерцающей поверхности залитых звездным светом волн.

И тут Мэл понял, что дельфины все это время ждали ее. Они знали, возможно, уже века, что только к ним одним на Земле придут долгожданные посланники с других звезд.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

ЧУЖАЯ АГОНИЯ

Сборник научно-фантастических рассказов

Составитель *Ю.Копцов*

Ответственный за выпуск *Э.Г.Юрга*

Редактор *Н.И.Богдасарова*

Корректор *Э.Г.Юрга*

ИБ №005

Подписано к печати 25.10.91.
Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.
Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 11,26.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 6814.

Издательство "Отечество". 119034, Москва,
3-й Нижне-Лихоборский пр., д.3.

Отпечатано с готовых диапозитивов на ордена
Трудового Красного Знамени ПО «Детская
книга» Мининформпечати РСФСР.
127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот».

англо-американская фантастика